

# охота

и охотничье хозяйство

8

2001









# Вновь о долгосрочном лицензировании

Двадцать лет закрепление угодий и ведение охотничьих хозяйств в Российской Федерации осуществлялось на основании решения облисполкома (ныне администрация области) и типового договора на пользование угодьями. С 1995 года охотхозяйственная деятельность отнесена к лицензируемой. Так решила Государственная дума России, принявшая Федеральный закон «О животном мире» и установившая в нем эту норму (ст. 33). Теперь для ведения охотничьего хозяйства и организации охоты, помимо решения администрации области и договора, необходима еще и долгосрочная лицензия на пользование животным миром.

Автор уже высказывал свое мнение по данному факту, считая такое нововведение неоправданным и нецелесообразным (Российская охотничья газета от 10.03.99 г.). Но все осталось по-прежнему, и для получения такой лицензии заинтересованное юридическое лицо должно подать в орган исполнительной власти субъекта РФ надлежащим образом оформленную заявку.

Приказом Министерства сельского хозяйства и продовольствия РФ от 26.02.2000 г. № 569 утверждено Положение о порядке выдачи долгосрочных лицензий, которое было опубликовано в Российской газете 25.08.2000 г.

Анализ норм данного Положения позволяет говорить об исключительном вреде, который оно может нанести российской охоте. Мало того что Положение усиливает и без того чрезмерный диктат и самоуправство региональных охотуправлений, ряд норм этого Положения противоречит духу и букве Федерального закона «О животном мире», изменяя и дополняя его требования в худшую для охотпользователей сторону. При этом совершенно непонятно, каким образом такой документ прошел регистрацию в Минюсте России (регистрационный номер 2341 от 09.08.2000 г.).

Обратимся к пункту 6 Положения, где записано, что лицензирующий орган рассматривает поступившие заявки на получение охотничьих животных в пользование в течение 30 дней с даты поступления; готовит экспертное заключение о возможности выдачи долгосрочной лицензии; определяет условия пользования охотничьими животными, являющиеся неотъемлемой частью лицензии.

Однако нормы Федерального закона «О животном мире» читаются несколько иначе, и приоритеты в нем расстав-

лены по-другому. Так, из части 3 статьи 37 Закона усматривается, что орган исполнительной власти субъекта РФ на основании заключения специально уполномоченного органа принимает решение о предоставлении территории, акватории, необходимой для осуществления пользования животным миром.

Таким образом, заключение готовится не о возможности выдачи долгосрочной лицензии (как записано в Положении), а о возможности предоставления запрашиваемой заявителем территории (фактически специально уполномоченным органом должна даваться оценка среды обитания охотничьих животных, обоснованность предоставления тех или иных площадей под охотничье хозяйство, возможность его ведения на данной территории).

В ст. 13 Закона, где прописаны функции охотуправлений, нет записи о том, что эти органы определяют условия пользования животным миром. Такие условия определены непосредственно в самом Законе, в его статье 35, которая так и называется «Условия пользования животным миром». Именно они должны вписываться в долгосрочную лицензию, как того требует статья 38 Закона. Иначе условия пользования будут неизбежно определяться по усмотрению того или иного начальника охотуправления, что и происходит повсеместно.

Что только не придумывают чиновники, определяя условия: то количество егжей на единицу площади установят, то определят, сколько денег надо вкладывать в биотехнику и какого размера должен быть воспроизводственный участок, то предписывают осуществить охотустройство, да еще в кратчайшие сроки. Все эти и многие другие навязанные обязанности вписываются в условия пользования и прикладываются в долгосрочной лицензии, которые в случае возникновения спора обжаловать будет непросто (вы же согласились с этими условиями, когда получили лицензию).

Такое вмешательство в деятельность хозяйствующих субъектов беспрецедентно, и закрепляется оно ничем вроде бы не примечательной фразой из анализируемого Положения — условия пользования определяются лицензирующим органом (читай — охотуправлением). Кто получил долгосрочные лицензии с такими или им подобными обязанностями, должен всеми предусмотренными способами добиваться их недействительности и исключения из

условий пользования.

В пункте 9 Положения находим еще одно противоречие Закону. Так, в Положении записано, что долгосрочная лицензия выдается лицензирующим органом на основании решения Правительства РФ или органа исполнительной власти субъекта РФ о заключении договора.

Позвольте, где в Законе записано, что лицензия выдается на основании решения о заключении договора? В Законе указано, что лицензия выдается на основании решения Правительства РФ или органа исполнительной власти субъекта РФ, причем без всяких уточнений (ч. 3 ст. 36). В другой статье Закона тоже говорится о решении органа исполнительной власти субъекта РФ, которое связано с предоставлением территории, но не связано с заключением договора (ч. 3 ст. 37).

Заключение того же договора, как усматривается из части 5 статьи 37 Закона, происходит после принятия решения о предоставлении территории на основании согласований.

Таким образом, в случае возникновения спора арбитражный суд будет на стороне охотуправлений, которые, опираясь на ошибочную норму, будут утверждать, что, раз решение о заключении договора губернатором не принято, следовательно, оснований для выдачи долгосрочной лицензии не имеется. Содержащаяся в Положении неточность будет стоить охотпользователям весьма дорого.

Еще одна довольно коварная норма содержится в пункте 10 Положения: «Основанием для отказа в выдаче долгосрочной лицензии является несоответствие соискателя лицензии лицензионным требованиям и условиям». Само Положение не определяет таких требований и условий. Что касается Федерального закона «О животном мире», то сколько ни рассматривай его нормы, в них также не найти требований и условий, которые предъявляются к юридическим лицам — потенциальным охотпользователям и которым они должны соответствовать. Поэтому можно смело утверждать, что такая норма списка Минсельхозпродом «с потолка», она создает дополнительный правовой плацдарм для формальных, упрощенных отписок (по сути, издаваемых) типа «ваша организация не соответствует лицензионным требованиям и условиям».

Противоречит Закону и пункт 11 Положения, где записано, что срок действия долгосрочной лицензии устанавли-

ливается в зависимости от целей и сроков, указанных в заявке, но не менее чем на 3 года. Вместе с тем в части 5 статьи 35 Закона эта норма изложена по-другому: «Пользование животным миром осуществляется юридическими лицами на основании лицензии в течение срока, указанного в лицензии по соглашению сторон».

Как видим, Закон не увязывает срок действия лицензии с какими-либо целями и не ограничивает его по времени. Тем более что цель определена в самой заявке охоторганизации и касается долгосрочного использования объектов животного мира посредством охоты.

Не вытекает из Закона и норма п. 12 Положения, в соответствии с которой на каждый территориально обособленный объект соискателю выдается отдельная лицензия. Следовательно, если областное общество охотников собирается вести охотничье хозяйство на территории 30 административных районов и границы этих районов не соприкасаются, то оно обязано получить 30 долгосрочных лицензий и уплатить за них охотуправлению 9000 рублей (по три минималки за лицензию) вместо одной лицензии за 300 рублей на эту же территорию. Есть разница — 9000 или 300 рублей?

Но разве из Закона усматривается нечто подобное? Нет, конечно. Чиновники из Минсельхозпрода и его Охотдепартамента сами придумали эту норму, чтобы собирать побольше денег. В части 1 статьи 37 Закона прямо сказано, что юридическое лицо подает заявку (одну) на получение долгосрочной лицензии (одной), в которой указывает, в частности, границы и площади территорий, необходимых для осуществления заявленными для использования объектами животного мира.

Пункты 14, 15 Положения регулируют вопросы переоформления лицензии в случае ее утраты или реорганизации юридического лица. Однако в них не решен вопрос, на основании какого документа лицензиат должен вести охотхозяйственную деятельность в период прохождения процедуры переоформления, которая может затянуться на неопределенное время.

Заинтересованным организациям надо незамедлительно ставить вопрос о внесении изменений и дополнений в это Положение. По большому же счету необходимо добиваться существенного сокращения полномочий Минсельхозпрода в сфере охоты с целью осуществления регулирования в этой области непосредственно федеральным правительством. Иначе это ведомство наломает еще немало дров, поскольку впереди ожидается принятие новых весьма серьезных документов, таких как «Федеральные правила охоты», «Положение о выдаче именных разовых лицензий».

**В. СЛОБОДЕНЮК,**  
юрист, биолог-охотовед,  
ВНИИОЗ,  
г. Киров

## Разрушение охотничьего хозяйства



Во время празднования Дня охотника

**Р**азвал так называемого народного хозяйства в минувшее десятилетие проявился во всех отраслях. Не миновала эта беда и охотничье хозяйство. Распались колхозы и совхозы севера, немаловажную роль в которых играли заготовки пушнины. Развалились почти все коопзверопромхозы и госпромхозы. Ржавчина новых общественных отношений стала разъедать и общественное охотничье хозяйство, несмотря на то, что во многих случаях оно было вполне самокупаемо. Силами общественного охотничьего хозяйства созданы специализированные производства, открыты свои магазины, построены многочисленные охотничьи гостиницы и базы, проводились разнообразные биотехнические работы, направленные на расширенное воспроизводство дичи и рыбы; системой выдачи путевок и лицензий регулировалась и регламентировалась охота. И все это стало разрушаться. Многие приписные охотничьи угодья стали переводить в государственный резервный фонд. А фонд, он и есть только фонд. Ведение охотничьего хозяйства в нем не подразумевается. Фондом можно только пользоваться, расходуя то, что накапливалось на его территориях десятилетиями.

Причин разрушения охотничьего хозяйства несколько. Одна из них возникла в результате непримиримых противоречий между общественным охот-

ничьим хозяйством, интересы которого представляет ассоциация «Росохот-рыболовсоюз», и государственным контролирующим органом в лице Департамента по охране и рациональному использованию охотничьих ресурсов Минсельхозпрода РФ. Департамент запустил в пользование Общероссийский охотничий билет, что вызвало отток охотников и общественных организаций. Пользуясь недостатками ведения некоторых охотничьих хозяйств, Департамент стал лишать их приписных угодий.

Другая причина заключается в том, что для совершения акта перезакрепления на новый срок охотничьих угодий охотничьему обществу в соответствии с Законом о животном мире необходимо получить долгосрочную лицензию на пользование животным миром. Процесс же получения такой лицензии от Департамента охоты предельно осложнен необходимостью ее предварительного согласования со всеми землепользователями и правительством субъекта РФ. Стоит ли говорить о том, что у землепользователей, правительства и Департамента охоты мнения о выдаче такой лицензии могут не совпадать. (Более подробно о лицензировании написано в статье В. Слободенюка в этом же журнале). В результате возникают многолетние тяжбы через арбитражные суды, несмотря на то, что тем же Законом о животном мире



предпочтение на получение лицензии должно отдаваться уже существующим охотпользователям. (В. Ермошенко «Как это было», № 7, 2001). Трудности получения долгосрочных лицензий привели к тому, что у многих охотничьих обществ их до сих пор нет, и повис в воздухе процесс перезакрепления охотничьих угодий.

Третья причина развала охотничье-го хозяйства — некомпетентное представление многих чиновников о природе как о бесконечно самовоспроизводящейся системе, из которой можно только брать. К сожалению, в России до сих пор распространено обывательское мнение, будто размножение диких зверей и птиц происходит само собой и не требует никаких затрат. Непонимание значения охотничьего хозяйства приводит, с одной стороны, к огульному отрицанию охоты, с другой — к желанию безвозмездно воспользоваться дарами природы. Желанию безвозмездного пользования природой в определенной мере потворствует Закон об общественных объединениях, согласно которому любая группа желающих может объявить себя общественным объединением и на основании этого требовать для себя «места под солнцем». Так, в Калужской области охотколлективы некоторых заводов желают выделиться из областного общества охотников и на конкурсной основе получить для себя лакомые угодья. Печальный опыт развития подобных событий уже имеется: новые арендаторы угодий используют все, что возможно, а года через три отказываются от опустевшей территории и просят новые угодья.

Негативные процессы в охотничьем хозяйстве проходят еще и на фоне обложения рядового охотника бесчисленными поборами (О. Гусев «Право на охоту: кому платить, как и за что?», № 6, 2001), в результате чего множатся ряды браконьеров.

По перечисленным причинам на грани развала оказалось довольно сильное Калужское областное общество охотников и рыболовов.

О работе его на вопросы нашего корреспондента Р. ДОРМИДОНТОВА отвечает председатель Калужского ООиР

**Владимир Николаевич КОЛОСКОВ.**

— Какие особенности природы и охотпользования в Калужской области вы можете отметить?

— Вообще-то среди областей Центральной России наша область не выделяется чем-то особенным. 43 % ее территории занимают леса, среди которых в Юхновском, Жиздринском и Людиновском районах встречаются великолепные сосновые боры. К сожалению, как вы знаете, после Чернобыльской катастрофы в нашей области есть зоны повышенной радиации.

По учетам минувшего года, у нас обитает примерно 700 лосей, 2300 кабанов,

800 европейских оленей, немного косяков, в лесостепных районах высокая плотность зайца-русака, много глухарей, тетеревов, рябчиков, меньше стало серых куропаток.

В прошлом году мы засеяли 210 га кормовых полей. Это теперь нетрудно: очень много сельскохозяйственных земель брошено и заросло мелколесьем так, что уже и плугом пройти нельзя.

Нашим обществом проведена огромная работа по образованию, обустройству и зарыблению 63 прудов. У нас два самых мощных в России инкубатора икры. Это большие и сложные технологические цеха, в которых работают квалифицированные ихтиологи. В прудах много леща, карпа, линя, окуня, щуки. В нашем Доме охотника мы отмечаем свой ежегодный праздник, собирая на него до 500 человек, и на всех из 38—42 кг рыбы варим уху. Есть у нас музей пушнины и свои магазины.

В области 23 района и соответственно 23 охотничьих хозяйства, 86 егерей. На одного егеря приходится примерно 15 тыс. га угодий; оклад егеря 560—570 рублей. Этот заработок больше, чем у современных рядовых тружеников сельского хозяйства.

— Сколько у вас охотников?

— Охотников — членов нашего общества 17 тысяч. Членский взнос с 1998 г. — 100 руб. Много у нас льготников: чернобыльцев, пенсионеров, участников войны.

— Какие охоты у вас наиболее популярны?

— Чаще всего у нас охотятся на боровую и водно-болотную дичь. Способствует этому хорошо развитое у нас собаководство. Очень популярна охо-

та на зайцев с гончими, но, ориентируясь на опубликованный в вашем журнале Белорусский опыт (А. Муравицкий «Лось и кабан в Белоруссии», № 3, 2001), эту охоту мы будем ограничивать.

— Пушниной занимаетесь?

— Да, наши охотники промышляют пушнину и держат ее рынок, несмотря на активность частных сккупщиков.

— Как в области с волками?

— В этом году мы добыли 113 волков. Истребили бы их и больше, но мешают трудности с транспортом и горючим... Стараемся откликаться на все тревожные сигналы с мест. Так, например, позвонили нам жители деревни Марьино Сухиничского района. У них волки задрали сразу пять телят. Мы выехали туда и уничтожили четырех волков.

Все было бы у нас хорошо, но на сегодня мы не имеем ни долгосрочной лицензии на пользование животным миром, ни акта о перезакреплении угодий. Многие коллективы пользуются этим, подавая заявки на закрепление угодий именно за ними, хотя сами же пять лет назад отнекивались от приписанных им хозяйств.

Неопределенность в нынешнем нашем положении привела к упадку ведения охотничьего хозяйства, уже растащили, разворовали многие охотбазы. Угодья стараются заполучить разные коммерсанты, в самых живописных местах строят дачи, коттеджи... Ликвидированы заказники. Администрация области никак не определится по отношению к нам. В судебные инстанции, подобно охотникам Смоленска, мы пока не обращались.

Экспертиза лавк



## Бегу и возвращаюсь...

к 70-летию Ф. Р. Штильмарка

А. ЗЫРЯНОВ, кандидат биол. наук,  
М. СМЕРНОВ, доктор биол. наук



Феликс Робертович Штильмарк

Юбилар родился в Москве 2 сентября 1931 г. Отец его, Роберт Александрович Штильмарк (1909—1985), шведско-немецкого происхождения, журналист и литератор, участвовал в сражениях под Ленинградом, был репрессирован в 1945 г.; автор известного романа «Наследник из Калькутты», написанного в условиях лагерной колонии в глубине туруханской тайги. Мать — Евгения Дмитриевна Белаго — петербургская дворянка, романтически воспринявшая октябрь 1917 г., служившая в петроградской ВЧК, востоковед, умерла в 1944 г.

Оставшись без родителей, Феликс (названный в честь Ф. Э. Дзержинского) был вынужден очень рано начать трудовую жизнь — сначала препаратором в Зоомузее МГУ, затем лаборантом Московского зоопарка. Оставив школу после восьмого класса, он окончил десятилетку экстерном в 1951 г. и поступил в Московский пушно-меховой институт в Балашихе.

Если первые экспедиции Штильмарка (с 1948 г. — Теллермановский лес на Хопре) были чисто зоологическими, то в 1955 г. на производственной практике будущий ученый провел охотсезон, кочуя с бригадой оленних звеньев в истоках Лены и Киренги (впервые же он побывал в Сибири годом раньше, навестив своего ссыльного отца в окрестностях Енисейска).

Окончив МПМИ в 1956 г., Феликс Робертович получил назначение на должность охотоведа в Сургутский район Ханты-Мансийского округа. Тайга верховий рек Аган и Пур, где он провел второй промысловый сезон, видимо, навсегда запала в душу москвича, неоднократно возвращавшегося в сибирские дебри. Ввиду сокращения должности (тогда это часто случалось), он вернулся в Москву, недолго проработал в Кривдинском охотхозяйстве, в

лаборатории лесоведения АН СССР, а в 1959 г. перевелся в Красноярск младшим научным сотрудником Института леса и древесины СО АН СССР. Вот где настоящая Сибирь! Как зоолог и охотвед, он изучал фауну кедровых лесов верховий Лены, организовал зоологический стационар на Усинском тракте в Саянах, где проводилось массовое мечение мелких млекопитающих. В 1961 г. женился на сибирячке из Абазы Надежде Константиновне Носковой (ее отец погиб в годы репрессий), родившей двух прелестных дочек, и это еще более связало Ф. Р. Штильмарка с Сибирью и Саянами.

Не желая навсегда расставаться с Москвой, он работал в Управлении госпромпромхозов Главохоты РСФСР, провел в 1963 г. долгий полевой сезон, проектируя новые госпромпромхозы в Туруханском крае, и остался «соболевать» под Верхнеимбатском. Новым поворотом судьбы стал переезд на Дальний Восток в вновь созданный академический заповедник у Комсомольска-на-Амуре. Изучение фауны Нижнего Приамурья удалось совместить с успешной защитой кандидатской диссертации на тему «Мелкие грызуны в кедровых лесах Западного Саяна» (Владивосток, 1966 г.). Из-за отказа продлить ему московскую бронь Штильмарк снова возвращается в Москву, работает в институте «Союзгипролесхоз» у Я. С. Русанова, проводит охотустройство спецлесхозов в Грузии, а в 1969 г. становится старшим научным сотрудником Центральной научно-исследовательской лаборатории охотничьего хозяйства и заповедников (ЦНИЛ Главохоты РФ), где вскоре переходит из отдела учета охотничьих животных в отдел заповедников.

С этого момента вся жизнь Феликса Робертовича оказалась связанной с заповедным делом: проектированием, разработкой методических основ,

организацией заповедников. Он принимает участие в трудном процессе восстановления — хотя и в сильно урезанном виде — Кондо-Сосьвинского заповедника («Малая Сосьва», 1970—1976), в создании ряда новых заповедников (Сохондинский, 1972; Таймырский, 1973, учрежден в 1979 г.; Юганский, Витимский и др.). Очевидно, это были «золотые годы» энергичного ученого и талантливое популяризатора (его первые печатные труды вышли в свет еще в 1956—1957 гг.). В 1972 г. появилась его книга «Таежные дали (из дневников охотоведа)», вскоре переизданная в Москве, а также в Эстонии и Чехословакии. Весьма многочисленны публикации Ф. Р. Штильмарка в центральных и региональных журналах, бюллетенях, материалах различных совещаний и т. п. Источником их были встречи с охотоведами и охотниками во время частых поездок, совместные выступления с В. Н. Скалоном в защиту природной зоны Байкало-Амурской магистрали.

Приобрели известность книги Ф. Штильмарка «Свидание с Таймыром» (Красноярск, 1979), «Заповедники и заказники» (М., 1981), многочисленные статьи об охране таежной природы. Особое внимание привлекла к себе монография Н. Ф. Реймерса и Ф. Р. Штильмарка «Особо охраняемые природные территории» (М.: «Мысль», 1978), другая их совместная работа — «Эталоны природы» появилась годом позже.

Заповедная тематика оставалась главной и после перехода Феликса Робертовича из ЦНИЛ Главохоты РСФСР в Институт эволюционной морфологии и экологии животных АН СССР. Он продолжал проектировать российские заповедники — Олекминский в Якутии, Хакасский и Ростовский (степные), Тувинский (горно-степной), Ненецкий.



Особые усилия были вложены им в создание Центрально-сибирского биосферного заповедника, расположенного на юге Туруханского района и в Эвенкии. Тяжелый осенний сезон, проведенный в 1982 г. в самых верховьях Елогуя (левый приток Енисея), когда пришлось очень долго ждать вертолета, не лучшим образом сказался на состоянии его здоровья.

Научная деятельность в сфере охраны природы в то время не могла удовлетворять принципиального ученого, и Штильмарк предпринимает еще одну попытку изменить свою жизнь, оставив столицу и переехав в знакомый ему Сургутский район, в село Угут — на центральную усадьбу Юганского заповедника. Увы, встреча с тайгой своей юности вновь оказалась довольно краткой: год спустя, из-за конфликта с директором Н. И. Петункиным, Феликс Робертович вынужден вернуться. Однако за этот год им были проведены обширные обследования и длительные таежные маршруты (например, по реке Малый Юган от ее истоков до устья).

Отход от официальной «государственной» службы, заботы, связанные с изданием произведений отца после его кончины осенью 1985 г. и арестом сотрудниками КГБ рукописей родителя весной 1986 г., — все это вынудило Феликса Робертовича перейти на весьма скудный и горьковатый журналистско-писательский хлеб. Он становится членом Московского профкома литераторов и активным корреспондентом ряда журналов («Юный натуралист», «Вокруг света», «Природа и человек» и др.). Определенную помощь оказала ему тогда и редакция журнала «Охота и охотничье хозяйство», где он публиковался еще с середины 1960-х гг. Штильмарк выезжал с командировками от журналов на различные совещания, выступал со статьями в защиту Байкала, Аскании-Нова, Брянского леса, заповедников Узбекистана, причем не как сторонний наблюдатель, а

как кровно заинтересованный и компетентный участник событий. Одновременно он писал новую книгу о своих странствиях и поисках («Лукоморье — где оно?» (М.: «Мысль») была издана только в 1993 г.).

Уже после перенесенного им в 1988 г. тяжелого инфаркта, получив официальный инвалидный статус, неутомимый, «почти железный», Феликс продолжал исследовательскую деятельность, работал с архивами, помог американскому историку Дугласу Вайнеру (Уинеру) издать в СССР монографию «Экология в Советской России». Он совершает новые таежные вылазки и поездки по заповедникам Центральной России. Все эти нелегкие усилия завершились изданием в начале 1996 г. оригинальной книги «Историография российских заповедников». Отмеченная первой премией Московского общества испытателей природы, она стала основой его докторской диссертации, успешно защищенной 14 мая 1997 г. в Институте проблем экологии и эволюции РАН, куда он был вновь приглашен в лабораторию охраны экосистем.

Казалось бы, можно поставить точку. Но ученый не останавливается: им выполнена большая, очень интересная авторская и редакторская работа над двумя томами научно-художественных монографий «Заповедники Сибири» (завершение серии «Заповедники СССР», издаваемой с 1985 г.). В 1998 г. в Киеве был издан сборник «Поэтическая экология», составленный Штильмарком, а в начале 2001 г. в Москве вышла в свет его книга «От старых кедров к бессмертию человечества», посвященная жизни и деятельности Н. Ф. Реймерса, в которой отражены многие проблемы экологии и охраны природы второй половины прошлого века.

В 1998—2000 гг. Ф. Р. Штильмарк провел большую работу в качестве члена Ученого Совета при ИПЭЭ РАН, а также редколлегий ряда изданий, где регулярно публикуются его статьи, неиз-

менно привлекающие внимание читателей (бюллетень «Охрана дикой природы», альманахи «Охотничьи просторы» и «Сибирский промысел» и др.). За последние годы им написано не только много научных статей, но и серия ценных очерков о выдающихся натуралистах и охотоведах (В. В. Раевском, Ф. Ф. Шиллингере, В. Н. Скалоне, С. С. Турове, К. Д. Янковском и др.). Многие сибиряки с большим интересом прочитали повесть «Счастливый неудачник», написанную Штильмарком об охотоведе А. Г. Костине (совместно с Д. А. Костиным). Помимо всего прочего, Феликс Робертович уже более 40 лет держит в доме охотничьи лаек (конечно, при поддержке жены, его неизменной помощницы), с которыми продолжает выезжать не только в ближние, но и в дальние угодья.

Завершая этот очерк о ярком деятеле охраны природы и охотоведе, известном ученом и литераторе, Феликсе Робертовиче Штильмарке, мы говорим ему теплые слова признательности за часы и минуты, проведенные в интересных беседах при встречах у таежных костров в долгие осенние ночи, или в залах солидных институтов, на диспутах и конференциях, да и просто в московских, красноярских, иркутских квартирах за кружками чая или чего-нибудь покрепче! Наш личный опыт общения скоро уже превысит полвека... Наш юбиляр, конечно же, фигура многогранная и неординарная, воспитанная разными научными школами, отличающаяся неумной энергией и работоспособностью.

Живи долго, друг наш, не поддавайся хвори и унынию, продолжай радовать своих поклонников сочными словами, яркими образами, будь в гуще дел, на острие событий и всегда помни, что только природа дает нам живительные силы, а потому все мы в долгу перед ней до смертного часа. Ждем тебя на таежных просторах в близкой нашему сердцу Сибири!

# Охота в моей жизни

Ф. ШТИЛЬМАРК

Пишу эти строки прежде всего с искренним чувством благодарности, причем не только к друзьям-сибирякам, отметившим добрым словом мое семидесятилетие, но и ко всем таежным охотникам — русским, эвенкам, хантам, удэгейцам, которые столько раз выручали меня в дальних странствиях. Коренной москвич, проводивший детство в столице, я не могу похвастаться теми навыками мастерства, без которых трудно представить себе таежника-промысловика. Но так или иначе вся

моя жизнь оказалась тесно связана с ружейной охотой, вне которой не могу себя представить.

Мой отец искренне любил природу и охоту, он держал до войны английский сеттера, но выезжал «в поле» довольно редко. Тем не менее детские впечатления от таинства подготовки к таким вылазкам, набивка патронов, чистка ружей, сбор всяческой амуниции, наконец, вид привозимой добычи, будь то крякш, тетерев или заяц, конечно же, оказали свое воздействие.

Еще до войны я стоял с отцом на тяге, участвовал в его лыжных подмосковных походах. Изредка он разрешал мне пострелять из старой мелкокалиберки «Монтекресто», которую забрали при аресте родителя в апреле 1945 г. заодно с двустолками...

Живой интерес к природе не оставлял меня в школьные годы, но так уж сложились обстоятельства, что я пришел в Зоомузей МГУ и в Зоопарк не как посетитель или член кружка юннатов, а на работу — сперва учеником-препа-



Подкаменная Тунгуска, 1962 год.

ратором, потом в качестве лаборанта (школа была заброшена).

Моим первым наставником и в охоте, и в полевых зоологических исследованиях был Борис Владимирович Образцов, старший брат известного артиста, человек интеллигентный и очень доброжелательный. С 1948 г. я стал его помощником в изучении фауны Борисоглебских (Теллермановских) дубрав, расположенных вдоль Хопра (Воронежская обл.). Шеф доверял мне свою изысканную трехствольную «бельгийку», и на моей совести лежат многие десятки (если не сотни) убитенных птиц, многие из которых стали в наше время «краснокнижными». Довелось успешно охотиться и на уток в пойме Хопра, и на зайцев с чужими гончими, а следующей зимой я оформил охотбилет (помнится, в Старопанском переулке) и приобрел в магазинчике (на улице Герцена, близ Зоомузея) одностволку, кажется ИЖ-5 или «Ивер-Джонсон», у которой был серьезный изъян — отсутствовал болт Гринера, рычаг, которым откидывается ствол (поэтому и стоило ружье очень дешево). Добрые люди научили меня взять длинный гвоздь, согнуть его буквой «Г», а шляпку сплющить. С этой ижевкой, таская «открывалку» в кармане куртки, я охотился несколько лет и не только в Теллермане или Подмоскovie. Зимой 1949/1950 г. Зоомузей командировал меня для сбора разных научных материалов при авиаотстреле волков в Саратовской области. Базируясь в собачьем питомнике, мне довелось принимать участие в зимних охотах не только с гончими, но и с борзыми.

Сдав с Божьей и людской помощью экзамены за десятилетку, я смог поступить в Московский пушно-меховой институт на зверо-охотоведческий факультет, регулярно продолжая зоологические работы с Б. В. Образцовым в Теллермане и на Деркульском стационаре (Украина, Луганская обл.). Ружье в ту пору было моим подлинным кормильцем, ибо тушки зверей и птиц стали принимать (за небольшую, но реальную плату) для коллекций нового Московского университета, строящегося на Воробьевых горах. С первого же курса, вместе со своими однокашниками (Ю. Яковлевым, Д. Чугунковым, Л. Котляровым и др.), я часто выезжал

на охоты в дальнее Подмоскovie — в Лихославль, за Конаково, на Рыбинское море — всего не рассказать. Учеты зверей (лосей, куниц) в Московской и Костромской областях на зимних практиках тоже, конечно, не обходились без охоты.

Первая встреча с настоящей Сибирью состоялась в августе 1954 г., при поездке в Енисейский район Красноярского края, где жил тогда мой ссыльный отец после отсидки. Он работал нормировщиком лесозавода в поселке Маклаково (ныне г. Лесосибирск), вокруг которого в ту пору было немало боровой дичи. Первые ночевки у костров при засилии комарья (и отсутствии дезодорантов) остались в памяти, равно как и добычливая стрельба по глухарям на старых вырубках и по уткам на болотинах. Стало ясно, что надо переходить на двустволку, и с тех пор их у меня перебивало несколько — были и легонькие, например «Гекко» (обменено в Орлинге на новую «Белку», которую потом украли) и «Меркель» (утоплен в непутевом сплаве по реке Кебеж), и нынешний старый «Зауэр». Были и две тяжелые курковые «Тулки»; у одной из них разорвало ствол при гусиной охоте на Таймыре (не заметил, как ткнул дулом на глинистом обрыве), а вторая сгорела на кордоне «Красный двор» у реки Неруссы вместе с Сергеем Андреевичем Русановым (отцом Я. С. Русанова) и его пойнте-

ром. Были у меня и разные мелкокалиберки (от ТОЗ-8 до всяких пятизарядок), а вот с карабинами, штуцерами и дробо-автоматами почти не общался.

Первый курс подлинного таежного университета я прошел осенью и зимой 1955/1956 г. на севере Качугского района Иркутской области, кочуя по верховьям Киренги с оленней бригадой охотников-эвенков (колхоз им. Сталина, центр его был в Мурины, ныне уже, говорят, не существующем селении). Об этом можно прочитать в книге «Таежные дали» (М., 1972, 1976), но всей правды об этой и многих иных таежных эпопеях я не расскажу никогда... Кстати говоря, в недавнем советском прошлом выработался особый жанр умирительно-благодатной охотничье-очерковой беллетристики, когда сдвигаются у костров кружки с... чаем, строго соблюдаются установленные законом нормы, сроки и правила охоты, чего на самом деле почти никогда и нигде не бывает. Вообще, я придерживаюсь убеждения, что если не каждый охотник — браконьер, то любой из этой категории людей есть самый настоящий охотник, и на этот факт нельзя стыдливо закрывать глаза, как это делают очень и очень многие («я, мол, говорю только о настоящих, «правильных» охотниках, а с иными пусть милиция и суд разбираются»). Нет, дорогие коллеги-охотоведы, мы в ответе за всех добытчиков! Конечно, мало хорошего и в другой стороне медали, когда, пользуясь не столько гласностью, сколько полной безответственностью, разные «шкурятники» начинают неимоверно хвастаться своими охотничьими «достижениями». Этим особенно грешат бывшие геологи и изыскатели, как правило, оснащенные мощным нарезным оружием, из которого лихо и бесконтрольно лупят во все живое подряд (особенно достается при этом крупным копытным и медведям). Конечно, «охота есть природа человека», но и в человеческой природе должны быть еще и совесть, достоинство, наконец, просто чувство милосердия и жалости к животным. Не осуждаю охоты на круп-

Стойбище Таломо. Река Хунгари (Гур) — правый приток Амура. Весна 1965 г.





# Комбинированные ружья

## ИЖМЕХА

ных зверей, не раз в них участвовал, но азарт могу испытывать только при одиночных скрадках (особенно в горах), но не в коллективных массовках, где предпочитают быть загонщиком.

После Киренги мне довелось провести с ружьем в руках десятки таежных экспедиционно-промысловых сезонов в самых разных уголках нашего обширного отечества. Наиболее памятные для меня в Западной Сибири верховья Агана (1956 г.), реки Малая Сосьва, Конда, Большой и Малый Юган (1969—70, 1980—81, 1984—85). В Туруханском крае побывал почти на всех речках, осеивал дважды на Елоуге (1963, 1982) и у Верхнеимбатского; более десятка сезонов — в Саянах (Ермаковский район, Хакасия, Тува и Тодфалария), многим меньше в Забайкалье (Бурятия и Читинская область) и в Приамурье (Хабаровский край, Комсомольский и Совгаванский районы). Чаше охота сочеталась с конкретной работой — либо учета животных и фаунистическими обследованиями, либо с выбором территорий для проектируемых заповедников (не буду их перечислять), но было и несколько чисто промысловых сезонов, когда брал отпуск или был свободен от службы. Самая трудная экспедиция — на реке Хунгари (Гур) в 1976 г., когда там разыгрались катастрофические лесные пожары, горели селения, гибли многие десятки людей. Очень труден был чисто промысловый сезон 1987 г. в Забайкалье (р. Арлам, приток Бичуры), когда пришлось заниматься капканным ловом, которого я не люблю, и даже набил (в одиночку!) несколько кулей ореха, чтобы заработать на обратный путь.

Таежную осень просто не могу себе представить без лаек, хотя бывает так, что они не могут работать из-за раннего выпадения глубоких снегов. Вся жизнь у меня была западносибирские лайки, но два года назад изменил им ради карелок, и не очень этому рад, да поздно уже менять, хлопотно стало теперь выбираться в тайгу, хоть и манит она, не отпускает даже такого сугубо городского человека. Конечно, как и для многих, охота привлекательна мне прежде всего возможностью общения с таежной природой, она вообще не терпит отвлеченного любования, в ней чувствуешь себя «при деле» только с ружьем в руках и при тополе в поныге.

В лесах средней полосы, в Подмосковье любима охота, разумеется, тяга вальдшнепов. На глухариних токах не могу испытывать азарта, слишком часто приходилось стрелять этих величавых птиц в Сибири, да и жалко их весной. Тетерево тоже предпочитаю теперь только послушать, хотя раньше и охотился на них по весне. Не против охоты на уток и зайцев. Но уверен, что нет на свете более азартной и достойной охоты, чем на соболя с лайкой!

Дай же Бог сил для последних таежных вылазок...

В 1993—1995 годах были разработаны и установлены на производство две модели комбинированных ружей — «Север» и ИЖ-94.

Комбинированное ружье «Север» разработано на базе ружья ИЖ-27 и имеет верхний ствол нарезной калибра 5,6 мм под патрон кольцевого воспламенения, а нижний — гладкий 20 калибра с получокном под патроны с гильзами длиной 70 или 76 мм. Длина стволов 600 мм, вес ружья 3 кг. Последние модификации ружья «Север» изготавливаются на базе ружья ИЖ-94 с нижним гладким стволом под патроны 20/70 или 20/76, а верхним — нарезным под патроны калибра 5,6 мм кольцевого воспламенения, 22WMR и патрон 5,6х39. Длина стволов 600 мм, но изготавливается вариант с длиной стволов 500 мм. Вес ружья 3,0 кг.

Комбинированное ружье ИЖ-94 «Тайга» с вертикальным расположением стволов, у которого верхний ствол 12 калибра без нарезов под патроны обычные и магнум, а нижний — нарезной под патроны центрального боя 5,6х50R, 5,6х50R Mag, 7х65R, 7,62х39, 7,62х51 (.308 Win.), 7,62х54R, 9,3х74R и др. Изготавливаются также сменные стволы, в том числе и оба гладких. Длина стволов 600 мм, которые в казенной части соединены муфтой, а далее в зависимости от исполнения могут быть спаяны или иметь только соединительную муфту на конце стволов. Вес ружья не более 3,4 кг. С 1996 г. эта модель выпускается с механизмом регулировки, который дает возможность пристрелять каждый ствол при использовании различных вариантов патронов; ударно-спусковой механизм при стрельбе из нарезного ствола позволяет воспользоваться шнеллером, который значительно увеличивает точность пулевой стрельбы.

Модель ИЖ-94P имеет нижний гладкий ствол под патроны 12/76 или 12/70. Верхний ствол изготавливается под патроны .222Rem., .223Rem., 5,6х50R Mag., 6,5х55, 7х57R, 7х65R, 7,62х39, 7,62х51 (.308Win.), 7,62х54R, 30-06 Springfield. Длина стволов 600 мм, вес ружья до 3,8 кг. Это ружье имеет ударно-спусковой механизм со шнеллерным механизмом, который включает отжатие спускового крючка нарезного ствола вперед.

Модель ИЖ-94 «Экспресс» является двухствольным штуцером с вертикальным расположением стволов и изго-

тавляется под патроны 7,62х51 (.308Win.), 30-06 Springfield, 8х57JRS, 9х53R, 9,3х74R. Длина стволов 600 мм, вес ружья 3,8 кг. Усиленный узел запирания дает возможность стрелять левыми патронами для нарезных стволов со значительно более высокими давлениями по сравнению с давлениями в патронах для гладкоствольного оружия. Отсутствие планок, соединяющих стволы, дает возможность с помощью механизма, регулирующего сведение средних точек попадания пуль при стрельбе из разных стволов в одну точку на требуемой дистанции, обеспечить стабильную точность при большом количестве выстрелов, произведенных за короткое время, что также важно при смене патронов с одними баллистическими характеристиками на другие. Ствольная муфта на образце является базой для установки кронштейна оптического прицела.

Несколько позднее, в 1996 г., конструктором Е. Поповичем на базе этого же ружья было разработано ружье МР-251 с двумя вертикально расположенными нарезными стволами под патроны 7,62х51, а в 1997 г. начал его выпуск для продажи. Вес штуцера не более 3,8 кг, длина стволов 600 мм. Конструкция узла запирания осталась такой же, как у ИЖ-94, это же относится и к ударно-спусковому механизму. Штуцер МР-251 имеет открытый прицел в виде мушки и целика, который можно регулировать. В казенной части верхнего ствола имеется паз «ласточкин хвост» для установки кронштейна оптического прицела. Поскольку стволы между собой не соединены по всей длине, а только в дульной части и у патронников, то перед цевьем между стволами расположен механизм, позволяющий регулировать расположение пробоя при стрельбе из обоих стволов. Такое устройство может помочь свести средние точки попадания из обоих стволов в одну точку на какой-либо пристреливаемой дистанции. Это необходимо продвигать при замене патронов с другими баллистическими характеристиками. Для этого штуцера на заводе изготавливаются сменные пары стволов. Одна пара комбинированная с нарезным стволом под патрон 7,62х51 и гладким стволом 12 калибра под патрон с гильзой длиной 70 мм. Вторая пара имеет оба гладких ствола 12 калибра.

М. БЛЮМ

# Шайтан

Анатолий СЕВАСТЬЯНОВ  
Фото автора



Шайтан, как любая охотничья собака, сразу понимал: хозяин собирается на охоту. Охота на уток, конечно, не зверовая охота, но это лучше, чем болтаться возле дома. Пес загодя вспрыгивал на дощатую площадку мотоцикла, переделанную коляску, на которой удобнее возить разные хозяйственные грузы.

Мотоцикл трогался, Шайтан ставил лапы чуть шире и смело ехал на открытой площадке. На крутых поворотах, как заправский гонщик, умело подавался всем корпусом в нужную сторону, чтобы держать равновесие.

На старых торфоразработках засохший, заболоченный лес зарос тростником, рогозом, другими болотными растениями. Мелколесья сплошь покрыты желто-зеленой ряской.

Приехав на место, Шайтан спрыгивал с площадки. Пока не видел хозяина, быстренько метил свой мотоцикл, хотя знал, что может получить за это по ушам. Довольный, что все обошлось, весело отшвыривал задними лапами траву и бежал обследовать уголья. Хозяин тем временем отвязывал и подтаскивал к воде лодку.

Вдвоем они плыли к устроеному среди болота маленькому помосту и ждали на нем вечерней зари.

Шайтан раньше охотника слышал свист крыльев подлетающих уток. Настораживался, глядя в сторону, откуда летят, подавая тем самым сигнал — вот-вот надо будет стрелять.

Нередко сбитые утки падали в такие крепи, куда ни протолкаться на лодке, ни пролезть в болотных сапогах. Выручал Шайтан. Приносил утку, клал на сухое место. Подавать в руки отказывался.

После охоты, уже в темноте, он опять вспрыгивал на площадку. Собачьи лапы словно прилипали к доскам. Уверенно держался, даже когда мотоцикл прыгал по кочкам.

В сезон охоты встречные водители частенько видели, поздно вечером, приглушенный свет мотоцикла, а сбоку два огонька собачьих глаз.









# Улунга

А. НИКОЛЕНКО

«Странное дело, ведь сам себе обещал, что не буду возвращаться в те места, где уже побывал в своих охотничьих странствиях по Приморской тайге» — так размышлял я, спрыгивая с лишнего малейшего намека на цивилизацию пассажирского поезда «Владивосток — Лучегорск» на заплеванной перрон конечной станции. И вот уже третий раз я в этих местах, всего в нескольких десятках километров от другого мира, другой системы ценностей, другой жизни.

Мой компаньон по этому путешествию — Александр Дегтярев, коллега по совместной военной службе, унылым взглядом обвел Лучегорский полустанок, темно-серые тучи над горизонтом и поехал от холодного пронизывающего утреннего ветра. В его тоскливых, без всякого намека на охотничий азарт глаз угадывался вопрос: «Ну а дальше что?». «Выше нос, дружище! Все еще будет, и будет только хорошее», — также молчаливо ответил я, шыгая покрасневшим носом.

Через полчаса, добравшись до автостанции, мы уже сидели в убогом заведении с громким названием «кафе», попивая пиво и пытаясь насытиться непонятными произведениями кулинарного искусства, гордо именуемыми в меню пирогами и чебуреками. Мой визави все тем же безрадостным взглядом смотрел сквозь мутное окно и тихо, в такт своим невеселым мыслям, покачивал головой. Я понимал его без слов. Оторванный от теплой московской квартиры, от размеренного и устоявшегося образа жизни, от семьи, он пытался адаптироваться к новым, быстро меняющимся условиям. За несколько лет совместной службы я, ка-

залось бы, достаточно хорошо изучил этого человека. Но настоящее открытие я сделал всего полгода назад, когда принес на службу свой охотничий альбом с красочными фотографиями прошлых странствий по дальневосточной тайге. Именно тогда я увидел в его глазах те искры, которые сразу выдают в человеке настоящего охотника и авантюриста, в хорошем смысле этого слова. И именно тогда мною было принято решение взять в очередную поездку в Приморье с собой Александра. А сейчас, глядя на безрадостный вид своего товарища, я задал себе вопрос: «А не сглупил ли я?»

— Санек, выше нос, впереди все самое хорошее, поверь мне. И еще помни: твой таймень уже вырос и ждет тебя! — приободрил я его.

Новичкам всегда везет — это знают все охотники и рыбаки. Я уже видел его первые удачные выстрелы из нового, еще не пахнущего порохом ружья и его дрожание от волнения руки, бросающие спиннинг в холодную стремнину свинцовой реки.

— Не падай духом, дружище. Последние три недели в этом районе был непрерывный дождь, и сейчас обязательно будет теплая и солнечная погода. Так бывает здесь всегда, и мы с тобой удачно приехали, вот увидишь, — продолжал я успокаивать его и себя тоже. Мой товарищ изобразил некое подобие улыбки, и мы снова вошли в режим ожидания. Ждать пришлось недолго, и уже буквально через час я обнимался со своим старинным другом — Николаем Горуновым, участковым инспектором приморского поселка Красный Яр.

До дома Николая добрались уже глубокой ночью и при свечах сели за ужин. Глядя на дрожащее пламя парафино-

вого огарка, я уже, который раз, удивился контрастам повседневной жизни наших здешних друзей. Только что мы ехали в современном и комфортабельном японском джипе и вот находимся в довольно крупном поселке, но без электрического освещения. До конца XX века оставалось ровно три месяца, неподалеку коптила небо крупнейшая в Приморье Лучегорская ТЭЦ, а здесь свет был только по вечерам. Да и наличие его, как такового, зависело от исправности старенького дизеля да от своевременного завоза солянки.

— Ну что, мужики, какие нынче планы? — спросил нас Николай после штатных приветственных тостов.

— А на что можно рассчитывать? — вопросом на вопрос ответил я.

Николай, хитро улыбнувшись, предложил подняться на моторке до Улунги — притока Бикина. «Там и остановимся, в бывшем поселке староверов», — подытожил он свое предложение.

Три дня ушло на окончательную подготовку нашего предприятия. К этому времени совсем прекратился холодный октябрьский дождь и ветер, к счастью, переменял свое направление, потянул с континента, унося с собой в океан тяжелые, мокрые тучи.

Рано утром, загрузив лодку всем необходимым и купив путевки на водоплавающую дичь, мы тронулись вверх по Бикину. Рулевым на моторе сидел мой старый товарищ по прежним охотам — Алексей Пионка, охотник и следопыт от Бога. Вода в реке после проливных дождей стояла высокая и мутная, поэтому мы и стремились попасть в верховья, где уровень ее был уже значительно меньше, а значит, появлялся шанс нормально порыбачить и поохотиться. Первую остановку сделали через несколько часов у Богомолки. Так удальцы называют маленький фанерный домик на одном из каменных утесов по левому берегу Бикина. Все, кто поднимается вверх по реке, считают обязанными сделать здесь остановку и принести свои дары духу фарта, удачи, который живет в этом домике. Мы тоже не стали исключением и отрядили для этого ответственного мероприятия новичка — Александра, подробно проинструктиввав его.

Нашей задачей на первый день было добраться до зимовья Алексея, которое находилось более чем в 80 километрах от поселка. Санька во все глаза смотрел на меняющиеся с каждым новым поворотом русла реки красочные пейзажи. «Вот это да! Смотри, смотри, какая прелесть!» — вращая головой и всем телом, приговаривал он ежеминутно. Я, уже неоднократно видевший все это, тоже не мог оторваться от проплывающих под стук мотора местных красот.

Поздним вечером добрались до зимовья, которое стоит уже десяток лет в очень красивом распадке, в устье одного из ручьев, впадающих в Бикин. Последний раз я был здесь три года



# Путешествия. Приключения. Охота.

назад, когда в избушке почти постоянно проживали родители Алексея — тетя Нюра и Иван Егорович Пионка. После смерти мужа тетя Нюра окончательно перебралась в Красный Яр и зимовье стало постепенно приходить в запустение. Требовали капитального ремонта печь, крыша, необходимо было произвести ревизию лабаза с сухими продуктами. В ожидании спада большой воды этим делам и были посвящены последующие три дня. Александр проявил себя как настоящий хозяйственник и аккуратист. После его участия вся посуда была отдраена до блеска, постель была выбита и высушена, зимовье вычищено и вымыто. Мужики-таежники довольно покачивали головами и не узнавали своего быта. Накануне отбытия в Улунгу Санька вычистил и истопил стоящую на берегу баньку. В этом деле он оказался большим специалистом и знатоком. Парились пихтовыми вениками и по очереди сигали в ледяной Бикин. На наши истошные вопли даже выглянула из-за сопки полная Луна, осветив своим бледно-голубым сиянием полуночный шабаш.

Назавтра тронулись на Улунгу, подкрепившись перед дорогой жареными хариусами и крепким кофе.

На более чем 140 километров нашего маршрута нам не раз попадались стайки ряковых, серых и прочих уток. Думаю, что мы их видели не одну сотню. Особенно радовали глаз многочисленные стайки мандаринок в скромном осеннем наряде. Охота на них действительно не ведется, о чем можно судить по все возрастающему из года в год их количеству. При налете стай и одиночных уток на нашу лодку Николай и Алексей безошибочно определяли их вид. Я же занимался фотосъемкой неповторимых пейзажей и натюрмортов, практически не убирав своего фотоаппарата. В промежутках между снимками измерял скорость движения нашего судна с помощью миниатюрного «Магеллана» GPS-300. Отличный прибор, особенно для охотников, имеющих привычку бродить по незнакомым местам.

К закату доплыли до Улунги, сделав по пути пару остановок для рыбалки на особо приглянувшихся омутках и плесах. И снова удача повернулась лицом к новичку. На яркую финскую блесну в очередной из забросов Санька лихо закорил более чем приличного тайменя. Нашему удивлению не было предела. Никто особо не рассчитывал поймать что-либо на спиннинг в такой мутной воде. После нескольких минут борьбы, стравливания лески и других ухищрений, речной хищник был выведен на песок. Блесну пришлось вырезать из пасти тайменя острым ножом. После осмотра трофея Алексей и Николай с сожалением констатировали: «Маловат, ребенок еще. Раньше таких сразу отпускали...» Нашему с Санькой

удивлению не было предела. Такую здоровенную рыбу и вдруг выпустить? Ну уж, дудки!

На новом месте, в просторном зимовье, часть рыбы зажарили на сковороде. На холодную закуску пошел один из крупных ленков, пойманных сеткой. Блюдо это местные жители называют талахонь, очевидно, от слова «тала». Филе рыбы режется на мелкие кусочки, перемешивается с солью, перцем, луком. Добавляется несколько капель уксуса и все, — приятного аппетита! Талахонью здесь называют также и свежеприготовленную аналогичным способом печеную копытных либо мясо. Только в этом случае еще добавляется красный острый перец. Александр впервые в жизни пробовал на вкус эти экзотические кушанья и на его лице можно было легко прочитать осторожность, удивление, восторг. Крепкий чай логически завершил наше пиршество и несколько не помешал сну.

Среди ночи я проснулся от сильной жажды и пошел к роднику с кружкой. Напившись чистой, студеной воды, сел на прохладную скамейку возле навеса. Сон как рукой сняло от раскинувшейся вокруг величественной картины, освещаемой лунным светом. Над рекой стелился тонкий, но плотный слой тумана, умиротворенно журчал родник, а вершины таежных сопок тянулись к небу своими растопыренными пальцами — высокими и стройными кедрами. Состояние полного комфорта и гармонии не так уж часто посещает нас в повседневной жизни, и оттого так остро и с открытой душой мы воспринимаем эти

тихие минуты. С наслаждением и грустью понимаем, что нужно именно сейчас запомнить и впитать в себя это состояние, что в ближайшее время это уже не повторится.

Открылась дверь, и Санька тихо присел рядом со мной:

— Толь, глянь, какая сказка вокруг! Спасибо тебе за то, что взял меня с собой в нее...

— Ладно, Сань. Какие наши годы! Лучшие походы у нас с тобой еще впереди!

Последующие несколько дней мы посвятили рыбалке в многочисленных протоках и заводах Улунги, засалив и закоптив в общей сложности более 40 килограммов ленка и хариуса. На обратном пути, уже около зимовья Алексея, догнали лодку с охотниками из Красного Яра, возвращавшихся с удачной охоты. Половина их лодки была забита изюбриным мясом. Щедро поделившись с нами добычей, они поплыли домой, а мы, в честь перехода с рыбного меню на мясное, устроили маленький праздник с баней, пловом и бутылочкой «Капитанского рома».

И снова была тихая, лунная ночь с ее неповторимыми красотами и звуками, снова было чистое утро с встающим ярким солнцем из-за сопки седого Сихотэ-Алиня. И снова была радость от возможности прожить еще один живой, наполненный чувством любви ко всему окружающему тебя день. И была грусть... Оттого что уже через несколько дней надо собираться домой. Хотя, кто может точно сказать, где наш дом?

Фото автора



# КАБАН В ЦЕНТРЕ АЗИИ



**М. СМЕРНОВ,**  
доктор биологических наук,  
профессор Красноярского  
государственного университета

**К**абан — один из довольно обычных и в то же время слабо изученных парнокопытных региона. Опубликованные данные (Янушевич, 1952; Никифоров, 1969; Очиров, Башанов, 1975) посвящены, главным образом, размещению и хозяйственному значению вида.

Мы собирали материалы по биологии кабана в 1970—1990-х гг. на территории Республики Тува, применяя наземные и авиавизуальные наблюдения, анализируя ведомственные источники и анкетный опрос специалистов и опытных охотников. Дикие свиньи региона характеризуются средними для вида размерами. Зимой вес взрослых самцов в среднем 74 кг, при максимуме — 120 кг, самок — 57 кг, максимум — 70 кг, подсвинки обоего пола соответственно — 36 и 50 кг и поросята — 20 и 25 кг. Общий фон окраски зверей несколько различен у особей разного пола и возраста. Так, примерно у 70 % секачей он черный, у остальных — темно-бурый или темно-серый. У взрослых самок преобладает темно-бурая окраска — более 32 %, черная — 25 %, остальные особи темно-серые и серые. Подсвин-

ки в большинстве (75 %) темно-бурые и бурые, поросята в основном (80 %) бурые разных оттенков, остальные — серые и темно-серые. Черные подсвинки и поросята не отмечались. В углу рта видно ясное белое пятно, от которого отходит назад тонкая белая полоска, светлая полоса проходит и поперек шеи под головой к ушам. Эта особенность окраски головы сближает зверей Тувы с животными Забайкалья и Дальнего Востока (Гептнер и др., 1961).

В настоящее время кабаны по большей части неравномерно населяют лесистую часть республики, используя разнообразные местообитания. Следы их можно встретить в лесах разного состава, в степных вкраплениях среди леса на склонах южных экспозиций (солнцепах), на лугах, в лиственничниках и на болотах. По многолетним данным, весной кабаны предпочитают открытые местообитания — солнцепахи и луга, отмечаются в кедрачах и лиственничниках. Летом частота использования лугов и лесных полян увеличивается, но и в лесах разного состава они бывают постоянно, изредка посещают субальпийские луга, посеи. Осенью присутствие их в кедрачах и лиственничниках максимально, использование лугов снижается. Зимой, особенно во второй ее половине, возрастает число встреч животных на крутых, каменистых солнцепах, где снега мало и он рано ис-

чезает. Многие кабаны держатся в кедровниках и лиственничниках, привлекают зверей и ельники по причине их высокой защитности и меньшей глубины снега. Почти круглый год кабаны живут в заболоченных поймах рек Орохин-Гол и Бусийн-Гол, где много теплых незамерзающих ключей.

Поедают кабаны свыше 36 видов и групп растений, а также внушительное количество животных кормов. Весной на солнцепах звери питаются зелеными проростками трав, выкапывают корни, чаще всего саранок, зопника клубненосного, очитка пурпурового; на влажных полях выкапывают в больших количествах луковички кандыка. У добытой в пойме Хута свиньи эти луковички составляли большую часть содержимого желудка. В тайге животные добывают корневища дягиля, борщевика, на скалистых склонах — корневища бадана. В рацион кабана попадает падаль, а также насекомые, личинки которых они порой находят под скоплениями высохшего навоза крупного рогатого скота. В конце апреля (1989) вокруг изгороди летней стоянки скота и внутри нее кабаны сплошь перекопали землю: некоторые ямки достигали глубины 40 см. Летом кроме сараны и кандыка звери, роясь на лугах, поедают корни шизонепеты многонадрезной, лапчаток вильчатой и бесстебельной, гераней, луков, черемши и др.; не



обходят кладки пернатых, поедают дождевых червей, муравьев, слизней. В поисках беспозвоночных способны поднимать рылом стволы упавших деревьев до 25 см в диаметре, разламывать крупные гнилушки. По ночам кабаны могут систематически кормиться в посевах зерновых, примыкающих к лесным массивам, причем поедают и растущие здесь корневища сорняков. Осенью, при урожае кедра, идут в кедровники и поедают опавшие шишки, продолжают добывать и корни трав, кормятся ягодами и листьями брусники, черники, голубики, насекомыми. Зимой, в годы хороших урожаев кедровых семян, звери надолго задерживаются в кедровниках. Поедают также хвощ зимний, корневища ревеня, разрывают муравейники, норы и кладовые мышевидных. Ветошь и корешки трав, луковички находят на остепненных склонах гор. При пастбы в лесу копки делают чаще под кронами хвойных деревьев у ствола, где сухо и почва слабо промерзает. Занимаясь январским троплением жировавшего кабана, мы обнаружили, что свыше 70 % всех копок он сделал под кедрами, листовыми елями. В суровые «голодные» зимы кабаны вынужденно поедают ветви кустарниковых березок, жимолости, хвою и кору кедра, ели, сосны, листья и побеги багульника болотного, лишайники, коровьи «лепешки». При случае кабаны пожирают остатки задранных волками зверей, падаль, могут съесть и отравленную волчью приваду. Нам известны два случая отравления кабанов, причем погибли обе группы целиком. Семейство кабанов 11.12.1979 обнаружил в тайге на р. Хон заскладированное охотниками мясо марала, которое было сложено под его шкурой и засыпано снегом. Звери издали, видимо, причуяв запах, круто свернули со своего маршрута и, выйдя к «складу», прокопали траншею, вытащили несколько кусков и обгрызли.

Суточная активность центральноазиатских кабанов существенно меняется в течение года. Весной и летом звери передвигаются и кормятся поздно вечером, ночью, рано утром. Отдыхают

днем, нередко в лужах, родниках, болотах, у озер. Осенью, при жировке в кедровниках, порой активны в любое время, их днем часто спугивают здесь «белкощики». Зимой на кормежку кабаны выходят днем, а отдыхают ночью. К гайнам уходят в вечерних сумерках. При авианаблюдениях пасущихся кабанов встречали на открытых местах в светлое время суток, причем из 112 увиденных здесь животных 39,3 % пришлось на период с 8 до 12 часов и 60,7 % — на 12—17 часов. Некоторых зверей вспугивали из гайна почти в 10 часов утра.

В районах с высокими хребтами осенью звери совершают миграции, спускаясь в малоснежные «низа». По-видимому, существует тенденция более раннего ухода самок и молодняка, секачи же иногда зимуют в глубоководных местах, к примеру в долине р. Сыстыг-Хем, или делают переходы вслед за самками гораздо позже — в декабре — январе. В период депрессий животные остаются только в наиболее оптимальных биотопах, размещение их принимает очаговый характер. Явные и значительные передвижения кабанов бывают в годы неурожая кормов, когда они могут уйти из какого-либо района и появиться там, где их давно не видели. Протяженные переходы зверей регистрировались в бассейне р. Каа-Хем. На западных склонах Шепшальского хребта и горах Цаган-Шибету звери то появляются, то надолго исчезают. Весной 1975 г., впервые за много лет, животные были отмечены в верховьях р. Толайлыг и Барлыг (хр. Цаган-Шибету) и перезимовали здесь; в бассейне р. Белин кабаны отсутствовали в продолжение 1970-х гг. и были обнаружены только в 1985 г. Охотники Бай-Тагинского района сообщили, что кабаны безвозвратно ушли в 1988 г. из урочища Кара-Холь в соседнюю Хакасию через хр. Сайлыг-Хем. Вероятно, заселение кабанов в 1960—1970-х гг. пограничных с Тувой районов Красноярского края (Соколов, 1979; Завацкий, 1989) было связано с подобными кочеваниями животных.

Из всех видов диких копытных наших

широт только кабаны строят своего рода укрытия — гайна, причем их конструкция зависит от пола «строителя» и сезона года. Летние выводковые гайна — гряда ветвей с внутренней мягкой подстилкой из травы, куда для опороса ложатся матки; остальные кабаны в теплое время года обходятся небрежно сделанными лежанками. С наступлением холодов гайна строятся с большим тщанием. Порой сооружается подобие норы, шалаша, охватывающего зверя со всех сторон. Основу составляют мелкие, диаметром до 3 см, деревца (кедрики, елочки), кусты жимолости, акации, рододендрона. Лежка устилается листвой, осокой, баданом, хвоей кедров, мхом. Сооружаются эти жилища обязательно в сухом месте и под сенью деревьев или в густом лесу. Часто их можно встретить на границе с солнцепеком. Мы находили гайна в бордюре ельника под крутым солнцепеком невдалеке от р. Хут. Целые вереницы гайн мы видели на солнцепеках на границе с «сивером», пролетах на вертолете вдоль р. Хамсары. Не все начатые убежища достраиваются. В январе, выслеживая кабана, мы обнаружили между тремя кедрами сломанные зверем 20 рододендроновых веток, уложенных вокруг планируемой лежанки и брошенных; на границе ельника и солнцепека нашли под елью рыхлую кучу мелких елочек, кустиков спиреи, жимолости, надломанных баданом. Мигрирующие зимой звери, по нашим наблюдениям, строят простые гайна. Два из них мы обнаружили при зимнем троплении одиноца-кабана. Вначале он выровнял склон, делая ямку с валиком в сторону уклона размером 50×100 см, на дно уложил наломанные и изжеванные стебли жимолости, курильского чая, рододендрона длиной 15—20 см, траву. По краям ямки зверь расположил более крупные ветви, еловые и кедровые стволы длиной до 150 см. Слой подстилки был около 3 см, глубина сооружения — 40 см. Строительный материал зверь собирал с расстояния до 5 м от гайна. Средние размеры измеренных нами 20 гайн (см): длина  $171 \pm 10,96$  (100—300), ширина



129,0±12,49 (15—200), высота до 100. По сведениям охотников, изредка встречаются гайна больших семей — до 5,0×2,5 м.

Не каждый местный охотник мог добыть кабана. Тувинские кабаны отличаются осторожностью. По ряду поведенческих черт они близки к волкам. В отличие от других парнокопытных кабаны сразу убегают при освещении их ночью фарой, так же, как волки, они, впервые встречаясь с человеком, реагируют на его следы. Работая в безлюдных угодьях по р. Белин, мы проложили несколько лыжных. Группа спустившихся с верховьев реки кабанов наткнулась на одну из них, долго шла параллельно ей и пересекла в захламенном месте, где следы лыж были присыпаны снегом. Точно так же на лыжню реагировали местные волки, а маралы, лось и северные олени практически не обращали внимания на следы нашего пребывания. Охотники, преследовавшие кабанов на лошадях, рассказывали нам, что группа кабанов по глубокому снегу идет цепочкой след в след и, как только передовой зверь устает, отпрыгивает в сторону и бежит сзади, затем следует повторение маневра и т. д. Некоторые кабаны, преследуемые вертолетом, не убегают, а прячутся, затаиваясь в нишах, пещерках утесиков на солнцепеках. Б. Завацкий (1989) в подобных местах Саяно-Шушенского заповедника находил и гайна кабанов.

Многие факты наших наблюдений говорят о лабильности и высоких адаптационных возможностях поведения кабанов. Там, где звери живут вблизи человека, они могут использовать это в своих интересах. Их не отпугивают таежные избушки, особенно если вблизи можно чем-то поживиться. В апреле 1986 г. ночью одиночный кабан подошел к зимовью, где мы жили, и кормился в 7 м от нас овсом, не доеденным нашей лошастью. Здесь же, на окружающих избушку полянках, виднелись разной давности пометы кабанов. Голодавшая семья животных зимой 1972/1973 г. прибилась к животноводческой ферме на р. Хон и жила тем, что

поедала комбикорм, выносимый для них скотниками. Некоторые звери в тяжелые зимы держатся около стогов сена, прячась в них. Здесь же находили и сдохших от истощения кабанят (февраль 1976 г., бассейн р. Хут). В феврале 1989 г. на одной из протоков р. Бий-Хем близ с. Севи из перевернувшегося автомобиля высыпалась пшеница. Матка с поросенком прикормились к ней и ходили сюда до весны. Привыкнув к следам деятельности людей, кабаны смело идут по дороге или лыжне, облегчая свой трудный маршрут в глубоких снегах, хотя тувинские кабаны хорошо приспособились и к передвижениям по снегу. Вытروпленный нами 19.01—20.01 1980 г. суточный на след секача длиной 5254 м проходил по территории с глубиной снега близкой к критической — 55—60 см. Зверь направлялся из тайги к лесостепи, демонстрируя разнообразные приемы экономии сил: обходил большие глубокие снежные поляны, а малые преодолевал короткими по 1,4—1,8 м прыжками, часто и целенаправленно использовал следы других животных и человека, что особенно ясно проявлялось при подъеме в гору. Для отдыха использовал заново построенное гайно, а к старому безошибочно вышел в густом лесу. Зверь 49 раз (97 м) специально проходил под кронами деревьев, где глубина снега составляла 10—40 см, по следам лошади шел, стараясь точно попасть в их ямки. В общей сложности 994 м кабан проследовал по 41 лежке косуль, 10 лежкам маралов, 70 копанкам косуль и маралов; 620 м — по следам, тропам копытных, старой дороге и наледи ключа (снег в упомянутых местах был на 20—30 см ниже, чем на целине).

Кабаны не боятся близкого соседства с домашними копытными (лошадьми, коровами), могут пастись с ними на одной поляне, не реагируя на бряканье ботал (наблюдения на р. Унжей в 1970, 1975 гг.). В декабре 1988 г. кабанов видели у силосной ямы близ г. Турана рядом с лошадьми. Нападают на кабанов, главным образом, волки и медведи. Первые гонят кабанью

группу, стараясь отбить и задрать молодых зверей. Секачи, по-видимому, мало страдают от волков, а неопытные собаки даже боятся грозных вепрей. Охотовед М. А. Дежнев в октябре 1977 г. в районе хр. Танну-Ола едва не был сбит с ног своей собакой, убегающей от преследовавшего ее кабана. Медведи караулят кабанов на тропах или, подкравшись к гайну, бьют отдыхающих зверей лапой. Некоторые крупные секачи обороняются, но медведь обычно побеждает. Осенью на р. Ужеп был застрелен медведь, лежавший на заваленном хламом труп секача. У хищника виднелись глубокие раны на шее и туловище, нанесенные клыками кабана. На перевале Болдурган в Пий-Хемском районе 15.09.1988 г. мы обнаружили останки секача, задранного медведем и прикрытого мхом прямо у лесной опушки. Штатные охотники Каа-Хемского КЗПХ убеждены, что в голодные для медведей осенние сезоны 1982 и 1985—1986 гг. эти хищники специально и настойчиво преследовали кабанов, заметно влияя на ресурсы последних.

Примерная площадь семейного участка кабанов — от 30 до 100 км<sup>2</sup>, или 5—10 км вдоль русла реки. В пределах его обнаруживаются «чесальные деревья» и грязевые «ванны» кабанов, причем зачастую они соседствуют. На «чесальном дереве», как правило кедре, лиственнице, кабаны делают несколько ударов клыками, удаляют кору; потеряность, часто до блеска, идет обычно до высоты 80—90 см, начинаясь в 30 см от земли, и охватывает до 80 % окружности ствола. Однажды мы встретили шерсть кабана на высоте около 200 см, зверь, очевидно, вставал на задние ноги и чесался головой, а не боком. Диаметр «чесальных деревьев» — 10—15 см, расстояние между ними может быть 50—100 м. «Чесальные деревья» и грязевые «ванны» можно найти у звериных троп «общего пользования». Обнаруженный нами в подгольцовом кедровом 1.07.1981 г. вблизи грязевых «ванн» почес на кедре использовался и ранее, а сейчас был подновлен, в 3—5 м от него проходила торная зверовая тропа со следами маралов, медведей, каба-





нов. Две лиственницы со следами кабаньих почесов были найдены рядом с маральими метками на молодых кедрях у звериной тропы по кл. Сортуг. Встречались свежие грязевые «ванны» и «чесальные деревья» непосредственно на выючной тропе, проходящей вдоль р. Хут.

Гон кабанов в Туве происходит в основном в декабре — январе. С одним сезоном бывает до семи свиней. Между самцами порой наблюдаются столкновения, а особо агрессивные звери могут напасть и на человека. Так, в начале февраля 1981 г. в долине р. Азас крупный кабан сделал попытку наброситься на проводивших учетные работы С. А. Окаимова и Ю. Н. Никитина и был застрелен в 10 шагах от учетчиков. Поросята в числе от 2 до 11 (в среднем 6,2) рождаются в апреле — мае. Свиньи с полосатым потомством в мае — июне встречаются в поймах ключей, рек, на лугах, островах, в зарослях караганы, на солнцепеках. В первые месяцы жизни малыши целиком зависят от матери. Они мгновенно реагируют на ее сигналы, нередко держатся буквально под брюхом свиньи. Если матка гибнет, умирают и поросята. Охотники неоднократно находили летом мертвых, очевидно не дождавшихся матери, поросят, лежащих одной кучкой в гайне.

В обычные годы весной и летом в населении кабанов численно преобладают сеголетки, по среднемноголетним данным, соответственно 68,5 % и 52,9 % общей численности популяции, зимой же их доля составляет 37,0 %. Это свидетельствует о значительной смертности молодняка на первом году жизни. Изменения численности кабана региона тесно связаны с урожаем кормов, главным образом семян кедра, и характером зимовки — глубиной снежного покрова, низкими температурами. В продолжение 1960—1970-х гг. практически во всех районах Тувы наблюдались полные или частичные неурожаи семян кедра и лесных ягод, к тому же эти годы отличались сильными морозами и необычно глубоким снежным покровом. Глубокоснежные зимы были также в 1979—1980, 1981—1982 и 1996—1997 гг., однако таких последовательных идущих год за годом, катастрофических зим, как в 1960—1970-х гг., когда резко возрастала смертность кабанов, не было. В период 1961—1970 гг. из общего числа погибших зверей поросят составили 90,0 %, в 1971—1980 гг. —

80,6 %, а в 1981—1989 гг. только 53,1 %. В целом за весь период — 1961—1989 гг. кабаны погибли, не считая отстрелов: истощение — 75,7 %, хищники — 11,8 %, отравление — 6,2 %, болезнь, предположительно чума свиней, — 4,2 %, утонули — 1,4 %, упали со скалы — 0,7 %.

В конце XIX — начале XX в. кабан в Урянхайском крае (Тува) был довольно редок (Островских, 1899; Родевич, 1910), в 1920-х гг., по-видимому, наблюдалось повышение численности, так, по данным М. И. Скобеева (1925), тогда добывали в среднем 300 кабанов в год. В середине 1930-х гг. заготовки «исчислялись несколькими десятками» (Соколов, 1935). Вновь возросли ресурсы вида в конце 1940-х — начале 1950-х гг., по данным тувохотуправления, они определялись в 5000 особей. Очередное снижение численности зверей началось во второй половине 1950-х гг. и продолжалось в 1960-х гг. Дальнейший характер межгодовых изменений встречаемости кабанов хорошо отражают результаты авиаучетов, которые проводились в республике с 1972 по 1993 г. Средняя плотность населения диких свиней в 1972—1980 гг. была 0,28 особи на 1000 га, в 1981—1993 гг. она возросла более чем вдвое — 0,65. Менялась и структура встреч, но средние показатели стадности в оба периода совпадали — 2,33 и 2,34 особи в группе. В той же примерно пропорции, как плотность, изменились в 1980—1990-х гг., в сравнении с предшествующим периодом, и ресурсы кабана. Однако, несмотря на значительный рост численности (в 1999 г. — 4300 гол.), она еще не достигла уровня 1950 г.

В последнее десятилетие кабан по весу заготавливаемого мяса стоял на третьем месте после марала и лося, давая около 10 % общего объема этой продукции. С 1000 га территории зимнего обитания вида добывалось 0,03—0,04 особи. Воздействие охоты на кабана не столь существенно, как на других копытных региона — бьют его обычно профессиональные охотники. По данным анкетного опроса охотников, около 70 % животных бьют с подхода, скрадом, остальные охотятся с собаками; в добыче взрослые самцы составляют 18 %, свиньи и подсвинки 46 %, поросят — 36 %; причем 70—80 % лицензий реализуется в декабре — январе, когда у кабанов проходит гон.

По причине общей немногочисленности кабана не следует планировать отстрел в пределах более 20 % осенней численности стада, доля сеголетков в квоте добычи должна быть около 50—60 %, чтобы предупредить бесполезные их потери. Охоту на диких свиней желательно начинать с 1 сентября и завершать к 1—15 ноября, дабы не беспокоить зверей в период гона.

Фото А. Севастьянова

## Вспомни родное гнездо

Московский пушно-меховой институт просуществовал 26 лет и подготовил несколько сотен биологов-охотоведов, которые успешно трудились во всех концах нашей огромной страны. Судьба выпускников сложилась по-разному. Мы рассыпались по городам и весям России: кто-то самоотверженно работал в медвежьем углу, кто-то погиб на фронте, кто-то подался в науку, заповедник, некоторые охотovedы стали звероведами, писателями, художниками и даже священниками. Многие ушли уж в мир иной, большинство на пенсии. Иногда студенческая дружба поддерживается и сейчас, однако немало растерявшихся друзей-однокашников: жизнь не простая штука, и не все складывается, как хотелось бы.

Родилась мысль написать книгу о Московском пушно-меховом институте, его преподавателях и выпускниках биологов-охотоведах. Каждый будет упомянут в ней. Но мало, мало сохранилось сведений. Мы обращаемся к читателям нашего журнала с просьбой вспомнить молодые годы, проведенные «под крылом Балашихи». Когда сердца были открыты и доверчивы. И рассказать о себе, о студенческой жизни, учителях, о своих товарищах по курсу, их судьбах. Ценны не только фамилии, даты, но веселые истории, печальные случаи. Кто-то не учился в МПМИ, но работал с его выпускниками-охотоведами, дружил с ними — поделитесь воспоминаниями о них. Или хотя бы сообщите адреса «последних из могикан» Пушмеха.

Эта книга будет памятью нам всем, всему вольнолюбивому романтическому племени балашинских охотоведов. Она ляжет и на книжные полки наших детей и внуков. Ждем Ваших писем, однополчане, по адресу:

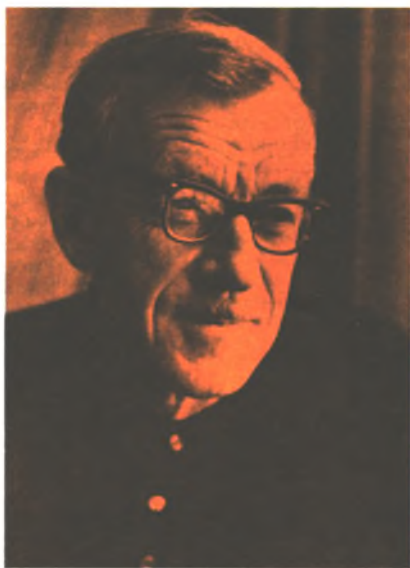
630090, Новосибирск,  
ул. Академическая,  
д. 8, кв. 28, телефон (3832)  
30-30-35.

По поручению  
пушмеховских  
старожилов  
Виктор Александрович  
Игнатьев

РЕСУРСЫ И РАЗМЕРЫ ЛИЦЕНЗИОННОГО  
ОТСТРЕЛА КАБАНА (особей)

Период	Численность	Отстрел	
		план	добыто
1961-1980	1160 (800-1500)	57 (22-90)	23 (9-35)
1981-1999	2980 (1800-4300)	187 (30-419)	71 (15-166)

# Ярослав Русанов: «Охоты в России»



## Охоты по перу

### На уток

Никто еще не рассылал анкет, пытаюсь выяснить, какие зверь или птица чаще всего становятся первой добычей охотника. Думается, что если бы такой опрос был проведен, то наиболее частым ответом было бы — «утка». От северных побережий до южных границ Союза, от Прибалтики и до Камчатки — везде, где есть текущие или стоячие воды, есть и утки. Именно с ними в первую очередь ассоциируются народные представления об охоте. Встретившись с человеком охотничьего облика, случайный прохожий в девяти случаях из десяти изрекает:

— Берегись утки!

Утро. Встающее солнце заливает лучами широкий луг, по которому прихотливо извивается речка и десятки озер и стариц блестят, отражая небесную голубизну. Осока, прибрежные камыши, листья — все покрыто сверкающей или — где на землю падают по-утреннему длинные тени кустов и деревьев — матово-серебристой росой. При нашем подходе с ближайшего озера вне выстрела снимается и улетает несколько уток.

Стрелять утку на подъеме легко, и если бы не волнение, свойственное или молодым, или очень уж горячим охотникам, то редко какая из подпустивших нас на выстрел птиц оставалась бы в живых. Но... мало ли мажут здесь и те, чье самообладание безупречно и жидется на многих сотнях загубленных

утиных жизней? Вот она взлетает в каких-то 20 шагах — большая, тяжелая, рыжеватая крякуха. «Ну, отлеталась голубушка!» — думаем мы и дважды великолепно пуделяем (с кем этого не бывало — «пусть первый бросит в меня камень»).

И все же попасть во взлетающую утку обычно удается. А вот взять ее, если она бита не наповал и у охотника нет собаки-утятницы, — дело совсем непростое. Птица эта — великая мастерица прятаться и скрытно удирать с места падения.

Чтобы свести до минимума количество потерянных уток, нужно взять за правило — при малейшем подозрении, что падающая или уже упавшая утка бита не наповал, сейчас же пробовать ее дострелить, а отнюдь не пытаться изловить.

Ходовая охота на водоплавающую дичь или охота с подхода популярна и привлекает многих. Пожалуй, нигде не встретишь такой концентрации охотников, как в водно-болотных угодьях в первые дни сезона. Иной раз, куда ни взглянешь, всюду маячат люди с ружьями. Одни бродят по камышам и кочкарникам мелководий, другие на всевозможных плавсредствах бороздят глубоководные плесы, третьи таятся по берегам в надежде, что более активные товарищи на них кого-нибудь нагонят. Зачастую высокие тростники и кустарники скрывают охотников друг от друга, а некоторые, особенно хитрые индивидуумы, даже пытаются использовать совершенно посторонних для них охотников в качестве загонщиков и, скрытно забегая вперед по ходу движения последних, хищно западают в осоке. Кроме того, кое-кто из «самозабвенных» стрелков, заметив уток, вообще ничего, кроме них, больше не видят и теряют всякое представление об окружающем. Таким образом, возникает ситуация, при которой получить несколько дробин, а то и весь заряд в любую часть вашего тела легче легкого. Недаром по числу несчастных случаев ходовая охота по уткам первенствует среди всех остальных способов охоты. Правила техники безопасности, запрещающие стрелять по птице, летящей ниже уровня человеческого роста, по неясно видимой цели, в сторону, где, пусть и далеко, мы видим другого охотника, приобретают тут особое значение и должны соблюдаться с полной неукоснительностью.

Охота на уток с подхода бывает удачной до тех пор, пока перелинявшие старые и окрепшие молодые птицы не наберутся осторожности, опыта и перестанут проводить день в зарослях водной растительности. Как только это произойдет — ходовая охота кончается и редко когда, в очень ветреную погоду, удастся убить зазевавшуюся и близко взлетевшую утку.

Одновременно с ходовыми охотами, но только не днем, а на утренних или вечерних зорях, ведутся и охоты по уткам на перелетах.

Уже незадолго до открытия летней охоты, в конце июля — начале августа подросшие и получившие способность летать молодые утки на утренних и вечерних зорях начинают пробовать свои силы. Они поднимаются и совершают сперва небольшие, а потом и более далекие облеты окружающей местности. Это еще не перелеты, а тренировки, освоение искусства полета. Взлетев из залива или старицы, где до того проходила их жизнь, птицы через какое-то время туда же и садятся. Но проходят дни, крепнут крылья, и выводок вечером уже улетает с привычного плеса в места, богатые кормами. Чаще всего это либо покрытые рдестами и ряской мелководья, изобилующие всякой болотной живностью и пригодными в пищу семенами растений, либо участки, покрытые водяным рисом, либо поля зерновых культур (предпочтительно проса, гречихи, гороха, пшеницы). Пробы там всю ночь и до отказа наевшись, утки утром возвращаются обратно — туда, где они жили все лето, в дальнейшем — просто в наиболее удобные для дневки угодья.

Этим-то особенностям их поведения мы и пользуемся. Любителей «постоять зорьку» много, поскольку это дело неумолимое, сравнительно кратковременное, не требующее физических усилий, особого упорства, разве что охотник решит забраться в какие-то малодоступные кряжи. А обычно: подъехал на машине, прошел с полкилометра, остановился и жди, когда налетят. Налетают же порой довольно часто. Это ли не удовольствие? Если же в дополнение и погода хорошая и комары не норовят съесть заживо — это ли не наслаждение?

Но вот мы на месте. Медленно клонится к горизонту багровый круг солнца. Воздух словно густеет, наполняется еще не сумерками, а какой-то пред-



вечерней синеватостью. Вода розовеет, и местами закатные краски рдеют в ее глубине, как затухающие угли. Тихо... так тихо, что с необычайной ясностью до нас доносятся дальние деревенские звуки, плеск чьих-то весел и голоса наших выбирающих себе места соседей. Для уток еще рано, и, отгоняя дымом сигареты назойливо зудящих комаров, мы спокойно следим за медленным угасанием дня, выходящими над водой чайками или группой всклокоченных ворон, жадно высматривающих в камыше какую-то добычу. Солнце село, значит, нужно подниматься и браться за ружье. Где-то уже стреляют, а вот и рядом, провожая стайку пролетающих в поднебесье чирков, грохнул дуплет. Зачем? — понять невозможно, потому что достать до птиц можно было разве что из зенитки. Все-таки до идиотизма нелепо это стремление некоторых охотников бахать по любой самой далекой цели. Двести-триста метров, а им все равно — лишь бы «вдарить». То, что это запрещено, распугивает дичь и портит охоту другим, таким неистовым стрелкам либо безразлично, либо не приходится в их отуманенную страстью голову. По соседству явно завелся такой «бахало». Слышно, как его укоряют, а он огрызается.

— Куда ж ты стреляешь? Далеко же!

— Вижу, вот и бью! А чего ждать-то?

— Урод ты тряпошный, а не охотник!

Надо бы тебе...

Окончания мы уже не слышим, так как прямо с зари тянет на нас и тянет невысоко табунок уток. Своих выстрелов мы почти не слышим. Смутно замечаем, что веером пошли после них вверх темные острокрылые силуэты, а следим за той птицей, которая, свернувшись комком, валится в траву. Перезарядив ружье, идем за своим первым трофеем и достаем битую намертво свинья.



Кругом постреливают все чаще. Снова ждем, провожая глазами тут и там пролетающих стороной уток. Дважды мажем по проносящимся, точно реактивные самолеты, чиркам и только в почти уже полной темноте спускаем в камыш близко налетевшую шилохвость. Долго бродим среди гладких, точно лакированных, стеблей и с трудом находим птицу под одним из их заломов.

Окончательно стемнело, над головой все чаще и ярче поблескивают звезды, а внизу все слилось в одну большую черноту, где только участки чистой воды отражают звездную беспредельность. Пора домой — с тем, чтобы завтра снова в предраассветной мгле прийти сюда, на этот выступающий в озер-

ко мыс, и ждать, когда на посветлевшем небе появятся, приближаясь, темные утиные силуэты. А пока — к дому, к чаю, к свежему селу и короткому, полному ожидания, сну. В первые дни сезона над богатыми дичью угодьями утки летают почти повсеместно. Однако с ходом времени картина меняется. У птиц появляются излюбленные места дневки и ночной жировки, а также четко выраженные пути следования от одних к другим и обратно. Тут уже не каждое озерцо или залив сулят какую-то удачу, не на всяком участке берега хоть один-два раза на протяжении зари выстрелишь. Чтобы успешно поохотиться, теперь нужна разведка, требуется выяснить, откуда, куда и над какими местами утром и вечером идет дичь. На это иной раз потратишь не один и не два дня. Правда, если найдешь место хорошего, концентрированного перелета, то можно себя поздравить — пострелять доведется. Этому может помешать лишь одно обстоятельство. Там, где на водоплавающих много охотятся, они не только концентрируются в определенных местах, но и заметно меняют свое поведение. Постигнув на горьком опыте, что лишь полная темнота может охранить их от покушений охотников, они все позже летят на жировку вечером и все раньше возвращаются с нее утром. Случается всю зарю простоять на испытанном, надежном месте без выстрела и, уже собираясь домой, вдруг уловить, как над тобой со свистом начинают одна за другой проноситься утиные стайки.

Это вечером, а утром придешь, когда чуть-чуть завиднеется полоса восхода, и окажется — опоздал, так как птица уже прилетела к своим дневным пристанищам перед рассветом. Кроме того, неоднократно обстрелянные утки, поднявшись в воздух, часто сра-



# Дуплетная охота

зу же набирают такую высоту, что стрелять по ним становится бессмысленно. Караулят их в этой ситуации приходится не там, где они пролетают, а там, где они снижаются перед посадкой, т. е. вечером — у мест жировки, утром — на дневках. Предпочтительно устроиться так, чтобы стоять лицом на зарю (это поможет лучше различать налетающих птиц), и там, где битая дичь не падала бы в непролазную крепь. Несоблюдение последнего условия всегда ведет к бессмысленной потере значительной части убитых уток. Все это приходит с опытом. Сама стрельба на перелетах очень разнообразна. Приходится иметь дело со штыковыми, угонными, летящими слева направо и справа налево птицами, идущими с различной скоростью и на разной высоте. Далеко не всегда успеваешь подготовиться к выстрелу, так как цель зачастую появляется внезапно и стрелять приходится быстро. Особенно это типично при стрельбе чирков, которые ни оттуда ни отсюда вдруг вывернутся из темноты и с шипением крыльев промчатся и исчезнут в какие-нибудь секунды. Поэтому на хорошем перелете за час иногда расстреляешь больше патронов, чем за весь день ходовой охоты, а убьешь обычно много меньше.

На этой охоте нет необходимости как-то маскироваться. Пока не взошло солнце или когда оно уже скрылось за горизонтом, на земле темнее, чем над ней, и налетающие птицы плохо видят охотника. Поэтому те из нас, кто при охоте на перелетах забирается в кусты или тростник, устраивает нечто вроде засидки из веток и вообще таится, только себе же делают хуже. Им труднее заметить приближение дичи, труднее поворачиваться в любую нужную сторону, менее удобно стрелять. Маскировка оправдана только там, куда утки еще до наступления сумерек либо после восхода солнца идут на посадку, — случай довольно редкий, если только охота не происходит на обширных водоемах, где дичь практически активна весь день.

Свои вечерние и утренние перелеты водоплавающие регулярно совершают до отлета на юг. В зависимости от смены кормовой ситуации в угодьях направление этих перемещений часто меняется. Кончилась жатва, обезлюдели поля, и косяки крикв потянулись на них, чтобы собирать рассыпанное по стерне зерно. Упала вода, образовались участки новых мелководий, и вот там, где ее раньше не было, обьивается много дичи. Залило дождями пашню и на образовавшихся грязевых топях можно стоять вечернюю зорю. Всего тут не предугадаешь. Просто тому, кто любит охоту на перелетах, все время нужно быть в курсе утиных дел. Тогда грустные возвращения с охоты без выстрела будут для него редкостью.

Фото А. Севастьянова  
Окончание следует



Модест КАЛИНИН

Охоты бывают разные. Даже на воротничкового рябчика, как писал в своей прекрасной книге «Календарь песчаного графства»\* Ольдо Леопольд. На воротничкового рябчика — жителя североамериканских прерий, я не охотился, но среди тысяч моих охот была одна, оставшаяся в памяти под названием «дуплетная охота».

В том году я купил новый автомобиль — «Жигули 2102», который в обиходе называли «двойкой». Новый автомобиль, да еще с радиоприемником, создавал комфортные условия для дальних разъездов.

Стояло теплое и сухое бабье лето, какие часто бывают в сентябре на Псковской земле. У нас, с моим большим другом Алексеем Алексеевичем Ливеровским, уже давно в обиходе были охотничьи выезды «ради географии». Мы намечали по карте, или по рассказам достойных доверия людей, район для обследования на предмет поиска новых интересных мест для охоты. Вот я и решил обследовать обширные полевые угодья за старинным русским городом-крепостью Порховом. Получив в районном обществе путевку, я неторопливо ехал по дороге к Пскову и осматривал убранные хлебные поля — стерню. Рядом со мной сидела и тоже осматривала местность Дива, мой английский сеттер, молодая, но уже заработавшая несколько полевых дипломов собака. Проехав очередную

крохотную деревушку, я остановил машину. Дальше простиралось большое поле сжатого ячменя. Я выпустил из машины собаку, уложил ее и, после минутной паузы, послал в поиск. С края поля в деревню метнулся большой серый кот. Мы подошли к этому месту и увидели свежеразорванную серую куропатку. Дива, на быстром ходу, обыскала поле, но больше куропаток не было. Усадив собаку в машину, я поехал дальше.

Очередная стерня не заставила себя долго ждать. В нескольких местах Дива что-то прихватывала, но птиц не нашла. Их просто не было. За очередной деревней с красивым названием Ласточкина Гора опять было поле. Узкое и длинное, оно протянулось между лентой шоссе и лесом. На третьей параллели Дива, с полного хода, легла. Это означало, что птица близко перед ней. Мой садочный бокфлинт был заряжен «девяткой». Я стал осторожно подходить к лежащей собаке, боясь спугнуть выводок куропаток. Я подходил все ближе и ближе, ежесекундно ожидая такого волнующего треска крыльев взлетающих куропаток. Выводок так и не поднялся. Когда я подошел вплотную к лежащей Диве, у нее, чуть ли не из-под самой морды, выскочил огромный рыжий кот. «Девятка» пришила его к земле. Он даже не сделал ни одного движения. А в тот же момент, в лесной опушке, на осине оказался еще один кот. Это был первый в моей жизни дуплет по котам. Гуманному читателю должен пояснить. Кошки в природе — огромное зло. Неисчислимое количество птенцов-слетков погибает в их когтях. Особенно страдают наземногнездящиеся птицы, такие как соловьи, славки, пеночки, куропатки, а также зайчата. Кошки широко обшаривают местность вокруг деревень. Иногда поражаешься, встретив в глухом лесу, в 5–8 км от ближайшего жилья, кошачьи следы. В высокоорганизованных охотничьих хозяйствах кошек отстреливают без со-

\* Ольдо Леопольд. Календарь песчаного графства. М.: Мир, 1983.



жаления. Так, в Белоруссии в 1996 году в охотничьих угодьях было отстреляно 3400 бродячих кошек и 9000 бездомных собак. В бывшей Германской Демократической Республике эти цифры еще более внушительны: 140 000 бродячих кошек и 130 000 бездомных собак. В моей маленькой деревнюшке кошки за лето притащили 9 русачат, половину живых, половину уже задавленных.

Вспоминаю леса в Закарпатье, где на каждом шагу висели вывески: «Бороняйте птахив вид котив». В моем заросшем саду живет прелестная птичка — садовая камышевка (*Acrocephalus dumetorum*). Она гнездится у самой земли. Ее гнездо — чудо архитектуры, сплетено из тонких травинки и укреплено между вертикальными побегами малины, стеблями крапивы и других высоких растений. Садовая камышевка интересна тем, что в июле, когда все другие птицы уже перестали распевать свои весенние песни и заняты выводением и выкармливанием потомства, садовая камышевка поет все ночи напролет. А так как это типичный пересмешник, то даже в июле можно наслаждаться песнями горихвостки, белобровика, певчего дрозда и ряда других наших певцов. Хотя в этом отношении ее значительно превосходит ближайшая родственница — болотная камышевка (*Acrocephalus palustris*). В репертуаре болотных камышек известны точные имитации песен более чем двухсот различных видов птиц. Осенью, когда листва опадает, я нахожу эти гнездышки, осторожно секатором срезаю их и привожу в подарок нашим ленинградским орнитологам. Эта кроха летит зимовать за многие тысячи километров в Индию, а весной возвращается на Псковщину, в родимый сад. Как она находит дорогу? Как преодолевает гигантское расстояние? Как борется с ветром и штормами? Все эти вопросы каждый раз заставляют мою набобожную мать вопрошать: «А еще говорят, Бога нет!» И маститые орнитологи не могут дать ей вразумительный ответ. Я очень берегу свою ночную певунью. И вот уже несколько лет мне это удается. Серенькая птичка с алюминиевым колечком на лапке, к моей великой радости, прилетает и вновь строит свое гнездо. Часто летом я слышу ее тревожное стрекотанье-чekanье. Тогда я беру ружье, и на окраине сада, под кустом волчьего лыка, появляется новая могила «неизвестного kota». Этим объясняется моя нелюбовь к кошкам, занимающимся «вольной охотой».

Вскоре с правой стороны от дороги показался памятник — скорбная фигура женщины, склонившаяся к земле. Я остановил машину, вышел, снял шапку и преклонил колени. Я давно знал этот памятник на месте сожженной фашистами деревни Красуха. Мы хорошо знаем трагическую историю белорусской Хатыни, сожженной вместе с жителями немецким карательным отрядом, состоявшим из карачаевцев. Мы знаем чешскую Лидице, французскую деревушку Орадур-сюр-Глан, вьетнам-



скую Сонгми. Но сколько русских деревень постигла такая же участь? Говорят, больше ста. Знаем ли мы их названия, их судьбу?..

На очередном поле мы все-таки нашли выводок. Дива причуала их далеко. Долго вела и наконец подняла. Птицы взлетели далекоовато. Тем не менее я не промахнулся. Одна упала, чисто битая, вторая заставила еще долго ее добирать. Подренок убежал в густой бурьян, и только хорошая следовая работа Дивы позволила его найти. Дальше по дороге стерни не попадалось. Я внимательно смотрел вперед, и вскоре в поле зрения появилась летящая кряква. Охотничий взор невольно следил за кружащей птицей. Сделав несколько больших кругов, утка села в низину, заваленную крупными валунами. Оставив собаку в машине, я решил скрасть кряковую. Вложив в стволы «пятерку» и «тройку» для второго — дальнего выстрела, я стал красться к низине. И вот я уже на ее краю, а утки нет. Я встал на валун и громко крикнул. Из редких камышей поднимается уже зеленоголовый крякш. Выстрел прост до неприличия. Селезень падает, и с места его падения поднимается второй такой же. Укладываю птиц в багажник, пью из термоса крепчайший чай — и домой. Дома в Порхове, после ужина, крепко засыпаю под плеск волн Шелони.

На следующий день еду по другим дорогам. Здесь места более лесистые. Редкие поля перемежаются лесными массивами. На первом же поле Дива четко подает большой выводок серых куропаток. Делаю дуплет. Потом ишу перемещенных. Дива пропала. Несколько раз прохожу вдоль опушки, пытаюсь в опущенных зарослях отыскать стоящую на стойке собаку. Ее нет. И тут обнаруживаю, что «березовое полено», которое я несколько раз проходил, и есть моя собака. Подхожу, у нее из-под носа поднимается «подковыкин»\*\*. Я замешкался с выстрелом. Уже больно близко он поднялся. И тут над моей головой со свистом пронесется ястреб-тетереватник. Моя «девятка» догнала его уже метрах в 30-ти.

Следующий день был 29 сентября — Людмилы-именинницы, и я был приглашен на именины супруги орнитолога с мировым именем Константина Алексеевича Юдина. К тому же Константин Алексеевич был прекрасным таксидермистом. Ранее, на берегу Чудского озера, я добыл прекрасный экземпляр ястреба-перепелятника, и после обработки птицы Константином Алексеевичем она заняла достойное место в коллекциях Зоологического института. Теперь к ней прибавилась редкостная по весу и окраске самка тетеревятника.

Так, за одну охоту я не сделал ни одного одиночного выстрела. Только дуплеты, и все удачные. Под этим названием эта охота и осталась в памяти.

\*\* Так некоторые охотники и писатели (В. Бианки) называют самцов серых куропаток за большое коричневое пятно на груди в форме подковы.



Рисунки Б. Игнатьева

# ПРИЧУДЫ ПРИРОДЫ

Роман КАЛИЕВ



Чтобы читатель имел более полное представление об аномальном развитии некоторых образований у животных, я расскажу об экспонатах своей коллекции, с небольшими комментариями относительно их происхождения.

С эволюционной точки зрения лось — относительно молодой представитель оленевых. Основные формы его рогов ствольчатые и лопатообразные. Но есть редкие рога так называемого «лося-убийцы», имеющие по одному острому, как шило, отростку. Встречаются и еще более редкие рога — трехствольчатые. Такие формы рогов бывают и у настоящих оленей: европейского и марала. «Рога-убийцы» очень опасны в период гона зверей, так как вполне могут травмировать или убить соперника.

Представленные на фото рога лоса с огромным наростом в виде гриба и рога с недоразвитием явились, скорее всего, результатом нарушения обмена веществ. Ведь рога — показатель здоровья зверя.

Есть такое выражение — «рога-парик». Выглядят они, как многослойные наросты на месте правильных рогов, и производят впечатление натеков засыхшей массы.

Косули, лоси, олени каждый год теряют рога, которые отрастают вновь под защитой кожного волосяного покрова с определенной тенденцией развития. После того как рога достигли последней стадии своего развития, кожа, покрывающая их, подсыхает и чешется. Животное старается избавиться от зуда, трется о деревья и сдирает ненужную кожу.

В результате боев во время гона или после прыжков через кустарники случаются травмы яичек. Это ведет к гормональным нарушениям, вследствие чего животное не может избавиться от рогов. Но кожное покрытие образуется каждый год, оно распространяется по роговым наростам. Так возникает очень редкое образование, которое охотники называют «рогами-париком». Животное с таким уродством может погибнуть. Оно довольно редко наблюдается у косули, еще реже оно страдает олени, и почти совсем оно не распространяется на лося.

Отдельно можно рассказать об уродствах, полученных в результате травмы. Это можно видеть на примере некоторых моих экспонатов. Такова обычная ондатра, но с громадными резцами. Поймана она была в капкан в Тульской области на реке Солове. Очевидно, в результате травмы произошло несхождение резцов зверька и они стали расти, не стачиваясь. Остается только удивляться, как зверь питался, хотя выглядел, по словам добывшего его охотника А. М. Бурова, вполне упитанным. Я, разумеется, чрезвычайно признателен ему за столь редкий трофей.

Клыки кабана, имеющие длину 27—28 см, — достаточно редкое явление. Но как же оценить клык длиной в 42 см? У этого кабана когда-то был сломан верхний клык и нижний перестал об него стачиваться.

Еще интересные экспонаты — когти и копыта зверей. Необычные когти тигра, самый большой из которых имеет 2,5 оборота по окружности, следующий — 2 оборота, затем 1,5 и один оборот, необъяснимы. Ведь всего измененных когтей у зверя было 4, остальные нормальные.

Или, например, у лоса все четыре копыта были уродливы. Лось был нормально упитан, но охотники, еще до того как его добыли, увидели необычные следы на грязи.

Многие знают о моем увлечении и, если где-либо видят подобные аномальные образования, по возможности стараются приобрести их для меня. Я им всегда благодарен за это, хотя часто такие трофеи, если они добыты самим охотником, дороги для их владельца. Но, вероятно, каждому такому владельцу приятно, что добытый им трофей попадет в хорошую коллекцию и его увидит много людей. Мне доставило большое удовлетворение то, что на проходившей в Москве VI Международной выставке «Охота и Рыболовство на Руси», в которой я участвовал, побывали и бывшие владельцы аномальных трофеев.

Пользуясь случаем, обращаюсь к читателям: если у кого-нибудь есть подобные трофеи, позвоните мне по телефону 360-17-85. Меня не интересуют лишь те трофеи, которые происходят из зон экологических бедствий, где животные обречены на уродства.

Фото Т. Баженова и В. Животченко

Охотничьи трофеи, как известно, ценятся за их размеры, симметричность, степень сохранности. Рога косуль ценятся еще и за степень их обрастания кораллообразными образованиями. Шкуры разных животных — за их размеры и сохранность шерстного покрова. Кроме того, экспертная оценка трофеев строится на сравнении их с другими однородными экспонатами. Хороший трофей — предмет особой гордости охотника. Однако существуют трофеи, которые не укладываются в стандартные понятия, и нет критериев для их оценки, несмотря на то, что одинаково сильное впечатление производят они и на добывших их охотников, и на тех, кто просто видит их. К таким трофеям относятся различного рода аномальные и уродливые формы рогов, копыт, клыков, резцов...

Читая и перечитывая старые номера журнала «Охота и охотничье хозяйство», я обратил внимание на редкость публикаций о каких-либо природных отклонениях морфологии животных, хотя сообщения о них очень интересны с познавательной и научной точек зрения. Тогда я начал задумываться о создании коллекции аномальных трофеев.

В Европе природные аномалии с давних времен интересовали не только охотников и натуралистов, но и художников, о чем можно судить по старинным картинам и гравюрам. Не одну сотню лет назад странности природы составляли особую ценность старинных княжеских коллекций. В замке Морицбург, находящемся на территории бывшей ГДР, построенном еще в XVI столетии, кроме залов, отведенных для демонстрации охотничьих трофеев, есть зал, именуемый Монстрезезалом — зал Монстров. Главное украшение зала — коллекция уродливых рогов животных, которая собиралась в продолжение очень длительного времени. Каких только невероятных патологических изменений не производит неистощимая на выдумки природа, каких только монстров здесь нет! У одних рога длинные и острые, как штыки, у других — затейливо закрученные в невероятные спирали, у третьих они растут в виде громадных раковых опухолей на лбу или ветвистого куста, напоминающего гриб, — царские кудри. Особое внимание всегда привлекали рога, так называемый «66-конечник», которые по своему крайнему уродству и большому количеству отростков как нельзя лучше соответствовали тогдашним вкусам и модам барокко. Эти рога были предметом бесконечных пересудов далеко за пределами Саксонии.

Считаю вполне правильным подобную коллекцию показывать на выставках, давать публикации о ней. Помимо познавательного интереса, такая коллекция является нагляднейшей иллюстрацией явлений наследственности и изменчивости у диких животных, служит незаменимым наглядным пособием по селекционному отстрелу копытных в охотничьих хозяйствах.





Рога лося с огромным наростом добыл Н.И.Шурков, Республика Марий-Эл



Клык кабана 42 см! Добыл В.А.Колчин, Кировская обл.



Пеггий тетерев



Удивительно, но это рога северного оленя



Необыкновенная сорока (частичный альбинос). Ф.Ф. Федоров, Вологда



Необычный прикус волка. Я.Я. Колесников, Смоленская обл.



Копыто лося. Добыл С.К.Охотников, Кировская обл.



Коготь тигра в 2,5 оборота



Удивительная ондатра. Добыл А.М.Буров, Тульская область



# Охота на гусей

**В** последние годы охота на гусей приобретает все большую популярность. Если раньше специально за гусями ездили единицы, то теперь в некоторых местах между «гусятниками» уже и не протолкнуться. И это не где-нибудь на юге во время концентрированного пролета, а в наших самых что ни есть среднерусских местах. Мне рассказывали, что в прошлую весну в районе Кубенского озера сотни «гусятников», рассредоточившись поперек направления перелета гусей на кормежку и отдых, проводили залповым и одиночным огнем все гусиные стаи и стайки, стоило им появиться не то что на дистанции предельного выстрела, а только в поле зрения. И хотя с трофеями уезжают единицы, урон гусиному племени от таких «охотников», к сожалению, немалый. Ранения и контузии, полученные гусями при стрельбе «не в меру», хотя и не ведут, может быть, к немедленной гибели, но большинству из них закрывают путь к местам гнездовий, заставляя оставаться в несвойственных им угодьях, а такое прерывание естественного хода миграции, как правило, не оставляет шансов на выживание отдельной особи.

Охота на гусей должна проходить в условиях, которые гарантируют возможность нормального выстрела, а это значит, что к ее организации нужно подходить очень ответственно. Те советы, которые даны ниже, предназначены для охотников, делающих охоту для себя самостоятельно.

В нашей фауне преобладают три вида гусей — серый, гуменник и белолобый. Это крупные птицы, и под общим названием «гуси» мы будем подразумевать именно их.

Нужно сразу оговориться, что, имея для охоты только 2—3 дня, рассчитывать на успех в малознакомой местности вряд ли стоит. Потому что успеху в этой охоте должен всегда предшествовать хотя бы короткий, но обязательный период наблюдений за поведением, местами кормежки и отдыха, а также маршрутами перелетов гусиных стай.

Природа нашей страны очень многообразна, интенсивность пролета гусей и особенности их поведения в этот период напрямую зависят от климатических условий, ландшафта и других признаков конкретного региона. Естественно, что и подходы к организации охоты могут быть разными, хотя определенное сходство между ними, безусловно, будет.

Весенний пролет в европейской части России, как правило, более растянут по времени, чем осенний, но короткие сроки охоты не всегда позволяют попасть на его пик. Тем не менее наличие в районе предполагаемой охоты 3—4 задержавшихся стай дает возможность рассчитывать на успех. Осенью гуси реже останавливаются на долгий отдых, но все же останавливаются, и охотнику, попавшему в такое место, стоит постараться устроить себе интересную охоту.

Во время пролета место для длительного перерыва в пути гуси выбирают по трем основным признакам: достаточное количество полей, где осенью убирались зерновые или возшли озимые; обязательно наличие спокойного, труднодоступного для людей места для дневного и ночного отдыха и минимальное беспокойство во время кормежки и перелетов.

Начинать подготовку охоты надо с собственных наблюдений или опроса местных жителей, чтобы выяснить, на каких полях кормятся гуси. Когда поле или группа таких полей определены, обязательно пройти по ним и по наличию следов, помета, перьев выяснить наиболее посещаемые участки и именно в этих местах начинать охоту. В посещениях гусями полей есть одна особенность, которая облегчает внимательному охотнику определение места утренней кормежки стай. Если во второй половине дня ближе к закату вы заметили сидящих на поле птиц, нужно понаблюдать за ними до отлета на ночной отдых, и если их никто не спугнул, а покинули они поле «естественным» образом, то очень много шансов, что эта стая завтра утром продолжит кормежку именно на этом месте. Зна-

чит, там и делать засидку.

Обычно первое, что приходит в голову начинающему охотнику, это закопаться в землю прямо на гусиной присаде. Такие скрадки делают в виде окопчика, вернее, стрелковой ячейки. Не стоит закапываться очень глубоко, надо, чтобы у присевшего охотника над поверхностью земли находилась только голова. Естественно, что сама ячейка, человек в ней и оружие должны быть замаскированы от гусей, которые с безопасной высоты очень внимательно осматривают место своей посадки. Охотнику в окопчике нужно смотреть в ту сторону, откуда он ждет захода гусей на посадку. Не нужно забывать, что эти тяжелые птицы всегда заходят против ветра. Такой капитальный скрадок очень удобен, но у него есть целый ряд существенных недостатков. Прежде всего, это довольно большой объем земляных работ. Полдела — выкопать яму и сделать сиденье, нужно еще куда-то убрать и замаскировать землю из скрадка, а по окончании охоты засыпать выкопанное, чтобы не создавать сложностей сельхозмашинам при работе на полях; кроме того, первое выбранное для охоты место может оказаться не самым лучшим и возникнет необходимость переноса засидки, а это значит снова копать.

Гуси — птицы очень осторожные и хорошо запоминают особенности и приметы того места, где они селились, поэтому любой новый скрадок, хоть немного выделяющийся на местности, совершенно непригоден, они облетят его вне выстрела, а о присаде не может быть и речи. Иногда это относится к весенней охоте, охотник попадает на такие поля, где с осени практиковалась охота на тетеревов с чучелами, после которой остаются низенькие шалашики. Они, как правило, мало выделяются на местности и по цвету вписываются в общий фон. Гуси на них не обращают внимания, и если этот шалаш находится близко от места гусиной присады, им вполне можно воспользоваться. И осенью, и весной после уборки на полях остаются необрунные копешки соломы, их тоже можно использовать



для устройства скрадка, но при этом стараться не менять общий вид этого участка поля.

Можно совсем обойтись без сооружения специального скрадка. Уже довольно много лет я, охотясь на гусей на полях, не устраиваю стационарных засидок, а поступаю следующим образом. Выяснив место кормежки гусей по следам или понаблюдав за ними, ишу относительно глубокую борозду, какую-нибудь неровность на поверхности поля или участок с незаметным загущенным травостоем и устраиваю себе лежачее место. Под себя подстилаю туристический непромокаемый коврик, потому что весной и осенью земля часто бывает сырой и холодной. Лучше, если он будет защитного цвета. Сверху накрываюсь или маскировочной сеткой (размер желателен не менее 1,5Х2,0 м), или куском ткани, тоже защитного цвета, это может быть брезент или синтетика, все равно. Под защитной окраской подразумевается такая, которая гармонирует с цветом, окружающим охотника на поле, а не просто любая камуфляжная. Одежда самого охотника должна быть однотонной и не выделяться на общем фоне, что тоже очень важно. Бывают случаи, когда охотнику после выстрела по гусям необходимо вылезти из-под маскирующей его ткани или за добычей, или дострелить подранка, или еще за чем-нибудь и отойти от своего укрытия довольно далеко. Нередко как раз в это время приближается другая стая. Бежать в укрытие не имеет смысла — заметят! Вот тут-то и пригодится одежда защитного цвета. Нужно быстро лечь головой в сторону приближающихся птиц, лучше в борозду или хотя бы в маленькое углубление, чтобы не выделяться на поле, и ждать их подлета. У гусей великолепное зрение, и даже небольшое движение они засекают с расстояния 500—600 метров, поэтому лежать нужно совершенно неподвижно. Все, о чем сейчас идет речь, полностью относится и к поведению охотника в скрадке. За приближающейся стаей необходимо следить, хотя делать это не очень просто. Пока птицы еще далеко, далее 200 м, можно смотреть слегка приподняв голову, но по мере их приближения нужно ее опускать, потому что светлое лицо иногда хорошо выделяется на относительно темном фоне, и продолжать наблюдение уже как бы исподлобья. Сразу следует сказать, что головной убор охотника должен быть без козырька, так как он очень мешает наблюдению. Если решено стрелять влет, а не ждать посадки гусей, то напускать налетающих надо как можно ближе и подниматься для выстрела, когда они почти над головой или на линии охотника, если птицы справа или слева.

Даже когда все продумано и охотник выбрал участок на поле, постоянно посещаемый гусями, есть вероятность того, что они не сядут на расстоянии верного выстрела, а выберут для посадки место чуть в стороне, но это

«чуть», пусть оно составляет всего 50—70 м, уже исключает возможность результативной стрельбы. Значит, встает вопрос о приманивании гусей именно к нужному месту. Для этого существуют два основных приема — применение профилей или чучел и манок. Начнем со второго. Использование на охоте только одного манка не всегда дает положительный результат. Как уже говорилось, гуси птицы очень осторожные и, доверяя своему слуху, все-таки стараются подтвердить информацию зрением. Они снижаются и внимательно осматривают место, откуда раздается голос их собратьев, и, ничего не обнаружив, я имею в виду собратьев, неохотно идут на посадку, поэтому при охоте с манком чаще возникает возможность выстрела влет.

Профиля и чучела привлекают гусей очень активно. Они хорошо знают и различают силуэты себе подобных, и охота с применением профилей и чучел заметно добычливее и эмоциональнее просто охоты из засидки на месте кормежки. Что такое чучела гусей, представляют себе все. Чаще всего это надувные, сделанные из разных материалов, раскрашенные, достаточно точные подражания настоящим птицам. Размеры по сравнению с дикими обычно один к одному, или чучела делают несколько крупнее. Профиля имеют размер близкий к среднему размеру гусей, но не объемные, а плоские. Их делают из прессованной бумаги, картона, оргалита, фанеры и других материалов и придают им разные позы: гуси кормящиеся, сторожевые, спокойно стоящие и пр. Можно профили не раскрашивать совсем, но лучше все-таки покрасить хотя бы отдельные наиболее ярко окрашенные части, как у настоящих птиц, например клювы и подхвостья. Сделанные из бумаги и

картона профили недолговечны, они размокают под дождем и ломаются ветром. Более практичны профили из оргалита толщиной около 5 мм. Он легко режется, не боится воды и достаточно прочен, чтобы противостоять ветру. Из фанеры профили хороши, но их изготовление довольно трудоемко. Устанавливать профили не сложно. По их числу заготавливают колышки длиной около 20 см, один конец которых заострен, чтобы втыкаться в землю, а другой расщеплен, и в эту щель вставляется профиль. Охотничий опыт подсказывает, что нужно иметь не менее 10 профилей на одно место. Расставлять их желательно так, чтобы часть леб-птицы была видна с любой стороны. Для этого профили располагаются перпендикулярно друг другу на расстоянии 1,5—2,0 м один от другого. С чучелами проще, они объемные. Расставлять их можно как угодно, на том же расстоянии друг от друга, но если погода ветреная, то лучше сориентировать их на ветер.

Особое внимание стоит обратить на расположение профилей или чучел относительно засидки. Нужно рассчитать так, чтобы они находились между охотником и идущими на посадку или низ-



кий облет гусями. Если утро ветреное или, по крайней мере, ветер заметен, то определить, откуда будут заходить гуси, нетрудно. Осматривают место посадки или идут на посадку они медленно, а значит, только против ветра. Участок поля перед профилями очень внимательно исследуется гусями, и ошибка в маскировке, если охотник находится там, может спугнуть их. Затем внимание птиц переключается на профили, а территория за ними, где находился скрадок, их практически не интересует, поэтому они спокойно налетают на выстрел или присаживаются к профилям.

Бытует мнение, что на гусей можно охотиться только утром. Действительно, после ночевки гуси вылетают на поля с рассветом, и в это время нужно быть уже в засидке. Если есть нормальная маскировка и можно быстро из положения «стоя» или «сидя» принять положение «лежа» с маскировкой, то ожидать гусей лучше с биноклем сидя или даже стоя. Человек с нормальным зрением видит цепочку гусей при хорошей погоде километра за 3. Увидев птиц, не нужно опрометью бросаться под маскировку, есть достаточно времени, чтобы сориентироваться: летят ли они в вашу сторону или мимо. Если стоя держит направление к вам, то, не напуская птиц ближе километра, нужно быстро занять место в скрадке, замаскироваться и продолжать наблюдение. Охота на полях может длиться весь день, особенно если гусей в этом районе много. Утром они обычно кормятся часа 2—3, затем улетают на водопой и отдых, потом опять летят на кормежку. В течение дня бывает до пяти вылетов на поля. Причем на одном поле могут поочередно или вместе кормиться и подлетать разные стаи. Задача профилей и чучел — заставить гусей повернуть к засидке.

Обычным местом кормежки гусей служат поля со сжатыми зерновыми, и охотники прежде всего обращают внимание на них, но не менее привлекательны всходы озимых и молодая весенняя травка на пастбищах и лугах.

Кодежды охотники на гусей предъявляют особые требования. Она должна быть достаточно теплой, потому что и весна, и осень далеко не всегда балуют охотника хорошей погодой, и в то же время удобной, не стесняющей движений при быстром подъеме из лежачего положения и вскидывании ружья. В холодную погоду следует отдать предпочтение куртке из серого сукна, а в относительно теплую ее может заменить более легкая куртка блеклых серо-зеленых тонов. Лучше, если обувь тоже не будет выделяться на общем фоне. Шапка без козырька непродуваемая обязательно защитного цвета.

Бытует уже устоявшееся мнение, что гусь очень крепок на рану. Как у вся-

кой водоплавающей птицы, у него плотный пух и крошечное перо, особенно на груди и животе, а также очень мощные маховые крылья, как и положено отличному летуну-стайеру. Но тем не менее, основываясь на довольно большом опыте собственных охот и рассказах людей, проводивших всю свою жизнь в «гусиных краях» (в Казахстане, на Каспии, на Севере), смею утверждать, что для крупного гуся — серого или гуменника выстрел дробью № 1 с сорока метров нормально снаряженным патроном при попадании по корпусу четырех дробин практически всегда оставляет птицу на месте. Я не беру случаи, когда попадают 1—2 дробины, потому что тогда гусь уходит не от крепости на рану, а от плохого выстрела. Самая распространённая ошибка охотника — это неправильное определение дистанции. Из-за своих размеров гусь всегда кажется ближе, чем есть на самом деле. Однажды весной, в преддверии весенней охоты, в ожидании поезда на Москву я гулял по небольшому северному городу и завернул к главному Собору. На недавно отреставрированной колокольне повешена доска, которая сообщает о времени постройки и высоте этой колокольни — 87,9 м. Я поднял голову, и крест наверху не показался мне очень далеким. И вдруг пришла в голову мысль, что по гусям, летящим на такой высоте, будут стрелять большинство охотников, и не по злему умыслу или расхлябанности, а в полной уверенности, что это не 90, а не более 60 м. Определение дистанции в воздухе сложнее, чем на земле, и гораздо чаще бывает с ошибкой, поэтому нужно быть более внимательным и стараться перепроверить себя. Стрельба «не в меру» и порождает слухи о необыкновенной крепости гусей на рану.

Снаряжать патроны для этой охоты нужно дробью № 2, 1, 0. И если не стрелять далее 45 м, то убойности их будет вполне достаточной. Калибр оружия может быть любым от 10 до 20-го. Наиболее ходовые, конечно, 12 и 16, но можно хорошо поохотиться и с двадцаткой. Я обычно охочусь с 12 калибром, но как-то раз обстоятельства сложились так, что пришлось воспользоваться ружьем МЦ-20-10, и разочароваться не пришлось. У меня было всего 5 патронов, снаряженных дробью 0, и за утро удалось взять трех гусей — гуменника и двух белолобых. Был один подранок, но его удалось добрать. Конечно, пришлось стрелять, постоянно контролируя дистанцию. Ведь в патроне двадцатого калибра дроби почти на 10 г меньше, чем в двенадцатом, но результат был вполне удовлетворительным.

А. БЛЮМ

Рисунки Б. Игнатьева

# Моя гонимая

П. ЛЕОНОВ

Еще находясь на фронте, мечтал: как только приеду домой, обязательно куплю гончую собаку... Вернувшись домой, заехал к руководителю отдела собаководства Московского общества охотников В. И. Смирнову. Владимир Иванович много лестных слов сказал о собаках А. И. Федотова. Поехал по указанному адресу и увидел двухлетнего, отличного по экстерьеру, багряного выжлеца по кличке Бушуй.

Два сезона «охотился» я с этим красавцем, но он не проявлял никакого рвения в работе: полза короткий, вялый; бегая рысью, часто переходил на шаг. Однажды случайно наткнулся на зайца, писклявым голосом отогнал его и через 7 минут вернулся. Он ни одного раза не преследовал зайца более 8—12 минут. Пришлось с ним расстаться.

Купил с полевой пробой русского полевого выжлеца по кличке Казбек. Меня он устраивал. Отвечал всем рабочим качествам. Решил сравнить с работой других гончих собак. Выставил его на Московскую испытательную станцию. Экспертную комиссию возглавляли эксперт-кинолог Республиканской категории Б. Н. Арманд и эксперт 1-й категории Ф. И. Кусков. День был жаркий, солнечный, росы не было, тропа была сухая. Работу Казбека оценили в 59 баллов. Голос: 5-1-3. Меня это удовлетворяло.

В осенний тихий день 1969 г. услышал приближающуюся ко мне захватывающую музыку гона собак, преследующих зверя. Чем ближе приближался гон, тем ярче, выразительнее выделялись голоса. Через широкую лесную просеку пробежал заяц, следом за ним появилась багряная собака. Голос так менялся по силе интонации, что вначале я решил, будто гоняют две или три гончих. В действительности это был один Рыдай охотничий (ВРКОС 3106 Д. С. Молодчикова). Это он так азартно, старательно выводил мелодии, «пел» за двоих. Я стоял как замороженный, позабыв все на свете. Через 8 минут гон пошел на удаление и сошел со слуха. Собак с таким музыкальным, ярким, donoсчивым голосом я никогда не встречал. Позже узнал, что на Ленинградских межобластных состязаниях за непревзойденный превосходный голос владелец Рыдая получил награду — охотничий рог.

По рекомендации Дмитрия Степановича я поехал на дачу в поселок Никольское Московской области к Михаилу Александровичу Сергееву. Тогда-то мне и выпало счастье познакомиться с ним.

Моя мечта сбылась. М. А. Сергеев поставил меня на очередь. Наконец-то пришло долгожданное письмо. В апреле 1967 г. я приобрел желаемого щенка от Слевая (1629) и ч. Будишки (1631).



Назвали его Брызгало IV. Моей радости не было предела. Щенок рос не по дням, а по часам. С трех месяцев я брал его в лес. С каждым разом он все дальше отходил от меня и все дольше не появлялся. В конце сентября мы с женой собирали грибы, и, как всегда, с нами был щенок. Метрах в семидесяти услышали звонкий породный голос. Преследуя зверя, наш питомец стал удаляться и пошел на маленький круг. Через шесть минут гон прекратился, щенок вернулся к месту начала гона, повернулся возле жены и догнал меня.

С каждым выходом в лес почти всегда ему удавалось побудить зайца. Гон становился все уверенней, самостоятельней, продолжительней. Я подходил обычно в районе скола, и он продолжал поиск. На след перевиденного зайца никогда не ставил, давал возможность разобраться в скидках и двойках.

Из щенка вырос прекрасный мощный выжлец крепкого сухого типа конституции, высокопередый с широкой глубокой грудью, хорошо выраженной холкой, с сильными мускулистыми конечностями, с богатым шерстным покровом, густым подшерстком. Он подкупал звероватым видом и напоминал волка. Исключительно злобен был к красному зверю; обладал высокой работоспособностью, острым чутьем, мастерством, нестомчивостью. Бывало, охотился с ним по несколько дней подряд. Утром встанешь, — болят ноги, а он весело приветствует, помахивая гонем, радуется очередному выходу в лес. У него был глубокий, широкий, осмысленный полаз. Голос на доборе не давал. Каждый раз неожиданно, очень красиво, азартно, громким заревом начинал музыкальный гон. Брызгало IV (ВРКОС 2713) всего три раза выставлялся на полевые испытания. Получил три диплома II и два III степени. Три разные экспертные комиссии оценили голос в 9-3-4 балла.

Как известно, голос у гончей — свойство врожденное и развить его никакой нагонкой невозможно. Благодаря многолетней кропотливой работе, глубоким знаниям генетики, умелому подбору пар для вязки, выбраковки щенков и взрослых собак М. Сергееву удалось улучшить все рабочие качества русских гончих.

Клички гончих собак — охотничьих М. А. Сергеева начинались с буквы Б: Будишка, Бандура, Брызга, Багрянка, Бренчалка и другие.

Брызгало IV лишь дважды использовался как производитель, и притом с одной и той же выжловкой Брызгой (4293). От этой пары было десять щенков: Багрянка II (П. Леонова), Брызгало VI (П. Г. Петраченкова), Брызга и Баян VIII (И. Е. Безрукова), Баян VIII и Баян IX (И. Г. Коврига), Будило IV (Е. А. Ремизова), Затеяка (Н. В. Мурашова), Песня (А. И. Прохорова), Будишка (П. Г. Пряничникова).

Впоследствии все они получили дипломы разных степеней. Оценка за голос была не ниже 7-2-4. Большинство получили за голос 8-3-4 балла. Из это-



М. А. Сергеев (лежит) со своими гончими, позади в центре (сидит) П. Леонов

го десятка трудно выделить какую-то гончую, все они были прекрасными работниками. Багрянка II (П. Леонова) обладала острым чутьем, превосходным мастерством, доносчивым певучим голосом, менявшимся по мере приближения к зверю. Багрянка II на испытаниях была два раза и получила дипломы: один II и один — III степени. За музыкальность голоса она получила 8-3-4 и 8-3-5 баллов. Оценку за экстерьер «отлично». С такой гончей в редком случае я возвращался без трофеев.

Произошло непредвиденное. На охоте в равнинных полях на Орловщине Багрянка II увлеклась преследованием матерого волка и не вернулась. После Багрянки II осталась Багрянка III (ВРКОС 5198). По экстерьеру и рабочим качествам она не уступала предыдущей. Дважды выставлялась на испытания. Получила два диплома I и II степени, за голос 8-3-5 и 8-3-4.

Слушая захватывающий, издаваемый ею волшебный, музыкальный, фигурный голос, я забывал все на свете: все невзгоды и болезни. Вот одна из охот с ней: Багрянка III работала в осенний дождливый день, но я не смог подставиться под гон. Наступили сумерки, гон продолжался, совсем стемнело. На зов рога она не реагировала. Только на следующее утро гон прекратился после удачного выстрела. Однажды я провел на охоте с ней пять дней подряд.

Но печально кончился очередной выход на охоту. Как всегда, спокойно шел просеком. Багрянка III побудила зверя. Сделав небольшой круг, удалилась со слуха. Занял лаз, жду появления зайца и собаки. Ни через час, ни через два

собака не появилась. Не отозвалась и на зов рога. Я остался у костра на ночь, прислушивался к каждому шороху, вот-вот появится. Потом обошел окрестности, близлежащие деревни — безрезультатно. Не стало элитной четырехлетней гончей, будущего чемпиона.

Багрянка III успела оставить потомство, достойное своих родителей.

В память о своих гончих охотничьего питомника М. А. Сергеева не могу не вспомнить один эпизод. В августе 1974 г. в Салтыковском парке Московской области проходила выставка охотничьих собак. По просьбе председателя выставки, эксперта всесоюзной категории Б. Н. Арманда в финальной части выставки была продемонстрирована приездка русских гончих М. А. Сергеева.

Михаил Александрович отошел от судейского стола, достал из рюкзака охотничий рог. Раздался звонкие отрывистые мелодичные звуки. К удивлению зрителей, до этого мало кем замеченные, лежавшие в зарослях парка, как на подбор по росту и багряному окрасу четыре красавца появились возле хозяина. По команде — Лежать! — легли на траву, положив головы на вытянутые передние лапы, и зорко следя за удаляющимся хозяином, который спокойно, медленным шагом ушел за противоположные футбольные ворота, откуда раздался позывной звук охотничьего рога. В один миг собаки вскочили и стремглав удалились на позывные рога. Под бурные аплодисменты восторженных зрителей Михаил Александрович проследовал на станцию. Справа и слева от него чинно шагали его воспитанники.

# Курицхаар

## на охоте и дома

Г. ХРАМЦОВ,  
эксперт-кинолог  
Республиканской категории

Вообще-то я очень люблю охоту с гончими, но содержать их в городских условиях все-таки неудобно. Люблю и охоту с легавыми, и выбор свой давно уже остановил на курцхаарах. По силе эту курцхаар похож на гончую и при достаточном полевом досуге также силен и, можно сказать, нестомчив. Этим он несколько отличается от других легавых, недостатком которых, кроме пойнтера, на мой взгляд, является еще и их длинная шерсть, которая легко загрязняется, да и во время линьки не способствует домашней чистоте. Дратхаар, конечно, великолепен, но более громоздок и тоже обладает более длинной шерстью. Шерсть курцхаара короткая, жесткая, блестящая, плотно прилегает к телу. Это удобно дома, и после полевой работы за такой шерстью легче ухаживать, проще находить в ней клещей. К тому же курцхаар, мне кажется, отличается большей интеллигентностью. Что же относится к уму, то это качество скорее индивидуальное, а не породное.

Первого курцхаара я завел в 1967 году. Это был кобель по кличке Дельмар. Родился он в декабре, его отцом был знаменитый тогда Арко, а мать — Райда. Созвучие этих слов и букв и дало такую кличку. Прожил он всего четыре года: убежал по своим кобелиным делам и попал под машину. Но от него был помет, из которого я сразу взял щенка, его сына — Дель-Эргиза, который прожил у меня до пятнадцати с половиной лет и умер и похоронен на охоте. Натаскивал я Дель-Эргиза в Белоомуте, живя там вместе с известным кинологом — Иваном Александровичем Найденовым, у которого был черный пойнтер Туз. Я считаю, что это была лучшая собака всех времен и народов. Туз отличался дальним чутьем, великолепным, стремительным ходом, послушанием, каким-то, наверное, телепатическим контактом с ведущим, скульптурной стойкой. В общем, это был такой кобель, на которого следовало бы равняться всем легавым собакам. Можно сказать, и я, и Дель-Эргиз учились работать у И. А. Найденова и его пойнтера.

В результате Дель-Эргиз стал отличной легавой собакой. Дельмар был интеллигентнейшим псом, но обладал сравнительно небольшим чутьем. Дель-Эргиз превосшел его во всем: у него был широкий и быстрый поиск, дальше и верное чутье. Им не нужно было руководить, он понимал меня без свистка. На состязаниях легавых собак в 1973 году первое место завоевала ко-



Г. Г. Храмцов со своей собакой на привале

манда курцхааров. Дель-Эргиз оказался одним из лучших.

В течение трех-четырех лет после Дель-Эргиза я брал четырех курцхааров, но они оказались малоудачными, и я отдавал их другим менее требовательным владельцам. Ведь многие держат легавых собак или совсем без полевого досуга, или на охоте доверяются лишь их врожденным качествам. Это, конечно, неправильно. Натаскивать нужно даже самую талантливую собаку и необходимо выставлять ее на испытания и состязания. Там опытные кинологи дадут дельные советы, помогут исправить недостатки.

Моей третьей чрезвычайно удачной собакой стала Карделия-Зигма. В быходе, на дворе, в поле мы зовем ее просто Дели. Она — чемпион выставки «Москва-97», трижды была кандидатом в чемпионы. У нее 12 или 14 дипломов, полученных на испытаниях и состязаниях. Из них шесть дипломов II степени по дупелю, один диплом II степени по кровяному следу и еще один III степени — по кабану.

Здесь я должен сделать небольшое

отступление от своего рассказа. Да, континентальных легавых считают универсальными собаками. Потому и есть у моей Карделии-Зигмы дипломы по кровяному следу и по кабану, но все же это не их работа. Чтобы понять это, достаточно сравнить их работу с работой лаек. Лайки атакуют зверя уверливо, заходят и сбоку, и сзади, а курцхаары идут прямо в лоб. В результате Карделия-Зигма была трижды ранена кабаном. Все мои собаки умеренно гоняли зайца, и, хотя я не поощрял этого, случилось — они добирали подранков, и опять-таки скажу — это не их работа, а, разумеется, работа гончих.

В мае Карделии-Зигме исполнилось десять лет. Это замечательная, мягкая по характеру собака с отличным чутьем и хорошим поиском. Причуяв птицу издалека, она идет к ней и оглядывается на меня, чтобы понять, с какой стороны поднять дичь. Если я отстаю, она подождет. Работает она, как балерина, «на коготках»: причуяв птицу, поднимает лапку, медленно продвигает ее по горизонтали, ставит, потом так же поднимает другую лапку, — любо-





дорого посмотреть на эти движения. Все происходит как в замедленной киносъемке.

Однажды на состязаниях с Карделией-Зигмой произошел случай, который и понимать и расценивать можно по-разному. Причужив птицу, она сделала правильную потяжку, прыжок и обалдело села: прямо из-под ее морды взлетел жаворонок. Смеялся В. В. Бедель, смеялся и я, но затем я снова подвел ее к тому же месту, и оказалось, что метрах в десяти за взлетевшим жаворонком сидел дупель, которого Дели сработала по всем правилам.

В целом же про курцхааров можно сказать, что они очень верны в работе и хорошо работают по перемещенной птице, которую, вероятно, считают своей. Привыкают они к этому еще во время натаски по перепелу, сидящему в клеточке. Верности в работе курцхааров способствует их уравновешенная нервная система.

У Карделии-Зигмы было три помета: в первом — девять, во втором — шесть и в третьем четыре щенка. В последних двух пометах все щенки стали классны-

ми собаками, получив соответствующие дипломы.

Не могу не сказать здесь еще и о том, что всех своих собак я приучаю к полю с их четырехмесячного возраста. Карделия-Зигма в этом возрасте нашла подраненного мною глухаря.

Если по выводкам боровой птицы собаке приходится работать в высокой траве или среди древесного молодняка, там, где хозяин может потерять ее из виду, рекомендую на шею собаки подвешивать колокольчик из металлической стреляной гильзы. Польза двойная: во-первых, когда колокольчик умолкает, можно надеяться на то, что легавая застыла в стойке. Во-вторых, запах стреляной гильзы может отпугнуть волка.

На охоту я с друзьями езжу в Белозерский район, в окрестности реки Андоги. Обычно нас четыре — шесть человек и три собаки. Кроме моей — спаниель и западносибирская лайка. Угодья там богатые, но запущенные. Пойма давно не выкашивается. Много молодой лесной поросли, и хотя спаниель работает очень хорошо, ей, конечно,

трудно. Охотимся мы там и на болотную, и на боровую дичь, и на уток. В последние годы в тех краях стало больше глухарей и тетеревов. Во время выезда ведем походный, бивуачный образ жизни, спим и, можно сказать, едим вместе с собаками, моем их, собираем с них клещей, которых проще вытаскивать через некоторое время после того, как капнешь на них, например, ружейным маслом. Мою Карделию однажды прямо в морду укусила гадюка. Морда сильно опухла. Пришлось собаку отпаивать теплым чаем, водкой с ложки, прогревать ее. Дня через два опухоль спала, и мы продолжали охоту.

В московской четырехкомнатной квартире нас шестеро: моя мама, жена и трое взрослых детей. Дома собака лучше всего относится к хозяйке, к кормилице, но дружна одинаково со всеми. Собаки мои росли вместе с детьми и, наверное, считали детей равными себе. К чужим курцхаары относятся недоверчиво и при необходимости могут быть отличными сторожами.

Фото автора



## ОПТИКА



## ОПТИКА

В. ТИХОМИРОВ

Есть расхожее мнение, что оптический прицел полезен только на дальноточном, то есть нарезном оружии. Именно на таком оружии они поначалу и устанавливались. Но свойства оптических прицелов позволяют рекомендовать устанавливать их и на дробовые ружья.

На первый взгляд может показаться, что оптические прицелы обладают только одним полезным свойством — приближать предмет, как бы увеличивать его. Это действительно очень важная характеристика. Она обычно присутствует и в названии прицела. Ее называют «кратностью увеличения» или просто «увеличением». Однако полезность оптического прицела далеко не исчерпывается только этим свойством.

Важнее, что оптика избавляет стрелка от необходимости фокусировки глаза на трех предметах, находящихся на различном удалении от него: прорези, мушка и цели. Чтобы четко их видеть, глазу необходимо довольно быстро перестраиваться с одного расстояния на другое. Эта перенастройка осуществляется за счет изменения формы глазного яблока. С возрастом скорость этого процесса снижается. У некоторых людей она недостаточна и смолоду. Это затрудняет точную стрельбу при использовании открытого прицела. Оптический же прицел эту проблему полностью берет на себя, собирая на одну плоскость и изображение цели, и визирное устройство.

Чтобы лучше понять, как это получается, давайте рассмотрим, как принципиально устроены эти замечательные приборы. Оптический прицел — это труба с прямым ходом лучей, в которой последовательно со стороны поля находятся объектив, перекрестие, обращающая система линз и окуляр, обращенный к стрелку. Объектив прицела формирует уменьшенное обращенное (перевернутое) изображение цели в плоскости перекрестия, находящегося в оправе, которая может пе-

ремещаться с помощью двух градуированных барабанчиков горизонтально и вертикально в плоскости перпендикулярной оптической оси прицела. Один из этих барабанчиков позволяет задавать углы прицеливания, другой — боковые поправки. И так, в плоскости перекрестия есть изображение цели, но очень мелкое и вверх ногами. Обращающая система переносит изображение цели и перекрестия в фокальную плоскость окуляра, по дороге возвращая ноги цели на землю. Система линз окуляра образует прямое увеличенное изображение цели и перекрестия в плоскости, удаленной от окуляра на 5—10 см. Реальная величина этой «картинки» зависит от конструкции прицела и обычно составляет 5—7 мм. В технических данных прицелов она называется «диаметром выходного зрачка», а расстояние от окуляра, на котором резко видна картина прицеливания, называется «удалением выходного зрачка». Прицелы различаются и некоторыми дополнительными устройствами: регулировкой увеличения, регулировкой окуляра, учитывающей индивидуальные особенности зрения, противосолнечными блендами и светофильтрами, резиновыми наглазниками, надеваемыми на окуляр, и др. Кроме того, оптические элементы прицелов различаются характером поверхностных покрытий, назначение которых — уменьшить долю рассеянного и отраженного света.

Относительно новым в конструкции прицелов можно считать светящееся визирное устройство, хорошо выделяющееся на темном фоне дичи. При этом свет из прицела практически не выходит ни в сторону цели, ни в сторону выходного зрачка. Есть еще одна новинка. Это насадка на окуляр оптики, которая дополнительно увеличивает и цель и перекрестие, что позволяет детальнее рассмотреть цель. Перед выстрелом эта насадка снимается, чтобы не травмировать глаз.

Еще одно свойство оптики — усиление контраста делает ее совершенно

незаменимой при охоте в условиях недостаточной освещенности. Весенние охоты на тетеревиных и глухариних токах часто оказываются безрезультатными из-за этого. Вы подошли под песню к глухарю, чувствуете, что он где-то над вами, а где, на каком дереве, неясно. Солнце еще не поднялось, и кроны не просматриваются. Вот охотник и начинает всматриваться в кроны деревьев, пока петух в ударе. Кончается это всегда плохо — срывается птица, а значит, и охота. А вечерние выходы на овсы кабана и медведя, мышкующие в потемках лисы... Вероятность добыть такие трофеи будет гораздо выше, если у вас на ружье будет стоять оптика. Дело в том, что, как в любом бинокле или подзорной трубе, объектив, собрав свет всей своей площадью, концентрирует его на существенно меньшей площади выходного зрачка. При этом серые тона значительно светлеют, а то, что было черным, таким и остается. Это приводит к значительному повышению контраста. В результате почти невидимая глазу цель становится четко различимой. Чем больше диаметр объектива и увеличение, тем отчетливее видна цель при недостатке света. Диаметр объектива — вторая цифра в марке прицела. Свойство «оптики» — улучшать видимость при недостаточной освещенности — называется «сумеречным числом». Оно равно квадратному корню из произведения диаметра линз объектива на кратность увеличения.

Есть охоты, проходящие при полной освещенности, в которых оптика прекраснейшим помощником. Это охоты на рябчика и белку. Бывает, выводок рябчиков с пересвиством и шумом ткнется в еловую крону, и, хоть ломай глаза, ни одного не видно. Вот и белку высмотришь в бинокль, поднимаешь ружье и не можешь найти не только саму белку «микрорайон», где она была, не определишь. Если же у вас на ружье оптика, то совсем другое дело. Пожалуй, и без бинокля можно решить эти проблемы. Сам я, правда, бинокль ношу в тайге всегда.

При охоте на крупных животных с гладкоствольным оружием оптика, пожалуй, наиболее эффективна. Практически все охотничьи пули сохраняют убойную силу на 200, а то и больше метров. Уверен, что к любому гладкому стволу можно подобрать тип пули и навеску пороха, которые обеспечат кучность не хуже чем 12—15 см на стометровой дистанции. Однажды на Камчатке удалось попасть из ружья 12-го калибра с установленной оптикой в «летающего» быка северного оленя с расстояния более двухсот метров. При чем одна пуля напрочь отбила один рог у основания, а вторая насквозь прошила голову между ухом и глазом. Представляете, сколько ей пришлось проломить костей. А пуля-то была конст-



руктивно самой мягкой — просто турбинкой. Отсутствие прорези и большой размер мушки дробовых ружей не позволяют точно выбрать точку прицеливания. На двухсотметровой дистанции лось или олень просто «пасутся» на мушке.

А еще из гладкоствольного ружья можно стрелять до ста метров связанной картечью. Но на этой дистанции необходимо сантиметров на 30 поднять точку прицеливания. Оптика и здесь поможет аккуратно прицелиться.

Последнее свойство прицелов, которое должен знать каждый охотник, это возможность использовать их как оптический дальномер. Обычно в паспорте на прицел приводится угловая величина разрыва между горизонтальными линиями, иногда называемыми «выравнивающими». Например, в прицеле Загорского завода «ПО 4х34», как и во многих других, эта величина составляет 7 тысячных долей дистанции. Иными словами, на расстоянии 100 м в разрыве между нитями на местности будет укладываться отрезок в 70 см. Зная, хотя бы ориентировочно, реальный размер цели, по тому, как она укладывается в этот промежуток, можно быстро оценить дистанцию, что в некоторых случаях сделать «на глаз» невозможно. Самое сложное дело — определение расстояния до цели на открытой воде.

Не легче, лежа пластом на земле, в предрассветном сумраке определить расстояние до поющего тетерева. В этих ситуациях приходилось видеть ошибки почти невероятные.

Мне думается, что для гладкоствольного ружья и малокалиберного карабина не нужно приобретать прицел очень высокой кратности. Пожалуй, легонький четырехкратник будет самым подходящим. Дело в том, что по мере роста увеличения прицел не только утяжеляется, но и становится менее «обзористым», точнее, у него уменьшаются угол или поле зрения, которые можно оценить как максимальную длину отрезка прямой, видимого на местности обычно на расстоянии 100 м.

Приобретая в магазине оптику, нужно не ошибиться и не купить прицел, специально сконструированный для пневматического оружия. Дело в том, что в них визирные устройства очень грубые (имеют большую угловую ширину), поскольку с их помощью стреляют только на небольшие расстояния. Нет смысла и приобретать прицел с двумя «пеньками» (четырьмя регулируемыми барабанчиками). Они предназначены только для спортивной стрельбы по движущимся мишеням.

Итак, вы приобрели оптический прицел и решили установить его на оружие. Обычно установка оптики на нарезное оружие производится с помощью стандартных кронштейнов, конструкция которых должна удовлетворять основным требованиям: жесткость, на-

дежность крепежа, воспроизводимость положения при снятии и повторной установке. А вот отдельные хомуты и хомутики для гладкоствольного ружья, мне кажется, этими свойствами не обладают. Дело в том, что отдача при выстреле — довольно серьезное испытание как для самого прицела, так и для кронштейна.

Все известные конструкции кронштейнов предполагают крепление оптики над стволом (прицельной планкой), над линией открытого прицела с тем, чтобы в оптический прицел смотреть правым глазом. Такая установка прицела вызывает ряд существенных осложнений. Одно из главных — невозможность сделать выстрел экспромтом. Кронштейн и сам прицел почти полностью закрывают обзор над линией открытого прицела. У меня лет 15 назад в горах из-под ног усакала красавица лисица. Снимать два колпачка с оптики времени явно не было. Вот я и дергался, пытаюсь поймать ее в узкую щель между гровкой прицельной планки и корпусом оптики. Лисица исчезла без выстрела. А жалко до смерти.

При стрельбе из любых положений одной из точек фиксации оружия является верхний гребень лопы, к которому стрелок прижимается правой скулой. Чтобы прицелиться в оптику, приходится отрываться от гребня, приподнимая голову на 5—10 см. Это очень серьезно нарушает привычную изготовку и изменяет пристрелку. При «оторванной» от приклада скуле ружья высят. Более того, при движении головы и шеи вверх происходит изменение положения оружия. Цель может оказаться вне поля зрения прицела. Придется либо судорожно обшаривать прицелом окрестности, либо опускать оружие и искать цель биноклем. Бывает, что зверь неожиданно переместится и исчезнет из поля зрения. Такая проблема бывает даже на умеренных расстояниях.

И еще, традиционная установка прицела мешает быстрому заряджанию оружия. Ни мосинскую трехлинейную винтовку, ни симоновский карабин невозможно зарядить из обоймы, и приходится патроны закладывать поштучно. Даже на гладкоствольной переломке прицел, стоящий сверху, серьезно мешает быстрой перезарядке.

Все эти проблемы исчезают, если установить оптику вопреки традиции не над открытым прицелом, а слева от него на величину межзрачкового расстояния и примерно на два сантиметра выше. Это связано с тем, что при обычном прицеливании голова стрелка несколько наклоняется вправо. Оптимальный кронштейн должен выставлять оптическую ось прицела точно против левого зрачка, в то время как правый должен быть на линии открытого прицела. Технология прицеливания состоит в наведении оружия на

цель с помощью открытого прицела (при этом левый глаз может быть прикрыт), а затем, не изменяя положения ни оружия, ни головы, открыв левый глаз, с помощью оптики, лишь чуть скорректировав положение оружия.

Положение прицела слева параллельно стволам совершенно не мешает обзору поля. Мне неоднократно приходилось, не снимая прицела, стрелять и вальдшнепов, и уток из ИЖ-12, и бегущих животных из нарезного оружия с установленной оптикой, но пользуясь открытым прицелом. Один мой приятель, имеющий проблемы с правым глазом, с помощью такого прицела «вернулся» к стрельбе с правого плеча, чему был очень рад.

Мне представляется несложным индивидуальное конструирование и изготовление (например, из дюрала) кронштейна. Для сохранения баллистических качеств рекомендую крепить кронштейн за колодку ружья или затворную коробку.

Для того, чтобы кронштейн отвечал общим требованиям, необходимо минимизировать количество его деталей. В принципе кронштейн может быть единой деталью. Желательно, чтобы поверхность сопряжения кронштейна была максимальной. Необходимо конструктивно предусмотреть воспроизведение положения прицела при съемке и последующей установке. Думаю, что для промышленного производства будут очень удобны кронштейны, представляющие собой часть прокатного профиля постоянного сечения. Мне, кажется, удалось найти такие конструкции как для традиционной установки (над линией открытого прицела), так и для установки напротив левого глаза. Последняя схема успешно работает у меня более четверти века на оружии разных систем.

Итак, оптический прицел поможет вам определить расстояние до цели, увидеть ее увеличенной даже в условиях недостаточной освещенности, точно выбрать точку прицеливания. Все это необходимо, но недостаточно для успешного выполнения трудных выстрелов, главное в которых — ваша стрелковая квалификация. Ее недостатки оптический прицел компенсировать не может.

Осталось только добавить, установка оптического прицела на оружие требует от охотника существенно большей аккуратности и внимания при обращении с ним как в транспорте, так и на охоте. Оптический прицел — сложный и тонкий прибор как в оптической, так и в механической части.

# Знаменитые ружья



## «Эспри»

Ю. МАСЛОВ

Перечень небожителей английского оружейного Олимпа невелик. Это по-прежнему «Джеймс Пёрде и сыновья», «Голланд и Голланд», «Вестли Ричардс и К°», «Джон Диксон и сын», «Вильям Пауэлл и сын», «Томас Босс и К°». Одиннадцать лет назад на британском оружейном небосклоне засияло новое яркое светило — компания Asprey.

Британская школа — это прежде всего дорогие и сверхдорогие охотничьи ружья, производимые с максимальным использованием ручного труда. Фирма «Эспри» — не исключение.

В 1990 г. в компанию были приглашены мастера-оружейники: специалисты по спайке стволов, два мастера по изготовлению ударно-спусковых механизмов, два сборщика и гравер. Профессионалы высшей квалификации — все учились и стажировались в Лондоне. Уже через полгода было готово первое ружье. Затем последовала целая серия двустволок высшего класса, вызвавшая большой интерес у знатоков и

ценителей оружейного искусства. Стало ясно, что на сияющем небосклоне английского оружейного производства возшла новая звезда. Однако в элитарном бизнесе «Эспри» — отнюдь не новичок.

Фирма была основана в далеком 1781 г. в городке Митчем Вильямом Эспри — ремесленником, мастером по металлу, очень гордившимся своим гугенотским происхождением. Компания специализировалась на изготовлении шикарных дамских несессеров с различными изящными аксессуарами: пудреницами, маникюрными ножницами и т. д. Все делалось из благородных металлов, хрусталя и шеффилдской стали, декорировалось благородной экзотической древесиной.

Семейное предприятие процветало. В 1861 г. тогдашний глава фирмы получил почетную грамоту из рук королевы Виктории. С тех пор семью Эспри одаривали своим вниманием монархи и первые лица многих государств.

В XX веке центральный магазин фирмы на лондонской Нью-Бонд стрит пополнился отделами, торгующими ювелирными украшениями, дорогими часами, изделиями из серебра, кожи, фарфора. И вот теперь добавилось роскошное оружие. В Оружейный зал компании лондонцы приходят как в музей. Здесь действительно есть чем любоваться. Где и как создаются эти шедевры?

Оружейное направление в фирме возглавляет Эдвард Эспри, двоюродный брат нынешнего председателя компании Джона Эспри. Сама мастерская — просторная, хорошо освещенная дневным светом комната. Естественное освещение очень важно для восприятия всей цветовой гаммы при окончательных операциях отделки и гравировки ружей. Изготовление некоторых деталей, спайка стволов, отладка и отделка механизмов, сборка готовых изделий производятся в основном вручную. Хотя в мастерской имеется оборудование, позволяющее изготавливать детали очень сложной конфигурации. А об оружейниках, работающих здесь, уже говорилось.

Фирма выпускает классические двустволки с горизонтальной комбинацией гладких либо нарезных стволов (в последнем случае ружье называют двуствольным штуцером) и магазинные карабины с поворотными продольно-скользящими затворами легендарных систем Пауля Маузера и Фердинанда Маннлихера.

Британские горизонталки всегда славились своей надежностью и долговечностью. Им не страшны любые климатические условия. В тропических джунглях, например, рядовое ружье машинной выработки вряд ли выдержит неделю охоты: каналы стволов быстро покроются слоем ржавчины, а механизмы могут выйти из строя. Ружьям «Эспри» это не грозит.

Главное в двуствольных ружьях — безотказный ударно-спусковой механизм. В самом деле, ружье может быть чуть хуже или чуть лучше — охоту это не испортит. Ложа не вполне прикладистая? Не беда — к этому можно быстро привыкнуть, в крайнем случае — подогнать к своему телосложению. А вот если ружья будут давать осечки, да к тому же не по вине патронов — какая тут охота? В ружьях высокого класса осечки совершенно исключены.

Оружейники «Эспри» применяют в своих двустволках (гладкостволках и штуцерах) обратные замки на боковых досках. Длительное использование на охоте и стенде замков этого типа выявило у них определенные преимущества перед традиционными ударными механизмами системы Голланд с V-образной пружиной, лежащей впереди курка. Дело в том, что обратные замки не ослабляют колодку в ее опас-



ном сечении (под казенным обрезом стволов) и позволяют соответственно применять более мощные патроны. Кроме того, несколько увеличивается полезная площадь для гравирования. В остальном бескурковки «Эспри» ничем не отличаются от шедевров лондонских патриархов — ружей компании «Голланд и Голланд» и «Джеймс Пёрде и сыновья».

Самые высокочастотные гладкоствольные «Пёрде» стоят около 30 тысяч фунтов стерлингов, «Голланда» — около 37 тысяч. На изготовление одного ружья у них уходит от полутора до двух лет. Цена лучших гладкостволок «Эспри» — около 31 тысячи фунтов стерлингов, а заказ выполняется примерно на полгода быстрее. И хотя мастера фирмы «Эспри» наверняка обратят внимание клиента на этот нюанс, главное отличие ружей перечисленных компаний не в качестве, а в эстетике.

Заказы поступают главным образом из США и стран Ближнего Востока. Для американского рынка ружья инкрустируются золотом, что в Европе считается признаком дурного вкуса вообще, а на британских изделиях — в особенности. Но клиент, как известно, всегда прав...

Двуствольные штуцера стоят примерно в полтора раза дороже гладкостволок: соединить пару нарезных стволов — очень сложная задача. Главная трудность — регулировка схождения осей каналов стволов в одну точку на конкретной дистанции, заранее оговоренной заказчиком. Каждая пара стволов требует индивидуального подхода, и результат тут достигается не расчетами, а лишь в процессе длитель-

ного отстрела. Нередко ствольная пара перепаивается по нескольку раз. Бывает, что стволы бракуются и всю работу приходится начинать снова. Зато двуствольные штуцера и ценятся профессиональными охотниками выше всех остальных типов нарезного оружия.

Ежегодно из стен мастерской «Эспри» выходит до 20 гладкоствольных и нарезных ружей. Нечего и говорить, что в производстве используются материалы только высшего качества, отнюдь не дешевые. Ложи, например, делают из турецкого корневого ореха, то есть древесины той части ствола, которая находится под землей. Дерево не спиливают, а осторожно выкапывают. Ложи из корневого ореха прочны и очень красивы. Изысканная текстура древесины искусно подчеркивается — благодаря пропитке специальными составами и продолжительной ручной шлифовке.

Важнейшее условие молниеносной стрельбы по движущейся цели — прикладистость двустволки. Покупая ружье в магазине или с рук, так сказать, с «чужого плеча», надеяться на то, что оружие окажется идеально соответствующим вашему телосложению, не приходится. Другое дело — индивидуальный заказ. Британские мастера по праву считаются непревзойденными специалистами по подгонке ружей. Процесс этот тоже очень трудоемкий, требующий многочисленных проб и перестрелок.

Ложи своих ружей мастера «Эспри» подгоняют безукоризненно. Причем изготавливается только классический тип — английская ложа — самая удоб-

ная и элегантная, позволяющая с особой легкостью и быстротой перенести указательный палец руки с переднего спускового крючка на задний. Это очень важно при стрельбе дуплетами на стенде или на охоте. Особенно если цель появляется в зоне досягаемости дробового снопа на очень короткое время — на считанные секунды.

Для охотника его любимое ружье — нечто большее, чем просто инструмент охоты. Охотничье ружье — это предмет эстетического наслаждения. Наслаждения четкостью функционирования механизмов, изяществом форм, легкостью вскидки, отменным качеством боя. Но с плохими боеприпасами и самое лучшее в мире ружье покажет худший бой, нежели первое попавшееся из ширпотреба, заряженное отличными патронами.

Именно поэтому ведущие английские компании, выпускающие гладкоствольные ружья, делают для них и свои, фирменные патроны. Заказчикам ружей «Эспри» предлагаются также шикарные кожаные патронташи, подсумки и ящики для патронов. Кроме того, фирма выпускает высококачественную охотничью и спортивную одежду традиционного дизайна. В общем, полная экипировка.

Сегодня взоры британских производителей элитного оружия обращены главным образом на зарубежный рынок. Расширение торговых отношений с Россией открывает перед компанией «Эспри» весьма заманчивые перспективы. И вероятно, настоящее знакомство наших охотников с молодой лондонской фирмой еще впереди.

## **Для Вас! Охотники! Рыболовы! Туристы!**

### **Закрытое Акционерное Общество «ИРБИС XXI век»**

*Предлагает широкий выбор товаров, боеприпасов и оружия со складов в Москве, Барнауле и Серпухове по оптовым ценам*

*Оплата товара: наличный, безналичный расчет и взаимозачет*

*Отгрузка товара: багажом, ж/д контейнером, авиатранспортом и самовывоз*

*Приглашаем к сотрудничеству отечественных и зарубежных производителей*

**В Москве: ЗАО «ИРБИС XXI век» 129090, г. Москва, ул. Щепкина, д. 22, подъезд 2**

**м. «Проспект Мира», м. «Сухаревская»**

**Тел. (095) 284-32-88, тел/факс (095) 284-01-44, местный тел. 2-44**

**В Барнауле: ООО «ИРБИС-АЛТАЙ»**

**656002, г. Барнаул, ул. Воровского, д. 161, тел. (3852) 38-10-99**

**В Серпухове: ЗАО «Даурия» 142200 Моск. обл., ул. 1-я Московская, д. 9,**

**Магазин «Охотничьи просторы»**

**Тел/факс (096-27) 72-56-82**

Она родилась 14 октября 1984 года вместе с четырьмя ее братцами и сестрицами. Это был первый помет ее матери Найги, ошенившейся на третьем году жизни. Ее отцом, которого она, как большинство собак, никогда не видела, был палевый с белыми отметинами Миг, а дедом по материнской линии — серый Волчок, давший целую ветвь потомков в племени западно-сибирских лаек.

Ровно через месяц все пятеро лайчат были доставлены в Общество кровного охотничьего собаководства, где они были придирчиво осмотрены корифеями секции лаек и предложены будущим владельцам.

Я уже писал о том, как состоялось наше знакомство и почему была выбрана именно эта совершенно белая, без единого пятнышка, сучонка, отличавшаяся от своих неповоротливых, упитанных увальней-одногнззников не только окрасом, но и необыкновенным любопытством и предпримчивостью, и как по сходству с белым медвежонком она была наречена Умкой\*.

С того памятного дня она надолго стала членом нашей семьи. Она разделяла нашу жизнь и была непременной участницей всех поездок, многие из которых предпринимались ради нее.

Ко времени приобретения Умки я был бесповоротно убежден, что настоящая охота — исключая, разумеется, весеннюю, — может быть только с собакой, и не вообще с собакой, а именно со своей, которую сам вырастил и поставил на работу. Убеждение это родилось давно, еще в мальчишеские годы, когда я начинал охотиться и какое-то время обходился без собаки. Старательно разбирая следы, вытапывая зайца, отыскивая затаившуюся утку-подранка, я был вынужден в какой-то мере сам быть «собакой» и понял, чего мне не достает. Первой моей собакой была гончая, которая, несмотря на сомнительное происхождение, в результате настойчивой нагонки стала работать и показала, что охота со своей собакой — это совсем не то, что унылый «самотоп».

Я присматривался к подраставшей лаечке, подмечал ее наклонности и старался, сколько возможно, повлиять на нее так, чтобы она была послушна, понимала, чего от нее хотят, и была готова к сотрудничеству на охоте. Меня переполняли надежды: все предки моей лайки имели дипломы разных степеней, подтверждавшие работу по зверю и птице, и получали только отличные оценки экстерьерера. Известно, случаются выродки, «в семье не без урода», — но Умка пошла не из рода, а в род: она была энергична, подвижна, сметлива и очень наблюдательна, подмечала малейшие изменения в привыч-

# Уход



## Документальный очерк

ной обстановке. Все это лишь подкрепило мои надежды.

Говорят, что собака со временем приобретает черты характера своего хозяина. С этим можно согласиться лишь отчасти, потому что у каждой из них есть свой нрав и двух одинаковых собак не бывает. До Умки у меня был черно-пегий Пыж. Он тоже был западно-сибирской лайкой — но как разительно отличались они по темпераменту! В отличие от рассудительно-сдержанного, мудрого Пыжа Умка росла веселой, бесечно открытой в выражении своих чувств. Тяжело переживавший наказание, долго хранивший обиду самолюбивый Пыж во избежание нахлобучки больше провинности не допускал. Умка же, получив наказание или выговор за какой-нибудь свой проступок, скоро забывала об этом и как ни в чем не бывало, прощая обиду, заигрывала с хозяевами. Белая, чистенькая, женственная по облику, Умка обладала типично «женским» характером, была игрива, любила пококетничать с кобелями, не разрешая им, однако, переступать границы игры и безобидного флирта. Она была разборчива в своих симпатиях и знакомствах, избегала собак далеких от нее пород — боксеров, доберманов, немецких овчарок, не говоря о бультерьерах и стаффордх, всячески сторонилась их, а когда кобели проявляли интерес и сошались к ней — по-бабьи ойкала и отскакивала на безопасное расстояние. Собак, которых Умка выделяла своим расположением, она вызывала на игру: припадала на передние лапы, подтыкала носом, закидывала на холку лапу, тормошила, но расшевелить их удавалось не всегда. Угрюмые по нраву, туповатые мужлань озадаченно косились на резвившуюся лайку, порой делали неуклюжие попытки поддержать игру, а больше, отбежав к дереву, без конца глуповато задирали ногу, демонстри-

руя свою принадлежность к мужскому полу. Умке это надоедало, и она разочарованно возвращалась к своим делам.

Биологи считают, что способность животных занять себя игрой говорит об их интеллекте. Умка умела находить на улице странные игрушки: ее излюбленными предметами игр были старые обглоданные, омытые дождями кости и — почему-то — рваные башмаки или калоши. Она подкидывала их, ловила, оберегала, когда я делал вид, что хочу отнять ее находку. Белая аккуратная лаечка, играющая каким-нибудь раздолбанным ботинком, — это выглядело комично и вызывало улыбки прохожих. Дома, кроме теннисного мяча, у нее было резиновое кольцо. Вспомнив о нем, она сама снимала его с дверной ручки и надевала мне на ногу, требуя, чтобы отнимал его. Но любимой игрой были прятки: я должен был спрятаться за деревом или отворенной дверью, а она, не зная будто, где я прячусь, притворно пугалась, когда я выскакивал из засады, фыркая по-кошачьи, — это приводило ее в восторг, она носилась кругами и налетала на меня.

Умка обожала гостей. Заметив, что накрывается стол, она задолго до их прихода дежурила у дверей и радовалась им так, что приходилось умерять ее радость, становившуюся обременительной для наших друзей. Иногда она принимала участие и в застольях, сидя в сторонке и наблюдая за гостями. У нас как-то сама собакой родилась шутка: когда кто-нибудь из гостей отмечал красоту лайки, я делал оговорку: «Всем хороша собака, только попка толстовата».

Эта фраза, произнесенная без нажима, обычным голосом, вызывала наигранное возмущение Умки, она лаяла и была довольна тем, как реагировали на шутку расхохотавшиеся гости. Собака, конечно, не догадывалась о значении слов, но ее возмущение было понятным — упрек был несправедлив, экстерьер у нее был отличным. Классическими для западно-сибирской лайки были у нее пропорции головы, что не раз отмечалось на выставках экспертами-многологами, относившимися к этому особенно строго.

Я никогда не гонялся за количеством медалей, но выводить Умку на выставку было нужно, хотя бы ради ее будущего потомства, и владельцы собак поймут мою затаенную гордость, когда нас постепенно передвигали в начало вереницы лаек, вместе с хозяевами круживших на ринге, и в конце концов оценивали Умку «золотом».

Живая и веселая, очень добрая к людям и собакам, остро реагировавшая на окружающее, Умка скрашивала наши городские будни. С ней было интересно.

Но главным в жизни охотничьей собаки является, конечно же, охота. Как будет работать Умка, оправдаются ли мои надежды?

Ей не было года, когда мы приехали в ставшее для меня родным Заонежье.

\* Рассказ «Два-У-два» (Охота и охотничье хозяйство. 1989. № 10).



Для нее здесь все было впервые: настоящая дикая, со скалистыми сельгами и мшистыми урочищами северная тайга, не похожая на подмосковный лес, загнанная на склонившуюся ель норка, от которой с трудом удалось ее отозвать, ударивший в чутье умопомрачительный запах горячего рябца, ощущение его рыхлых перьев во рту, первый налаянный глухарь... Это была ее родная стихия, здесь могло полностью проявиться ее призвание, ее родовая страсть. У нее изменилось поведение, она сразу посерьезнела, другим стало выражение глаз, светившихся полнотой жизни.

Я снова обрел охотничье счастье, утерянное со смертью моего Пыжа. Он был похоронен здесь же, в Заонежье, на Диановой горе, самом высоком месте полуострова, откуда открывались, насколько хватало глаз, шишкинские лесные дали, зеркальца затерявшихся в них озер, синева Онего-моря, его далекий повенечий берег...

Этого не могла знать моя новая лайка, но я, казалось, все еще ощущал его витавший подле нас дух, вспоминал его, глядя на хлопотавшую Умку, сравнивал их работу. Молодая сучонка, еще подросток, отдавалась охоте упоенно и страстно. Городское «диванное» воспитание не испортило ее: она была нестомчива, хорошо ориентировалась в лесу, не боялась широкого поиска и имела звучный, доносчивый голос.

Можно успешно стрелять из перевязанной проволокой берданки, многие из которых обладают сильным боем, но насколько приятнее держать в руках красивое и надежное ружье, всем своим видом подчеркивающее красоту охоты; можно довольствоваться помощью старательно натасканной полукровки, но способна ли она сравниться с красотой породной собаки, унаследовавшей от своих именитых предков изысканное благородство форм и фонтанирующую охотничью страсть?!

Красота всегда радует глаз и возвышает душу. Мы целыми днями пропадали в тихом и гулком, проторно засквозившем от потекшей листвы лесу, расцвеченном сентябрьскими утренниками, напивались наперед его красотой на многие месяцы городского житья. Каменные гряды-сельги, поросшие хрустким мхом и вереском, потаенные озера-ламбушки, неожиданно открывавшиеся в лесу, одинокий нырок, распустивший по тихому плесу «усы», качнувшие отражения берегов, клики гусей в полблещей синеве осеннего неба, жухлые опахала папоротников, далекое постанывание лосей — все это было и раньше, только теперь со мной был не черный, в симметричных пажинах и четкой маске Пыж, а молодая, безрассудно-азартная белая сучонка, ослепительная в зелени мхов и молодых елок. Ее далеко было видно в лесу, где, кроме берез, нет ничего белого. По-видимому, ее «рубашка» занимала и дичь, которая довольно плотно сидела у нее на лаю. Когда нам однажды привелось ночевать в рыбац-

кой избушке на берегу озера, Умка под утро попросилась за дверь. Этой ночью ударил первый настоящий мороз. Над соснами близко висела огромная, круглая, как бубен, завораживающая жутью своего колдовского сияния луна. В ее осязаемом, казалось, на ощупь свете сказочно блистал покрывший траву иней. Но больше всего меня поразила моя лайка: в сиянии луны она была голубой и словно бы фосфоресцировала, светилась сама. Недаром эксперты на выставках, которые обычно записывали белым лайкам «окрас светло-палевый», раздвув подшерсток Умки, объявляли: «Вот пример довольно редкого окраса, это чисто-белая лайка». В кого только она уродилась, в ее роду не было полностью белых собак...

Я никогда особенно не тяготел к охоте на крупного зверя. Не всегда чистое, с первой пули, убийство большого животного, в котором так много жизненных сил, съемка шкуры, кровавая разделка туши — все это словно бы разрушает поэзию тихого уединенного лесования с лайкой. И я опасался, что Умка будет увязываться за лосями, которых в те годы было много в карельских лесах, — вся другая охота пошла бы тогда насмарку. Но она, угадывая мои пристрастия, осталась к ним равнодушной. Не изъявила она желания идти и по кабану, когда мы охотились потом на кунцы в воронжских краях. Кабаны свежие следы, только что покинутые лежки не были там редкостью. На подходе к заросшему тальником и трестой лесному болоту она сдалека причивала «толстый» запах вепря, ерошила загривок, настаивалась, я и знал, что здесь есть или только что были дикие свиньи. Умка с интересом обнюхивала их объятия в осоке «постели», но преследовать не хотела. Я не настаивал, не притравливал ее к кабану: в компании с другими собаками мы не охотились, а подставлять в одиночку кабаньим клыкам породную рабочую лаечку было бы так же безрассудно, как топить печь дровами красного дерева. Для такой охоты годится орава любых, даже беспородных псов, от которых при встрече с кабаном требуются лишь смелость, вязкость и злоба к зверю.

Умка работала все, к чему я проявлял охотничий интерес. Однажды из-под нее вырвался вальдшнеп, потянувший через меня по лесной просеке. Несложным выстрелом я достал его. Умка внимательно обнюхала незнакомую птицу, по своей привычке ткнула, «припечтала» ее носом и стала после этого попутно вытравливать и вальдшнепов. Она это делала, конечно, без стойки, молча, мне не всегда удавалось выстрелить, но то, что у нее появился еще один объект охоты, было несомненным.

В другой раз я подобрал вывернувшегося на мочажине бекаса, и Умка, ознакомившись с новой дичью, перестала пропускать и этих куликов. Но бекасиных мест в Заонежье мало, стрелять больше не пришлось, и лайка постепенно остыла к ним.

Совершенно неожиданно для нас обоих, вероятно, у нее вдруг обнаружился интерес к медведю. Это случилось в солнечный, ласковый день карельского бабьего лета, такой тихий, что слышен был шорох опадающей листвы. Я шел горбом сельги, округлой, как спина окаменевшего кита, а Умка работала внизу сбоку, в гущаре урочища. Я ждал когда угодно — глухаря, тетерева, рябца, вальдшнепа, наконец, — но только не медведя. Под сельгой послышался легкий треск, и на открытую каменную плешину вывалился медведь. Черный, как уголь, в золотом свечении осинки и хлипких березок, росших на камне, небольшой, лоснящийся на солнце мишка метрах в двадцати от меня перевалил галопцем сельгу и скрылся в моховом болоте, густо затянутаго талыми и багульников. Тут же из сумрака зарослей выскочила на солнце моя белая лайка. С хохлом взъерошившейся на загрявек шерсти, она озабоченно шла по медвежьему следу. Умка заметила меня, вопросительно вскинула голову: кто это был? почему ты не стрелял? он нам не нужен?

На медведя я не рассчитывал, но можно ли отказаться от него, если того захотела моя собака? Я заменил пятерку в стволах на пули, которые всегда беру с собой на всякий случай, и направился вслед за медведем. Мне было любопытно, как дальше поведет себя молодая лайка.

Но нет, Умка в дебри не полезла. Идти туда со мной она была не против, но инициативы в поиске не проявляла. Ее горячий запал уступил место благоумию. Мы бестолку топтались в дремучем болоте и снова выбрались на сельгу. Мимолетное увлечение медведем кончилось ничем. Но кто знает, быть может, в компании с более опытной и злобной медвежатницей Умка пошла бы и по этому зверю?

Ее природная доброта иногда мешала делу. В городе я был доволен, что Умка, неравнодушная, как все лайки, к кошкам, обливала, но не трогала их. На охоте такая деликатность была ни к чему. Как-то раз она прихватила свежий след норки, протоптавшей на мшистом берегу болотистой речки извилистые лабиринты ходов. Норка, очевидно, приловчилась брать уток: на большом плоском камне возле речного переката у нее была «столовая», где валялось несколько крыльев крякв и чернети. Умка буквально выковырнула зверьку из-под корня березки, могла его схватить, но не решилась и упустила его, канувшего в расщелину огромных валунов. Сказалось ли «диванное» содержание, или, возможно, собаку остановила извергнутая норкой, надолго повисшая в безветрии ужасная, удушающая вонь, омерзительнее которой мне не приходилось встречать?

Зато она без раздумий прихватывала бьющихся в лодке щук, выловленных на спиннинг. Умка сопровождала меня и на рыбалке. Она внимательно

следила за тем, куда падала блесна, как я подтягивал ее, просвечивающую в воде, и нет ли чего на крючке. В любой лодке у нее было одно излюбленное место — на носу. Узкий нос нашей онежской лодки был обит жестью, сидеть было скользко, собака, случалось, срывалась с него, но как ни в чем не бывало подплывала к борту. Я выволакивал ее в лодку. Обдав меня веером брызг, она снова взбиралась на нос. Ей нравилось быть «впередсмотрящей».

С таким же любопытством она наблюдала за ловлей рыбы на удочку. Даже в Москве, когда мы во время прогулки забредали к водоему у Дворца пионеров на Ленинских горах, она, завидев рыбака, удившего в этой луже бычков-ротанов, устраивалась у него за спиной и ждала, не запляшет ли на воде поплавок.

Мы часто отправлялись в лес вчетвером: Алла и Ушлик — маленький смешной песик, подобранный мной на дороге и ставший «компаньоном» Умки и в городском житье, «второе «У», — занимались грибами и ягодами, а мы с Умкой — охотой. Если, не успев отойти далеко от наших грибников, мы кого-то находили — на голос Умки подвывал Ушлик, и нельзя было без улыбки глядеть, с осознанием какой важности выполняемой работы вторил лайке, обладавшей для него непререкаемым авторитетом, наш маленький «обезьяний пинчер».

Мы с Умкой пропадали в лесу до вечера. Тишину глухих урочищ взрывал далекий лай собаки, отдававшийся звонким эхом. Еще не зная, кого она облаивает, я спешил к ней, и сердце мое заходило радостью, ожиданием скорой разгадки тайны и встречи с птицей или зверем.

Где-нибудь на берегу озера мы садились передохнуть. Я по-братски делил прихваченные бутерброды. Перекусив, Умка иногда, не испрашивая на то моего разрешения, вдруг взбиралась ко мне на колени. Меня трогало

откровение этой оставшейся щенячьей привычки, лишней раз подтверждавшей женственность ее характера, я мирился с мокрыми штанинами и терпел. Может быть, ей просто было дальше видно с коленей, как на носу лодки, легче ловить налетающие запахи. Слушая лес, наплеск набегавших волнишек, лайка шурилась и раздувала ноздри. А потом так же неожиданно прыгивала легко и звала идти дальше.

Так прошло четыре осени. Все четверо мы были в Заонежье счастливы.

Как всегда, собрались ехать туда и на следующую осень.

— Ждем, — позвонил мне мой приятель лесник Миша, в старом, но крепком и просторном доме которого мы обычно жили. — Только езжай не на машине, а поездом: бензина у нас нет. Мурманские отпускники посидят недельку-другую в ожидании горячего, а потом их кто-нибудь на веревке тянет назад. Так что доехать-то, может, и доедешь, а отсюда не выберешься.

Не стало бензина, которого всегда было хоть залейся! Это был очередной вывих перестройки, которая вырвалась из нерешительных рук ее незадачливого «архитектора» и пошла по пути разрушения. Добираться поездом, с двумя собаками и ворохом барахла? И мы не поехали. К тому времени мы только что приобрели по случаю избу-развалюху на тверской земле и отправились обживать к себе в деревню.

Не попали мы в Заонежье ни в последующую осень, ни еще через год. Все так же плохо было с бензином, небезопасной стала и сама дорога. Теперь уж нельзя было, как раньше, стать на ночлег где-нибудь на безлюдном берегу реки или озера, выпустить затомившихся собак, разжечь костерок и переночевать в палатке. Опасность дорожного разбоя заставляла коротать ночь на грязных стоянках под прикрытием «дальнобойщиков», перевозивших груз компаниями в две-три машины.

Больше мы с Умкой в Заонежье не бывали.

Неудавшаяся перестройка привела к августовскому перевороту 91-го года. В стране утвердилась самая несправедливая из всех форм власти — власть денег, не разбирающих, как и к чьим рукам они липнут. Все стало предметом торговли по недоступным для рядового труженика ценам, даже врачебная помощь и уроки учителя.

Предметом торговли стала и охота. Существовавшая ранее небольшая или просто символическая стоимость путевок и лицензий выросла в десятки раз, коммерция стала основой работы охотничьих хозяйств. Российские глухари, лоси, медведи, кабаны оказались выброшенными на международные торги. Не замедлили явиться и закордонные покупатели, именующие себя охотниками. В России тоже появились стрелки, желающие за деньги убить где-нибудь в Африке, из-под руки чернокожего провожатого, носорога или бегемота. От такой охоты, утратившей нравственную основу, осталось лишь убийство, купленное право выстрела. Все это стало следствием провозглашенной так называемой свободы. Свободы для кого? От чего?

От идеологического насилия прежней власти я легко уходил, не вступая ни в какие организации, партии и союзы, кроме союза охотников и профсоюза. Политический лозунг, вывешенный где-нибудь над входом в баню или в концертный зал, способный вызвать лишь ироническую усмешку, не мешал за копейки попариться, как того хотелось, или насладиться музыкой. Теперь все удовольствия стали для кармана накладны. Обездвигивший когда-то полстраны, теперь я, как подавляющее большинство моих сограждан, оказался привязанным к порогу дома. Такова она для нас, нынешняя «свобода»...

Но материальные затруднения — это еще полбеды. Те, кто пережил годы



БИ



Великой Отечественной войны, знают, что в этом отношении в то время было еще труднее. Но пайка мякинного хлеба и морковный чай без сахара не мешали мне на тринадцатом году жизни впервые испытать счастье охоты и отдаться ей на всю жизнь.

Тяжелее всего оказалось пережить непреходящий шок от небывалого в истории России преступления беловежских заговорщиков, в результате которого Держава оказалась расчлененной, а более двадцати миллионов соотечественников превратились в чужеземцев. Тяжело ощущать предательство национальных интересов, наглое, на глазах подданных, поспание властью норм социальной справедливости, к которой так чувствителен русский человек, тяжело видеть нищих, безвинно обездоленных людей, бездомных стариков и беспризорных детей, тяжело разувериться в щедрых предвыборных обещаниях первого лица государства, обернувшихся обманом...

Все это я пишу затем, чтобы объяснить, почему после полувековой охоты я в течение нескольких лет не брал в руки ружья. Ощущение душевной несвободы не вяжется с той радостью, которую я всегда испытывал на охоте. Даже волк, попавший в клетку, теряет свой охотничий инстинкт. Сущностью русской охоты всегда была ее духовная основа, ощущение душевной раскрепощенности, близости родной природе и любви к ней, без которой не может быть любви к Отечеству. Именно это всегда отличало русского настоящего охотника. Вспомните еще раз слова П. М. Мачеваринова, автора «Записок псового охотника Симбирской губернии», сказанные им 125 лет назад: «Привязанность охотника к родине безгранична. С какой любовью смотрит он на свои поля, луга, рощи и вообще окружающую местность...»

Разве что-то изменилось с того времени? Только то, наверное, что в устах некоторых прозападных политиков и продажных журналистов, духовной черни, не стесняющейся своего нравственного убожества, само слово «патриотизм» стало звучать как ругательство...

Дальше деревни мы теперь не выби-  
рались. Ружья с собой я не брал. Бро-  
шенная на произвол судьбы деревня на  
глазах нищала и спивалась. До охоты  
ли тут...

Но как это объяснить моей лайке? Мы  
часто ходили с ней в лес. Еще полная  
сил и охотничьей страсти, она, как и  
прежде, исправно трудилась, азартно  
облаивала зверя и птицу. Она выстав-  
ляла мне белок, куниц и норок и недо-  
умевала, должно быть, почему ее ра-  
бота не сопровождается выстрелом,  
пока не смирилась и не привыкла к на-  
шей тихой грибной охоте.

И Умке, и Ушлику в деревне было  
привольно. На задах нашего участка —  
на «запольках», как говорят в Заоне-  
жье, — почти сразу начинался лес. Со-  
баки целыми днями были на воздухе,  
бродили окрест, не удаляясь далеко от

дома. В жаркие дни Умка с удоволь-  
ствием купалась со мной на озере.  
Предназначенное больше ради собак  
деревенское летнее жительство нравилось и  
нам. К тому же «подножный корм»  
представлял собой ощутимое экономи-  
ческое подспорье. Земля в трудный час  
всегда выручала человека с лопатой.

К сожалению, век собаки недолог.  
Умка начала стареть. Незаметно для  
себя мы тоже вошли в пенсионный воз-  
раст и тоже начали стареть. Но у собак,  
особенно у крупных, это происходит  
так быстро...

Старость всегда становится уязви-  
мой мишенью для болезней. Какая из  
них угодит раньше?

У нашей лайки во время очередной  
пустовки обнаружили кое-какие не-  
нормальности. Мы повезли ее в мос-  
ковскую ветлечебницу. Опытнейшая  
Антонина Ивановна, еще лечившая  
Пыжа, сдавила ей живот. Умка дико  
закричала.

— М-да, — покачала головой Антони-  
на Ивановна. — Опухоль. Большая, соз-  
ревшая. Обречена собака. Спасти  
здесь может только тяжелая операция,  
но в таком возрасте этого делать  
нельзя. Наркоза она может не выне-  
сти. Только мучить собаку. Оставьте ее?

Оставить? Ну нет. Мы к этому никак  
не были готовы.

— А может, все-таки полечить? — с  
неуверенной надеждой спросила Алла.  
— Что ж, — так же неуверенно согла-  
сился врач. — Давайте попробуем.

Умка скребла когтями, скользила на  
кафеле, умоляюще тянула за дверь:  
скорее, скорее отсюда, где делают так  
больно!

И мы принялись лечить. Алла сама  
делала ей уколы. Всегда очень послуш-  
ная, Умка была послушна и здесь. За-  
метив в руках шприц, она забивалась в  
угол. Я звал ее, и она, поколебавшись,  
тихо и обреченно сама шла на проце-  
дуру. Не узнать было в ней ту веселую,  
игривую собаку, каковой мы привыкли  
ее видеть. Несмотря ни на что, она пол-  
ностью нам верялась, терпеливо пе-  
реносила уколы и глотала обвальные  
в сливочном масле таблетки. К нашей  
радости, ей стало лучше. По совету  
врача лечение прервали. Только надол-  
го ли?

Но беда не приходит одна. Может,  
оттого, что Умке когда-то попала в ухо  
вода, или по какой-то другой причи-  
не — оно стало болеть и мокнуть, рас-  
пространяя неприятный запах. При-  
шлось чистить ухо ватным тампоном,  
промывать перекисью водорода, зака-  
пывать ушные капли. Собака сносила и  
это. Лишь по тому, как она напрягалась  
всем телом и покряхтывала, можно  
было судить, какую боль ей приходи-  
лось терпеть.

— Ну, потерпи, Умочка, потерпи, моя  
девочка... Сейчас, сейчас, еще совсем  
немножко... Девочка моя...

Чистенькой и женственной, такое  
обращение подходило ей, но от этого  
становилось еще более жалко ее...

Такие манипуляции Алла делала каж-  
дый день. Женщины, вероятно, более

склонны по своей натуре к врачеванию.  
Меня бы на такое не хватило. Это сча-  
стье любого охотника, когда жена люб-  
бит собаку, заботливо кормит и терпе-  
ливо возится с нею. Были перепробованы  
всевозможные средства, но все  
это только оттянуло по времени поте-  
рю слуха. Обладавшая от природы тон-  
чайшим слухом, улавливающим легкое  
царапанье белых коготков на вер-  
шине дерева, Умка к концу жизни ог-  
лохла полностью.

Однажды ночью нас разбудил шум и  
грохот. Включили свет. Умка билась на  
полу, пытаясь встать на ноги, подни-  
малась и снова падала. Я вскочил, по-  
мог ей утвердиться. Перепуганная сво-  
ей беспомощностью, она растерянно,  
тяжело дышала, в глазах стоял ужас. Я  
огладил, успокоил ее, она немножко  
пришла в себя. Это оказалось микроин-  
сульт. Снова лечение, новые лекарства  
и уколы... Но, благодаря быстрой по-  
мощи и послушанию, Умка преодолела  
и эту напасть, почти полностью восста-  
новилась. Только голову после удара  
она держала чуточку набок, что прида-  
вало ей несколько вопросительное-не-  
доуменное выражение.

Это самое сложное время в отноше-  
нии хозяйки со своей собакой — ее глу-  
бокая старость. Оно требует терпения,  
сострадания и милосердия.

Милосердие может выражаться не  
только в неустанном лечении и постоян-  
ной помощи ослабевшей больной  
собаке — оно может потребовать от  
хозяйки жесткого решения, последне-  
го в жизни собаки, дальнейшего суще-  
ствование которой становится мучени-  
ем. Одни идут на это очень тяжело,  
другие без долгих раздумий, желая из-  
бавить себя от неудобств, осложняю-  
щих быт. Как бы то ни было, нельзя  
осуждать такой исход, если жизнь ста-  
новится собаке в тягость. Человек  
вправе распорядиться ее судьбой: по-  
родные собаки рождаются по его воле,  
по его воле могут и умереть. Так было  
и у нас: Умка, готовая, как это опреде-  
лено природой, каждый год приносить  
щенят, родила их лишь тогда, как толь-  
ко мы того захотели. Но одно дело —  
вмешиваться в зарождение жизни, дру-  
гое — определять ее конец...

Умке бывало плохо, у нее обостря-  
лись боли. Как-то раз, не находя себе  
места, она изорвала в клочья свою  
подстилку, чего с нею никогда не слу-  
чалось. Чаще всего, как это бывает и у  
людей, боль приходила по ночам. Мы  
просыпались от ее топота, она бродила  
в темноте по кругу, натывалась на  
мебель; забравшись под стол, не мо-  
гла найти выход, тычася в ножки стуль-  
ев. Приходилось зажигать свет, давать  
ей болеутоляющее, успокаивать и пре-  
провождать на ее матрасик. Боль от-  
ступала, Умка притихала, засыпала и  
мы...

Старость и болезни сильно изменя-  
ют характер и поведение собаки. Мы  
убедились, как много значит общение  
с нею голосом. Собака отлично пони-  
мает многие слова, реагирует на инто-  
нацию речи, догадываясь о настроении

хозяина и его намерениях. Теперь оглохшая Умка лишилась такой связи с нами, с ней можно было общаться только жестами. Она понимала их, по-прежнему была послушна, но это не могло заменить разговора с нею. Рассчитывая на снисхождение, она стала более бесцеремонной, позволяла себе попрошайничать у стола, крутилась под ногами, а когда одергивали ее, отмахивалась, как это делают и люди: «Что вы от меня хотите? Я же глухая, не понимаю...» Делать замечания было бесполезно, а шлепнуть не поднималась рука. Мы щадили ее старость и слабость, прощали ей все и старались, как могли, облегчить ее состояние. Собака теперь целиком зависела от нашей воли. Соседство старой Умки невольно порождает мысли о том, что ждет нас самих в теперь уж недалеком будущем, как обойдется с нами судьба...

Весной 2000 года пришло время собираться в деревню. Дотянет ли Умка до отъезда, как перенесет дорогу? Оба они, и Умка, и Ушкин, обожали машину. Раньше, когда в Москве не было такого сумасшедшего уличного движения, а парковка не составляла труда, я часто пользовался машиной и непременно брал их с собой. Не тяготясь ожиданием, когда я уходил по делам, они сидели в машине и неохотно покидали ее по возвращении домой.

Свидание со знакомыми деревенскими местами взбудило Умку. Она бродила по деревеньке, по заполькам, что-то вынюхивала. Деревенские ее любило: она была приветлива к людям, не конфликтовала с местными собаками и не обращала внимания на домашнюю скотину. Широко знали ее и в округе. Даже бесшабашные подвыпившие трактористы сбавляли в деревне скорость, зная, что на пути может оказаться глухая лайка. Было так, что трактор-колесник, настойчиво сигналив, тихо шел по дороге, а перед ним, не слыша клаксона, брела наша Умка. Оглянувшись, она не сразу уступала колею, туго соображая, что от нее требуется. Сказывалась, вероятно, ее послеинсультная, склеротически-замедленная реакция. Мы старались не доводить до такого и не спускали с нее глаз.

У нее, вероятно, болели и суставы: лежала она, долго примеряясь, осторожно, и так же поднималась. Ей легче было ходить, чем стоять. Когда она останавливалась, у нее словно бы подгибались ноги, ее пошатывало. Далеко от дома она не уходила и бродила вокруг усадьбы, набив торную тропу.

Мы заметили, что она стала хуже видеть, особенно в сумерках. У нее исчезло боковое зрение, она перестала реагировать на движение руки в стороне от ее глаз. Несколько раз она падала на крыльце, сосупая мимо ступенек, и теперь боялась спускаться, ожидая, когда ей посветят фонариком. Глухая, да еще слепая — это совсем беда... Свою старческую немощь Умка переносила стойко и молча. Она ни

разу не визгнула, когда падала, когда натыкалась впотымах на предметы.

Никогда у меня еще не было такой старой собаки, в которой, несмотря на возраст и болезни, так цепко держалась жизнь. У нее было тренированное сердце рабочей собаки и удивительно жизнелюбивый темперамент. Едва держась на ногах, она по-прежнему заигрывала с кобелями, играла и с нами, припадая на передние лапы, насккивая и носясь кругами. Прервав игру, она замарала, расставив ноги, покачиваясь, — ей надо было прийти в себя, у нее, вероятно, кружилась голова, все плыло перед глазами. А главное — у нее был хороший аппетит, ей давали столько, сколько она хотела. Еда поддерживала ее, но все равно она быстро худела, шерсть не могла скрыть торчащих мослаков на крестце — ее пожирала болезнь, одним из проявлений которой была новая опухоль, появившаяся под хвостом.

И видеть угасание собаки, и писать об этом тяжело. Куда отраднее вспоминать счастливое время прежней охоты. И мне Умка все еще представлялась такой, как в Заонежье, — в просвеченном осенним солнцем тихом лесу, широко разносящем ее страстный лай, веселой, деятельной, полной сил...

Знаю, меня легко упрекнуть в моей нерешительности и малодушии, не допуская вмешательств в судьбу состарившейся больной собаки, — я и сам попрекал себя в этом не раз, когда Умке было особенно плохо, и даже подумывал, стоило ли мне вообще заводить собаку при таком к ней отношении, но... Ни я, ни Алла не могли пойти на такое вмешательство. Пусть все решит сама Природа. Нас ободряли всплески жизнерадостности нашей лайки, и мы старались, как и чем только можно, поддержать ее. Пусть решит Природа...

Одно я знал определенно: как бы то ни было, собака будет похоронена только здесь, на своей земле. В деревне, возле дома. Так было решено, когда Антонина Ивановна обнаружила у нее опухоль и предрекла Умке скорый конец. С тех пор прошло два с лишним года, за это время я укрепился в своем затаенном, самому себе данному обещании. Не так нужно было Умке — это нужно было мне самому. После шестнадцати лет пребывания в семье собака заслужила право быть поблизости...

Так прошло лето двухтысячного года, холодное и дождливое. Словно в награду за пережитое ненастье, в канун Рождества Богородицы 21 сентября пришла замечательная, редкостная, теплая и тихая, благостная осень. Ей не подходило название «бабье лето», его время прошло — это была истинная Богородицына Осень, с ласковым солнцем, гулкой тишиной засквозивших лесов, с паутиной на опустевших картофельных грядах, с шумными налетами скворцов на осыпанные ягодой рябины. Такими же были и ночи — бархатисто-мягкими и теплыми, с высоким торжественным небом, усеянным множеством звезд,

празднично излучавших свое великолепие, с тихо уснувшим над землею воздухом, далеко разносившим приглушенные земные звуки.

Не хотелось уезжать от такой благодати. К тому же у нас остались кое-какие мелкие дела, и мы не уехали, как намечали, 30 сентября, отложив отъезд до следующей субботы.

А я думал, что мне, вернее всего, придется скоро вернуться. Только как это будет? Катастрофически быстро растущая у нашей лайки опухоль может все-таки вынудить в конце концов обратиться в Москве к Антонине Ивановне за последней помощью. На машине я не поеду. Придется везти Умку поездом или электричками с пересадкой в Твери, а здесь поспешать на единственный автобус. Раскрывать заколоченный на долгую зиму дом не стоит, переночую у соседей, чтобы наутро попасть на тот же автобус... Как бы ни было хлопотно, все равно будет только так.

Поздним вечером второго октября я, как обычно, вывел перед сном прогулять собак. Стояла прекрасная ночь все еще продолжавшейся Богородицыной Осени. Сделав свои дела, собаки вернулись. Я жестом показал Умке на открытую калитку, но она, чуть замешкавшись, точно забыв что-то, вдруг отвернула и с необычной для нее резвостью пустилась по дороге в ближнее, отстоящее в километре, село. Так уже было однажды ночью. Мне тогда удалось нагнать ее и направить домой, где ее поджидала у калитки Алла. И вот опять, в то же время, по той же дороге... Крикнув Алле, чтобы она встретила Умку, я побежал вдогонку и нагнал ее, смутно белевшую на дороге, уже за деревней. Она послушно повернула, потрусил к дому, и я потерял ее из вида — меня слепил свет крайних домов.

Алла ждала возле калитки. Умка не возвращалась. Значит, незаметно для меня она где-то свернула все-таки с дороги, обошла стороной. Родилось тяжелое предчувствие, что мы видели нашу лайку в последний раз...

Отправившись на поиски. Посвечивая фонариком, сходили в село, на автобусную остановку, где Алла встречала меня с собаками после поездок в Москву, дважды прошли по дороге мимо озера. Сигналили во все стороны фонариком — звать Умку было бесполезно. Слабая собака не могла уйти далеко, она должна была бы заметить нас.

Вернулись домой за полночь. Где еще искать? Может, вернется, когда рассветет? С такой надеждой легли спать. Но я не пролежал и пяти минут. Словно что-то кольнуло меня: надо идти!

Я направился по дороге туда, где последний раз видел Умку. И тут я услышал лай. Это был ее голос! Умница, она сама давала о себе знать! Приглушенный лай доносился от озера, мимо которого шла дорога. Между озером и дорогой — дремучая урема с густым ольшаником, перевитым хмелем, за-



росшим крапивой, малиной, жесткими талами. Лай раздавался откуда-то оттуда, из глубины уремы. Что бы ей пораньше было подать голос, мы ведь дважды проходили мимо! Были рядом!

Я помчался на ее лай. Шум крови в ушах и дыхание мешали засечь место, откуда он раздавался, но я не останавливался, торопясь оказаться поближе, а потом уж уточнить, где она лает. Лай замолкал, возобновлялся снова. Только не молчи, только не молчи!

После перемолчки голос вдруг зазвенел с таким отчаянием, что у меня морозцем схватило спину. Никогда она так не лаяла, с таким отчаянием и безысходностью!

— Слышишь ли ты, хозяин, как мне плохо?!

— Слышу, слышу! Сейчас, милая, потерпи, я сейчас...

На бегу всплыло какое-то воспоминание, что-то подобное встречалось мне... Читал об этом... Ассоциация далекая, отстраненная и все-таки чем-то похожая... Гоголь! Гоголевский «Тарас Бульба». Измученный палачом, мужественно сносивший пытки Остап в упадке духа крикнул с эшафота: «Батько! Где ты? Слышишь ли ты?» — «Слышу!»

— Слышу, слышу! — хотелось мне крикнуть, да что толку...

Лай широко растекался по воде, возносился вверх, я не понимал, откуда он исходит, казалось, он заполнил небо, густо осыпанный звездами космос...

Я был уже не очень далеко — и вдруг он оборвался. Наступила полная тишина. Поймать бы хоть какой-то звук, шорох в темной береговой уреме... Нет, все тихо. Только пульсирует в ушах кровь и нудно побрехивает у коровника собачонка, взбудораженная лаем Умки. Молчит лес, молчит озеро, жидко отразившее одинокий фонарь на дальнем сельском берегу. Кажется, чуть слышно сипят, лучась, бесчисленные звезды...

Я полез наугад в заросли. Лучик ослабшего фонаря упирался в стволы ольшинок, в частокот тальников и сухой крапивы, я оступался в наполненные водой ямы, спотыкался в хламе упавших стволов, проридался сквозь трескучий сусняк... Как занесло сюда мою полуслепую, оглохшую собаку, как она пробиралась в этой чертолоmine? И почему так звучно раскатывался по ночному озеру ее отчаянный лай? Может быть, потеряв надежду выбраться из путаниц зарослей, Умка ушла в воду? Но это же безрассудно — искать спасение в озере километровой ширины! Но искала ли она спасения? Она не могла не видеть нашего фонаря, когда мы шли мимо и посвечивали в заросли, она знает наш фонарик, я всегда по вечерам, подзывая ее, сигналил светом...

Утром мы тщательно дважды облазали весь берег. Никаких следов.

— Это волк, — твердо предположили знакомые деревенские охотники. — С чего бы ей лезть в воду? Тут возле коровника выброшена туша дохлой коро-

вы, днем ее гложут собаки, а по ночам, бывает, приходит волк. Есть такой старый обнаглевший недострелянный волчина. Услышал лай, бросил тухлятину, кинулся на свежатинку!

Волк, действительно, наведывался в деревню. Я замечал его следы на дорожке, а соседка, полоскавшая как-то в сумерки белье на мостках, видела, как «большая серая собака», появившись откуда-то, схватила молодую деревенскую собачонку так, что ей слышно было, как у той хрястнули кости. Да и сами мы, выйдя однажды перед сном за калитку, слышали в ночной тишине далекий волчий вой. Но если волк, почему он не тронул дворняжку у коровника, она была куда ближе...

— Волк, — подтвердил и наш приятель Николай Евгеньевич, опытный охотник, биолог-охотовед, школьный учитель. — Она сама накликала себе смерть. Надо слушать сорок, должно же что-то остаться от собаки.

Мы обошли всю округу. Следили с Николаем Евгеньевичем за сороками, прислушивались к клетоту воронов, но обнаружили только телачью выброшенную шкуру да позеленевший костяк еще одной коровьей туши.

У дверей магазина я повесил объявление, пообещав награду, в школе оповестили вездесущих ребятишек, к поискам подключились наши знакомые и соседи. Умка исчезла, будто растворилась в небесной вышине, откуда доносился ее прощальный лай.

Через день нам предстояло уезжать. Не хотелось покидать деревню в неопределенности, не получив ответа на

вопрос, которым мы жили последние дни. Но откладывать отъезд было нельзя. Я попросил Николая Евгеньевича похоронить собаку, если она найдется, показал ему давно загаданное место.

Надо было вытащить с воды и положить в сарае на зимовку лодку. Прежде, чем сделать это, все-таки решил обследовать озеро.

Первое предположение, родившееся в ночь гибели Умки, оказалось верным. Я нашел ее на краю тростников метрах в сорока от берега. Белое пятнышко на воде я заметил сдалека...

Кинувшись в воду, чувствуя свой конец, она лаяла, оповещала мир о своем отчаянии, пока не захлебнулась...

За границей изученного в людской психике есть все еще непознанная область — область действия экстрасенсов, ясновидящих, прорицателей. Вероятно, в минуты наивысшего психического напряжения и собаки способны совершать поступки, находящиеся за гранью их привычного поведения. Такие случаи потрясают воображение людей, рассказы о них передаются из уст в уста, они становятся легендами...

Пока нагруженная машина прогревалась перед дорогой в Москву, мы снова подошли к холмику свежей земли с незавядшими астрами.

«Я послушалась... Прости меня, мой хозяин. Но для всех нас так будет лучше. И я сделала для этого все, что могла...»

До сих пор у меня в ушах стоит ее звонкий, трагически-звонкий исполненный отчаяния лай.

Рисунки Б. Игнатъева



# Райские сады Сарыхосора

С запоздалой благодарностью покойному Геннадию Сапожникову,  
открывшему нам природу горного Таджикистана

Петр СТРЕЛКОВ

В ненастье по брезенту палатки гулко стучали грецкие орехи. Только в Сарыхосоре я узнал, как сильно отличаются орехи с разных деревьев. Их качество определяли не размеры, а толщина скорлупы. Иные поддавались лишь удару тяжелого камня, в смеси из разбитого ядра и мощной скорлупы взять было нечего. Скорлупки же других легко давились от сжатия большим и указательным пальцами, эти орехи были самыми ценными.

Кроме грецкого ореха, леса Сарыхосора богаты и другими плодовыми деревьями. В конце сентября фрукты уже отходили. На высоких неухоженных яблонях виднелись последние яблоки, нарядно-пунцовые с виду, но травянистые на вкус. Разноцветными кислыми ягодами были усыпаны ветки барбариса, деревца боярышника стояли желтые от обилия плодов. Под раскидистой кроной найденной мною старой груши земля была усеяна падалицей необычайной сочности, сладости и аромата. Я пытался угостить грушами товарищей, но приносил в лагерь лишь кашу из раздавленных плодов в липком от сока рюкзачке.

Нашли мы и переспевший, уже чуть подвяливающийся виноград и набили им молочную флягу. С того времени я понял, что обещаться виноградом невозможно — отваливаешься от фляги с отвращением, а через час опять лезешь за тяжелыми сладкими кистями. Платой за это удовольствие были рои ос, со всех сторон слетавшиеся на виноград. Как и мы, убежденными вегетарьянцами осы не были, с не меньшим удовольствием они переключались на свежее мясо, не переводившееся в нашем лагере.

В долине Сарыхосор не вдруг поймешь, что здесь естественное, а что посажено человеком. Рощи грецкого ореха и заросли фруктовых деревьев были, скорее, одичавшим садом. Своим существованием они обязаны людям, которых мы уже не застали.

Массовый исход горных таджиков в долины, где налаживали выращивание тонковолокнистого хлопчатника, начался в конце пятидесятых годов. Горцев выселяли насильственно, под предлогом низкой товарности их хозяйства. «Они ничего не дают государству» — этот дикий аргумент казался в те годы убедительным даже для людей, казавшихся разумными. Всесильное государство пожирало своих детей: выселенные в знойные долины горцы мерли, болели, убегали назад, им перекрывали дороги, возвращали с помощью милиции, а родные горные кишлаки сносили бульдозерами, чтобы бегать стало некуда.

Я не знаю подробностей этих страшных событий и пишу о них с чужих слов. К 1965 году, когда я впервые попал в

Сарыхосор, ущелье было безлюдным. Жила там одна семья благообразного и злого старика, занимавшегося сбором орехов, и лесная стража. Прочих смертных сюда не допускали, для нас шлагбаум был открыт специальным разрешением из Управления лесного и охотничьего хозяйства республики.

Конец сентября и октябрь — лучшее в этих краях время. Солнце теряло летнюю свирепость, оно не палило, а приятно грело. Ночи уже были прохладны, паутина серебрилась утром от росы. После ненастных дней склоны гор белели от снега, но за несколько солнечных часов он исчезал: снег даже не таял, а возгонялся, не напоив влагой землю. Лес был уже расцвечен осенью. Опавшими фруктами и орехами кормилось многочисленное зверье: помет медведей, кабанов, дикобразов и барсуков состоял из ореховых скорлупок.

Целью нашей зоологической экспедиции в ущелье Сарыхосор была скоростная киносъемка бега сибирских козорогов, а также отстрел козорогов и кабанов для анализа мускулатуры и изготовления коллекционных скелетов. Возглавлял экспедицию опытный зоолог и хороший охотник Петр Петрович Гамбарян, именуемый всеми ПэПэ. Человек добродушный и общительный, Гамбарян всегда обрастал свитой из нужных и не слишком нужных помощников и почитателей. В их число входил и я.

Опытным кабанятником среди нас был только ПэПэ. Он и нашел отличное место для ночной засидки: каменную нишу, открытую на широкую и светлую полосу галечника, по которой протекал ручей. Вдоль него тянулась звериная тропа, соединявшая разные части ущелья.

ПэПэ приспособил для ночной стрельбы автомобильную фару на серебряно-цинковых аккумуляторах: крепилась она на фотоштативе. В пер-





вую же ночь ПзПз подсветил этой фарой хорошего секача. От яркого света и громкого щелчка тумблера тот замер, после выстрела резво бросился в сторону охотника и был остановлен им вторым выстрелом едва ли не у самых ног. Мы тайно завидовали быстрому успеху и приключению, выпавшему на долю нашего предводителя.

Остальные стрелки пользовались другим источником света. На самодельном кронштейне под стволами или над ними закреплялся трехбатарейный цилиндрический фонарь. Задняя поверхность последней батарейки изолировалась резиновым кругом. Сквозь него пропускался тонкий проводок со снятой на конце изоляцией — контактом. Другой стороной проводок выводился наружу через дырку, сделанную в задней крышке фонаря, и заканчивался кольцом. Это проволочное кольцо со снятой изоляцией надевалось на большой палец левой руки. Фонарь беззвучно зажигался от прикосновения кольца к любой металлической части ружья. Свет получался вполне достаточный для прицельного выстрела.

В найденном ПзПз месте потом добыли ночью и свинью. С известием об удаче охотник явился в лагерь рано утром. Пока ходили к таджикам за ишаком и пригнали его, свинку нашли другие потребители. Мы вышли из-за поворота ущелья внезапно для пирующей стаи грифов, сипов и стервятников. Тяжело наевшиеся птицы в панике с трудом поднимались с туши метрах в двадцати от нас, видны были их испачканные кровью шеи и полные ужаса глаза. Падальщики сожрали не только свиные внутренности, но также изрядную часть окороков. Задержись мы еще на часок, и нам достались бы только голова и шкура свиньи.

Мне не везло, в ожидании кабанов я просидел в нише немало пустых ночей. В тот памятный вечер я ненадолго отключился, убаюканный шумом ручья. Сон был очень чуткий, я очнулся мгновенно, будто от толчка. Напротив меня, всего метрах в пятнадцати, возник громадный медведь. Поразила беззвучность, с которой он появился, а также стройность и тонкость фигуры животного, вовсе не похожего на зоопарковских увальней. На светлом фоне гальки он казался тенью.

Как на грех, кольцо включавшего фонарь проводочка слезло у меня с пальца. Пока я надел его, лучший момент для выстрела был упущен, медведь отошел на несколько шагов. Я поймал зверя лучом света чуть вдогонку и ударил ему в плечо из правого ствола.

Ответом был страшный рев, усиленный эхом и моим ночным одиночеством. Казалось, содрогнулось все вокруг, столько страха, боли и гнева слышалось в этих ужасных звуках. Со вторым выстрелом я не спешил; только когда стало ясно, что зверь на меня не пошел, а повернул назад, я ударил ему под лопатку из другого ствола. Он

опять страшно рывкнул и скрылся в темноте.

Крупного зверя надо бить тяжелой пулей. А я ждал свиней с поросятами, оба ствола ружья были заряжены картечью. Будь хоть в одном из них пуля, медведь, я думаю, тут бы и остался. Крови на месте выстрелов было много, но преследовать зверя ночью в одиночку я не решился.

Тропить подранка мы явились вторым рано утром. Один смотрел за следом, двое других шли по бокам с ружьями наготове. Медведь мог лежать за каждым из громадных валунов, заполнявших долину, но его кровавый след тянулся вверх, к перевалу. Через несколько часов кровь со следа стала исчезать, затем вовсе пропала, и мы потеряли надежду догнать зверя. Оставлять в горах подранка было очень неприятно. Я утешал себя, что медведь отлежится, что сделанные картечью раны не опасны и скоро заживут, но уверенности в том не было. Мы знали этого очень крупного зверя по следам, он оставлял на тропах невероятные по размеру кучи помета. Грех было лишиться долины Сарыхосора этих великанских украшений.

Своего первого кабана я добыл интересно, к тому же с помощью товарища. В сумерках мы с ПзПз заметили переходившее широкую пойму речки стадо свиней. Они были далеко, на пределе ружейного выстрела, но я встал для устойчивости на колено и ударил пулей. Зверь метнулся в кусты. Когда мы подошли ближе, ПзПз услышал в зарослях шорох и добил подранка.

Еще одна встреча с кабаном произошла у меня на облове, но сперва надо познакомить читателя с браконьерами из Нурека. Въезд в ущелье Сарыхосор был запрещен не для всех. К нашему лагерю подъехала как-то машина с охотниками. Большинство их работало на строительстве знаменитой в те годы Нурекской ГЭС на Вахше. Охотники они были серьезные и даже захватили с собой мясорубку для превращения кабанов в колбасу. В действии ее, впрочем, не видел.

Убедившись, что мешать мы им не собираемся, браконьеры пригласили нас устроить совместную облову. Цепь стрелков они расставили по длинному гребню; лежавшую под ним котловину, заросшую кустарником (по-местному — «джангалом»), проходили цепью опытные загонщики.

Охота получилась интересная. В горах особая акустика: крики загонщиков, многократно отраженные и усиленные, нарастали, звучали мощно и торжественно. С вершины гребня было хорошо и далеко видно. Впервые я наблюдал, как длинные тела кабанов металась глубоко внизу среди кустарников — похоже шмыгают блохи в редкой собачьей шерсти на брюхе. В загоне оказался и молодой медведь, но этот, как мяч, выкатился из котловины по самому крутому и потому неохраняемому участку.

Сверху просматривалось дно котловины, но склон оставался мне невидим. Шум загона нарастал. Стоявший наискосок сосед знаком показал, что звери идут. Я заглянул вниз: по крутому подъему на меня двигалась цепочка кабанов. Возглавляла ее огромная черная свинья, за ней следовали подсынки, потом опять крупная матка и свиньи поменьше.

Я решил завернуть животных вдоль стрелковой линии, в сторону товарища, который мечтал испытать по кабанам свой новый двустольный штуцер. Встречными выстрелами было страшно повернуть стадо назад в загон. Когда животные приблизились, я, не таясь, выскочил на край склона и зычно приветствовал их родительскими словами. Цепочка свиней как по заказу двинулась в нужную сторону. После неудачного дуплета, сделанного мною в угон, передовая свинья остановилась, но потом тяжело захромала дальше. Ее добил позднее другой охотник, на которого она пыталась броситься. Обидно, что все мои маневры были напрасны: устрашающего вида штуцер оказался неисправен, и его владелец упустил подставленных зверей.

По рабочей необходимости туши добытых зверей ПзПз с помощниками расчленил на отдельные мышцы, которые тщательно взвешивались, измерялись и зарисовывались, после чего поступали на кухню. Кормились мы исключительно мускулатурой, кости много часов вываривались и мацерировались в воде, старательно очищались от остатков мяса и поступали в коллекцию.

Смесь мяса и резаного лука постоянно вымачивалась в растворе уксуса, ведро с которым всегда стояло около костра. Каждый желающий брал проволоку или сырую ветку в роли шампура и делал себе над углями шашлык — хочешь один, а хочешь — десять. Для аппетита всегда можно было принять глоток спирта. Очень неплохо было запить пылавший жаром и перцем шашлык холодным и кислым от барбариса компотом или заесть виноградом. Мы имели возможность сравнить достоинства мяса разных зверей — суховатого козлиного, темного дикобразьего, жирного и нежного кабаньего. Такого мясного изобилия и разнообразия, как в Сарыхосоре, я не имел никогда в жизни.

На козорогов легче охотиться с нарезным оружием. У нас его не было, а нурекские браконьеры имели боевой карабин выпуска военного времени, явно сборный (ствол и затвор имели разные номера) и сильно разболтанный. У меня в запасе было несколько винтовочных патронов, и ветхое оружие мне иногда доверяли. С ним я и пошел вдоль скал высматривать козлов.

Мне повезло, скоро я добыл крупного козленка. Трофеем я прикрыл ветками от птиц-падальщиков и отправился дальше на поиск более ценной добычи. И она появилась: метров за 120 от

меня на скальный карниз вышел козерог-самец с редкостными по величине рогами. Для такого красавца я зарядил ружье единственным имевшимся у меня спортивным целевым патроном. Как в тире, я тщательно прицелился с упора, задержал дыхание и нажал спуск. Мощный толчок отдачи совпал с сильнейшим ударом — будто хлестнули по лицу прутьями. Глаза перестали видеть, в голове звенело. Чуть придя в себя, я потрогал лицо — мокро, приоткрыл один глаз — видит, второй — тоже. Лицо, руки и гимнастерка на груди оказались в крови. Я глянул на карабин и понял, что мне повезло: заднюю часть стебля затвора вместе с курком, бойком с ударником и боевой пружиной оторвало и бросило далеко назад, они чудом не свернули мне скулу. Ударили же по лицу прорвавшиеся назад пороховые газы, много дней потом я ходил рыбам от темневших под кожей поросин.

Я скорбел об упущенном рогатом красавце, хозяева оплакивали погибшее оружие. Об использованном целевом патроне я скромно умолчал, но позднее браконьеры мне отомстили. У убитого секача полагается сразу вырезать семенники и окружающие их придаточные железы, иначе мясо приобретает неприятный запах. Нурекцы убедили меня, что съесть кабаньи яйца — высокая честь для охотника, и подали готовый шашлык. Я попробовал и весь вечер плевался, до того омерзительным показалось мне их угощение.

Избытки кабанятины мы пытались заготавливать впрок. ПэПэ вспомнил древний способ консервации мяса армянскими крестьянами. Каурма — туго зажаренные в собственном жиру и жиром же залитые кусочки мяса. Ее заготовили чуть ли не молочную флягу, привезли в Ленинград, поделили, но в моей семье она имела успех только у собаки. Для избалованного горожанина каурма оказалась слишком жирной, жесткой и невкусной. Следующий раз решили мясо коптить, но в Сарыхосор мы больше не попали.

Прошло много лет, и сейчас я вспоминаю наши охотничьи подвиги без прежнего восторга. В молодые годы я был азартным охотником, жадным до удачного выстрела. А ныне не стал бы без крайней необходимости стрелять по медведю. Кабаны — другое дело, но и их, наверное, я бы жалел сейчас больше, чем раньше. Как мудро заведено Всевышним, люди в разном возрасте имеют иные предпочтения.

В глубину ущелья Сарыхосор добираться в те годы было трудно не только из-за слагабаума. Много километров приходилось ехать по опасно размытой дороге и прямо по гальке поймы с бродами через бурную речку. Богатство дичи в Сарыхосоре обеспечивалось уединенностью места, полузакрытым режимом ущелья и обилием лесных кормов. Но было еще одно важное обстоятельство: на кабанов не охотилось местное население. Не в почете у него были также дикобразы и медведи, но

кабанятина считалась самой нечистой и запретной пищей — «харом»! Нас привозили в Сарыхосор водители-таджики, и каждый раз возникали проблемы с их отдельным от нас питанием. Один из шоферов поднимал шум и отказывался от пищи, если она даже готовилась в посуде, где раньше побывала свинина. Он не желал притрагиваться к веревке, если с ее помощью тащили кабана или просто трогали руками, не мытыми после соприкосновения с поганой «чушкой».

Очень ценили таджики мясо диких коз, но насладиться им тоже мешала обрядовость. Добытым зверям и птицам мусульманин должен сразу перерезать горло. Резать шею убитого козерога поперек ПэПэ запрещал, но не возражал против разреза продольного (он не портил мускулатуру). Над казаном с готовым пловом разгорелся богословский спор: допустим ли продольный разрез шеи? Пошли к соседу-старика, и тот признал такую козлятину «нечистой». Под завистливые взгляды шоферов плов с удовольствием съели мы.

Наши водители были молодыми мужиками, недавно отслужившими в армии, где им приходилось есть все без разбора. По-видимому, армейское питание не способно было поколебать

традиционное и не оказывало желаемого воздействия на души солдат из мусульманских частей страны.

Один из наших водителей был приятный парень, другой вел себя агрессивно и грубо. Обращались с ним очень дружелюбно, хорошо платили и не загружали работой, а он додумал нас бесконечными придирками и скандалами. Под конец я не выдержал, взял его за грудки и объяснил, что терпение мое кончилось. Он тут же сник и угомонился.

Мы были чужаками, но в экспедиции участвовали и местные русские, опытные и решительные люди, занимавшие высокое служебное положение. Меня удивило, что они не одергивали зарвавшегося хама, а терпели его выходки. Или уже в те годы считался нежелательным конфликт между русской по составу экспедицией и таджиком-шофером?

В моем понимании Сарыхосор — это рай на земле. Будь я Адамом, то непременно привел бы сюда Еву и обосновался для счастливой и долгой жизни. Более благодатных мест видеть мне не довелось. Здесь всего в достатке: орехов и вольно растущих фруктов, диких зверей и птиц для охоты, тепла большую часть года, живописнейшим летом тени и чудесных дров на случай зимнего холода. Быстрая речка, одно из верховьев Кызылсу, поит чистой и холодной горной водой. Речка неглубока, но в летнюю жару легко выкопать в русле яму и принимать ванны. По широкой речной пойме можно бродить часами и собирать замечательные камни — синие лазуриты, красные яшмы и гальки с причудливым узором из неведомых мне пород.

Сарыхосор — это тишина. В моем очерке шумят облавы и гремят выстрелы, но наш приезд лишь на миг нарушил покой ущелья. Да и то, стоило отойти от лагеря, и тебя охватывало чувство покоя и одиночества. Вечные звуки тут — журчание речки, шум деревьев под ветром и голоса птиц. Утром с окрестных склонов звучали мелодичные крики кекликов: их говорливые стайки с шумом взлетали и на неподвижных крыльях планировали вниз на водопой. Ночью, если повезет, можно было слышать хрюканье и визг поросят, утробный рык секача, странный голос дикобраза да возню туркестанской крысы в опавших листьях.

Сарыхосор — это рай, но на вечное блаженство он не рассчитан. Мы знали его в лучшее время, когда окультуренную человеком землю внезапно лишили жителей и она вновь была отдана дикой природе. Сейчас, наверно, все иначе. Кровавая смута, поразившая Таджикистан, не могла миновать ущелья Сарыхосор. В его глухих безлюдных уголках удобно прятаться, но еще удобнее, наверно, безнаказанно убивать. Для Адама и Евы сейчас там не место. Не место и для любителей природы и охоты из России, поэтому точный «адрес» ущелья я не сообщаю.

Рисунки Б. Игнатьева





# Дикие мои звери

Евгений МАРТЫНОВ



## Еж

Его не просто в руки взять —  
Свернется и пыхтит невнятно:  
Опасно людям доверять,  
А это и ежу понятно.

Но все ж не трусит он всерьез.  
Не будет долго недотрогой.  
Покажет мокрый черный нос:  
Позволь идти своей дорогой.

А раз я просекой лесной  
Под вечер прибирался тихо.  
И вижу — впереди трусцой  
Вразвалку семенит ежиха.

И пять воспитанных ежат  
Гуськом за матерью спешат.

## Горностай

Он гибкий, маленький и смелый.  
И, надо думать, неспроста,  
Что он зимою чисто-белый,  
Лишь с черным кончиком хвоста.

В нору и в щель пролезет ловко  
Гроза полевок и мышей.  
А их ловить нужна сноровка,  
Как и лягушек, и ужей.

Умеет он добыть и птицу.  
В лесу, подкравшись втихаря,  
Вдруг мертвой хваткою вцепиться  
Способен даже в глухаря.

А в мошнике немало весу.  
Каков итог — поди узнай!  
Но кто-то видел, как по лесу  
Летит на птице горностай.

## Волки

Когда во мгlistой полутьме ночной  
В лесном урочище, ни с чем не схоже,  
Послышится протяжный волчий вой —  
Мороз невольно пробежит по коже.

Потом вольются в дикий этот стон  
Другие голоса аккордом слитным.  
И вот звучит, на диво в унисон,  
Ночная песня зовом первобытным.

Душе охотника она близка.  
В ней слаженность симфонии  
природной.  
В ней жалоба, угроза и тоска.  
В ней сила стаи, дружной и свободной.

## Белка

Ее узнаешь без труда,  
В зеленом ельнике встречая:  
Все лето рыжая она,  
Зимою серо-голубая,  
Но белогрудая всегда.

Когда под елью «на полу»  
Услышит шорох чутким ухом,  
То, как ракета, по стволу  
Взлетит наверх единым духом.

Она умелый верхолаз  
И попрыгунья-непоседа.  
Мелькнет и скроется из глаз,  
Исчезнет, не оставив следа.

Найдется время ей потом  
На ветке отдохнуть немножко:  
Сидит с опущенным хвостом  
И умывается, как кошка.

## Барсук

Где бугры и косогоры  
И овраг лесистый,  
Там устраивает норы  
Серый зверь когтистый.

Он квартиру под землю  
Строит аккуратно.  
В ней и летом, и зимою  
Чисто и опрятно.

Летом в ней весь день проводит.  
Ночью — на охоту  
Осторожно он выходит  
К ближнему болоту.

Можно там поймать лягушек,  
А в лесу порыться  
И добыть мышей-норушек.  
Все к столу годится.  
А зимою жить не трудно,  
И в своем чертоге  
Спит хозяин беспробудно,  
Как медведь в берлоге.

## Бобр речной

В вечернем сумраке долины,  
В тиши бобрового пруда  
У зверем строенной плотины  
Вдруг заволнуется вода.

Покинув водную обитель,  
Иным бездельникам пример,  
Выходит на берег строитель —  
Природы мудрый инженер.

Его мы не увидим с вами:  
В тумане скрыт упорный труд.  
Под острыми его зубами  
К воде деревья упадут.

И возникает сеть строений  
Из веток ветел и осин,  
Речного зодчего творений —  
Ансамбль хаток и плотин.

## Медведь бурый

Не каждому удастся подсмотреть:  
Где разбрелись осины, сосны, ели —  
Под их зеленым пологом медведь  
Шатается, как будто бы без цели.

Но не совсем, конечно, это так.  
Бездельников в природе не бывает.  
И дело знает сей большой простак,  
И, как и всем, ему забот хватает.

Любитель он покушать и поспать.  
Но каждое занятие — для сезона.  
Все лето обречен еду искать,  
И долго спать при этом нет резона.  
Лицинок полон каждый старый пень  
На вырубке иль у лесной опушки.  
И если поохотиться не лень —  
К твоим услугам мыши и лягушки.

Деликатесы зная все окрест,  
Обходит он свое лесное царство.  
То падаль протухающую съест,  
То муравьев разроет государство.  
А ягоды — и нечего искать:  
Все лето их — сплошное

Эльдорадо.

Придет овсы он осенью топтать  
И изжует метелок сколько надо.  
Зато потом приходит время спать.  
Заляжет капитально он в берлогу.  
И тут придется лапу лишь сосать,  
Неясно только — «руку» или «ногу».

Сосет во сне он лапу или нет?  
Друзья, вы в это верьте или  
не верьте,  
Но, чтобы получить на то ответ,  
Прошу, пожалуйста, проверьте!



Фото А. Севастьянова

# Международному совету по охоте - 70 лет

**А. УЛИТИН,**  
доктор биологических наук,  
**Е. СЫРОЕЧКОВСКИЙ,** академик,  
**Э. РОГАЧЕВА,** профессор,  
**Е. СЫРОЕЧКОВСКИЙ** (младший),  
кандидат биологических наук

В 1930 г. в Париже был создан Международный совет по охоте и охране дикой природы (МСООД). Его основали охотники из 28 стран во главе с французом М. Дюкроком, которые уже тогда поняли, что будущее охоты зависит от рационального использования и охраны дичи и ее местообитаний и что обмен опытом в этом плане поможет избежать ошибок в использовании охотничьих ресурсов. С тех пор МСООД остался верен этой основной идее — представлять собой наднациональный консультативный орган для охотников и тех, кто управляет охотничьим хозяйством отдельных стран.

МСООД — международная неправительственная и неполитическая организация, работающая в кооперации с Международным советом охраны природы. В нем около 1100 индивидуальных членов и более 75 стран-членов. Его работа направлена на то, чтобы на основе научных исследований налаживать управление дикими животными и их охрану в естественных местообитаниях. В эту организацию входят государственные чиновники, отвечающие за развитие охоты, научные эксперты, представители охотничьих организаций и отдельные охотники. Члены МСООД из каждой страны образуют национальную делегацию с собственным статусом и своей сферой деятельности. С другой стороны, эксперты из разных стран работают в составе комиссий и рабочих групп.

Перед вступлением в МСООД каждый новый член должен подтвердить свое согласие с «Фундаментальными принципами МСООД», которые состоят в следующем. Охота понимается как разумная эксплуатация природных ресурсов. Эти ресурсы — капитал, который должен быть передан будущим поколениям. Его нужно восстановить, если он пострадал в процессе использования, и в дальнейшем использовать лишь доход от этого капитала. Современная спортивная охота может быть лишь частью разумного управления природой, основанного на научных знаниях. Деятельность охотника должна быть основана на точных этических правилах, которые он должен знать в совершенстве, чтобы взвесить тяжесть своей ответственности.

Высшими органами МСООД являются Генеральная Ассамблея (ежегодное собрание членов) и Административный совет, который состоит из президента, вице-президента, генерального администратора (теперь менеджера), генерального секретаря, советников по разным вопросам, руководителей на-

циональных делегаций и президентов комиссий. Бессменный глава Российской делегации — председатель ассоциации «Росохотрыболовсоюз» А. А. Улитин.

Штаб-квартира МСООД до последнего времени находилась в Париже. В 1999 г., по приглашению венгерского правительства, она перебазировалась в Будапешт, сохранив часть парижского офиса с одним сотрудником. Венгерское правительство взяло на себя все расходы по содержанию офиса МСООД в течение 6 лет, включая расходы на содержание аппарата, состоящего с 2000 г. из трех молодых сотрудников, хорошо владеющих несколькими языками и компьютерной техникой.

МСООД имеет 3 официальных языка: французский, английский и немецкий. На Генеральных Ассамблеях обеспечивается синхронный перевод на этих языках. Финансирование МСООД происходит за счет членских взносов и добровольных пожертвований спонсоров.

В настоящее время МСООД действует более чем в 80 странах. Делегации МСООД существуют во всех странах Европы, Канаде, США, некоторых латиноамериканских странах (Мексике, Аргентине и др.), а также во многих странах Африки и некоторых странах Азии. Сейчас просят о приеме в члены МСООД Корея и Иордания. МСООД поддерживает связи со многими другими странами — в основном в связи с необходимостью охраны исчезающих видов крупной дичи (африканских носорогов, некоторых антилоп и др.).

МСООД с помощью своих комиссий проводит координацию исследований по биологии многих видов охотничьих животных и помогает во внедрении полученных результатов в охотничье законодательство разных стран. Для этого проводятся международные симпозиумы, которые посвящены наиболее важным проблемам охотничьего хозяйства. Так, ассоциация «Росохотрыболовсоюз», которая с 1989 г. является коллективным членом МСООД, организовала в 1990 г. в Сыктывкаре 3-й Международный симпозиум по лосю, а в 1993 г. — Международный семинар по экологии, этологии и добыче бурого медведя в России. В 1990 г. в Иркутске Академией наук, Главохотой РСФСР и Росохотрыболовсоюзом было проведено заседание Президиума МСООД, посвященное совершенствованию сотрудничества этой организации с российскими охотничьими и научными учреждениями. На этом заседании президент МСООД принц Рейс Генрих III вручил Е. Е. Сыроечковскому высшую награду МСООД — Большую Золотую медаль за заслуги в области охраны и рационального использования охотничьих животных.

МСООД может инициировать, поддерживать и финансировать исследования по научным проблемам или сроч-

ные проекты по охране природы (например, охрана орикса в Аравии, лани и серны — в Турции, проект по серой куропатке).

МСООД выступает в качестве наблюдателя при главных международных природоохранных конвенциях (Конвенция по международной торговле видами дикой фауны и флоры (CITES), Боннская конвенция по охране мигрирующих видов, Рамсарская конвенция по охране водно-болотных угодий и др.). МСООД является также наблюдателем в ряде межправительственных организаций системы ООН.

Основные комиссии МСООД: Комиссия по крупной дичи Голарктики — одна из самых важных комиссий, Комиссия по мелкой дичи (зайцы, серая куропатка, фазан и др.), Комиссия по мигрирующим птицам, Комиссия по тропической дичи.

Рабочая группа традиционных псовых охот (борзые, гончие) пропагандирует сведения о псовых охотах как экологическом виде охоты, связанном обычно с самыми древними традициями той или иной страны.

Существует и Рабочая группа охоты с другими породами собак.

Рабочая группа соколиной охоты и охраны хищных птиц также связана с древнейшим традиционным видом охоты и усиленно его пропагандирует. Помимо природоохранной деятельности, она дает практические советы по проблемам, связанным с охотой с ловчими птицами, — например, по вопросам дрессировки соколов, выращиванию дрофы-красотки (как объекта охоты) и др.

Комиссия «Информация и окружающая среда» играет роль посредника между охотниками и общественным мнением.

На 47-й Генеральной Ассамблее CIC в Берлине (2000 г.) была создана специальная Рабочая группа по охотничьей этике. Недавно создана также чрезвычайно важная Рабочая группа по налаживанию связей с «антиохотниками», которых становится все больше, особенно в Европе.

Комиссия «Охота в искусстве» организует экскурсии и выставки, чтобы дать возможность людям убедиться в серьезном значении охоты в развитии мировой культуры, показать богатство культурно-охотничьего наследия в национальных традициях различных эпох и стран.

Комиссия «Выставки трофеев» старается показать особую важность организации выставок охотничьих трофеев.

Комиссия «Фотоохота» организует конкурсы и выставки, чтобы общественность лучше понимала красоту природы.

В течение двух последних лет происходит перестройка деятельности МСООД. Необходимость ее давно назрела, но практические действия нача-



лись с избранием в 1999 г. на 46-й Генеральной Ассамблее в Милане нового президента — д-ра Дитера Шрамма, который энергично взялся за необходимые преобразования.

Особой сложностью является то, что во многих странах бурно развиваются антиохотничьи настроения. В некоторых парламентах Европы рассматривается вопрос о полном закрытии охоты. Как выразился новый президент МСООД д-р Д. Шрамм, главное для МСООД — это преодолеть «конфронтацию с целым миром». В докладе на Ассамблее в Берлине д-р Д. Шрамм говорил о том, что во всем мире охрана и использование природных ресурсов все в большей мере регулируются многосторонними соглашениями на международном уровне (Рамсарская, Боннская, Бернская конвенции и др.). В последние годы значение этих конвенций резко усилилось. Ими охвачены почти все страны, все соглашения принимаются на регулярных сессиях, принятые обязательства быстро включаются в национальные законодательства. В результате в большинстве стран быстро растет число неправительственных организаций, большинство которых отрицательно относятся к охоте. Специалисты по охране природы доминируют на трибунах международных форумов; они компетентны, превосходно научно подкованы и очень влиятельны в правительственных организациях. Охотничьи же организации на этих форумах, как правило, малоактивны и недостаточно хорошо подготовлены к профессиональным дискуссиям, их действия не координированы. Между тем МСООД уже сейчас претендует на звание консультанта правительств многих стран по проблемам охоты и охотничьей политики. В ближайшие годы предполагается превратить МСООД в лидирующий авторитет в международной охотничьей политике.

Одним из новых направлений деятельности МСООД в ближайшие годы будет поддержка, в рамках 10-летней программы ЮНЕСКО, малочисленных охотничьих народов, для которых охота до сих пор составляет основу их существования и выживания. Именно этой программе была посвящена 47-я Ассамблея МСООД в Берлине. На ней, совместно с Обществом исчезающих народов, была принята декларация о необходимости объединения действий правительств разных стран, организаций по правам человека и природоохранных организаций для всемерной поддержки вымирающих охотничьих народов и обеспечения им возможности вести свой традиционный образ жизни в условиях дикой природы. Эта проблема особенно важна для России, где традиционное хозяйство, связанное с охотой, до сих пор является основой выживания более чем 30 коренных народов. Доклад на эту тему на Ассамблее в Берлине был сделан Е. Е. Сыроечковским младшим.

# Испытания гончих

**И. СЛЕСАРЕНКО,**  
эксперт-кинолог  
Всесоюзной категории

Охотничий клуб «Русский ветер» провел в Санкт-Петербурге отборочные испытания англо-русских гончих по зайцу-беляку и лисице. Президент клуба Инна Владимировна Кулькова объединила в клубе борзых и англо-русских гончих и решила добиться возрождения комплектных охот. Естественно, сначала ставится задача повысить рабочие качества гончих. Приняли на испытания также и русских гончих.

лучил смывок англо-русских гончих (Ипатов), диплом III степени по лисице — выжловка Альма. Дипломами по зайцу-беляку были награждены и русские гончие: Зухра (Кожина) — II степени, Дик (Ходченкова) — III степени и Бушуй-Жигун (Смирнова) — III степени.

Русские гончие по рабочим качествам превосходили англо-русских. Остается надеяться, что рабочие качества англо-русских гончих будут улучшены.

Особое внимание следует обратить на работу гончих по лисице. Работала по ней только одна гончая. Это плохо. Поэтому, думаю, статья А. Шарафуди-



Только англо-русская выжловка Альма успешно работала по лисице

Фото автора

Чтобы гончие не оставались без подъема зверя, в Положении об испытаниях время на подъем было увеличено до 3 часов, с чередованием номеров по часу. Номера определялись жеребьевкой.

Проводились испытания в угодьях Куркиюкского охотничьего хозяйства в Карелии, вблизи деревни Асино. В угодьях было достаточно зайца-беляка и лисицы, но в старых буреломных смешанных лесах на невысоких горах и в низинах, густо поросших разнотравьем и кустарниками, находить зверя было трудно, несмотря на то, что влажная погода и температура воздуха в пределах 8—10 °С благоприятствовали испытаниям. Еще не выцветшие зайцы лежали так плотно, что некоторые гончие остались без подъема.

Всего в испытаниях участвовали 15 гончих: 9 англо-русских и 6 русских. Диплом II степени по зайцу-беляку по-

нова в журнале «Охота и охотничье хозяйство» (№ 12, 2000) своевременна и полезна. Она подняла наболевшие у охотников вопросы по правилам испытаний. Авторы правил испытаний создают не охотничью гончую, а спортивную. Такие правила не могут привести к положительным результатам. Красногоны на Руси всегда были в почете, а действующие правила дискредитируют их. Если не исправить это положение сейчас, в будущем придется очень много работать, чтобы восстановить славу гончих к лисице. Есть ли ныне гончие, которые работают по волку?.. Я решительно поддерживаю мнение А. Шарафудинова и в том, чтобы обсуждение изменений правил испытаний проводилось общественностью шире, чем это делалось до сих пор. Изменения правил по тем или иным элементам работы гончих принимать следовало бы на собраниях кинологов-гончатников.





Уважаемая редакция! Пишет вам жена охотника. Очень прошу опубликовать фотографию моего мужа Педошенко Андрея. Хочу сделать ему подарок в честь юбилея нашей совместной жизни и на день его рождения и проявить тем самым свое понимание и уважение к любимому занятию мужа. Знаю, как ему будет приятно увидеть свою фотографию в любимом журнале.

**Д. ПЕДОШЕНКО**  
Ростовская обл.



Здравствуйте, уважаемая редакция! Я — охотник-любитель с юных лет. Мне уже исполнилось 72 года, но я еще хожу на охоту с молодыми охотниками и прохожу с ними по 30, а то и больше километров. Держу охотничьих собак. В нашем лесу есть заяц и лисица, редко появляется енот. Развелось очень много бобра. А вот кабанов и лосей мы не видим, хотя раньше их было полно.

Охотником я стал с 1946 года. Ружья у меня тогда не было. Лисицу и зайца ловил петлями и сдавал в заготконтору. Взамен я получал муку и другие продукты. Сейчас пушнину никто не принимает. Очень жаль, что она стала нашему государству не нужна.

В 1948 году сумел наконец купить одноствольное ружье 16 калибра тульского производства. Потом меня призвали в армию. После демобилизации и по сей день я занимаюсь охотой. Хочу рассказать вам случай, как я взял лису из-под барсука.

Пошли мы как-то в январе с моим соседом В. Н. Мutowым на охоту. Собаки нашли лисицу и пошли прямым ходом в лес. Лиса понорилась, собаки вернулись обратно. Быстро нашли вторую лису. Гон был хороший, я на лыжах пошел в лес к норам. Остановился и стою рядом с норами, слушаю голоса собак. Минут через двадцать слышу, кто-то в норе фыркает. Через несколько минут выскакивает лисовин, но лишь наполовину своего туловища. Увидел он меня и задом обратно в нору.

Я взял на прицел зверя, расстояние было метров 30. Но лисовин только покажет голову и назад, а в норе барсук фыркает. Так повторялось несколько раз. Решил сделать выстрел с опережением на 10 см по норе (снегу было полно). Заряд попал лисовину в голову. Пришлось с большим трудом доставать его из норы. Лево́й рукой держался за край земли со снегом, а правой кое-как ухватил за мех зверька. Вылезти самому из крутой норы было не так-то легко.

Вот такой у меня был случай, многие друзья удивлялись такой необычной охоте.

**Н. СТРЕЛЬЦОВ**  
Курская обл.

Здравствуйте, уважаемая редакция! Решил написать вам письмо после просмотра старых номеров журнала «Охота и охотничье хозяйство». Перечитал статью В. Лобачева «Западносибирская лайка сегодня». К сожалению, в ней не указано, что в Екатеринбурге тоже есть хорошая и большая секция охотничьего собаководства. Там ежегодно проводят областные выставки.

Посылаю вам фотографию своей ЛЗС по кличке Грей, которую я приобрел в Екатеринбурге в 1994 году у заводчика С. Журбина. Его статья выходила в вашем журнале (№ 9—10 за 1992 г.).



Журбин давал гарантию, что Грей пойдет по мелочи месяцев в семь, а он начал облаивать белку уже в пять месяцев. Это очень умная собака, злобная, напористая. В № 5 за 1991 год напечатана фотография ЛЗС Дымки Л. Маслова — чемпионки состязаний. Так это бабushка моего Грея по отцовской линии.

Хотелось, чтобы в журнале больше печаталось статей об этой породе собак, и не только специалистов, но и любителей-собаководов.

Если не жалко, опубликуйте фотографию моей собаки.

**Е. ИСУПОВ**  
г. Североуральск

Здравствуйте, уважаемая редакция! Пишет вам Люба. Мне 11 лет. Мой папа — охотник и не может жить без охоты. Когда ему скучно, он достает из сейфа ружье или карабин, сидит, разглядывает, чистит их, грустит... В обществе охотников он с 1975 года. У нас дома есть пикинес Юся, и папа постоянно говорит ей: «Юся, а Юся, ну почему ты не охотничья?»

Я мечтаю, чтобы мой папа наконец купил себе ягдтерьера. Мы каждый вечер читаем с ним ваши журналы, я бы хотела что-нибудь почитать о ягдтерьерах. Прошу поместить мое письмо в журнале.

**ГЛАЗКОВА Люба**  
Волгоградская обл.

Здравствуйте, уважаемая редакция! В журнале № 10-2000 г. была опубликована фотография ставропольских охотников с отстрелянными ими волками. Конечно, отстрелять четырех волков сразу — это большая удача.

Вот и у нас в Спас-Даменском районе Калужской области было отстреляно десять волков по чернотропу за три облавных охоты. Организатором этих охот был глава администрации Бузанов В. А. Большую работу по обнаружению и отстрелу хищников провели: председатель ООиР Федоров В. А., охотовед Лоль А. И., егерь Бузылев А. И., а также коллектив охотников района.

Если можно, опубликуйте нашу фотографию на страницах любимого журнала.

**В. ФЕДОРНОВ**  
Калужская обл.



## ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ





Уважаемый редактор тов. Гусев О. К., а также М. М. Блюм, М. В. Булгаков, Г. В. Висящев, Т. А. Волжина, Л. А. Гибет, В. В. Дежкин, Р. В. Дормидонтов, А. М. Лаврова, В. Г. Сафонов, К. П. Савельева, А. А. Севастьянов, А. А. Улитин, В. Е. Флинт, В. Б. Чернышев, И. И. Полосухина, Т. В. Баженов, М. Л. Кнерцер, Э. С. Корчагина!

Я — жена охотника. У моего мужа большой опыт охоты, но речь не о нем. Уже много-много лет у нас живут собаки — ягдтерьеры. Всю жизнь выписываем мы ваш журнал. Читаем от корки до корки. Но!!! Очень мало информации о ягдтерьерах. Конечно, не все охотники любят эту породу, но если уж полюбят, то на всю жизнь. Некоторым не нравится их нрав, темперамент, а мы от них без ума!

Какая информация в журнале — гончие, лайки, таксы, опять лайки, легавые... Где ягдтерьеры? У нас много литературы об этой породе, о них мы знаем практически все. Но хотели бы почитать и в вашем журнале. И еще, напечатайте, пожалуйста, хорошую фотографию ягдтерьера на первой странице обложки. Ни разу у вас такой фотографии не было. Если вы напечатаете такую фотографию, я ее помещу в рамочку.

Да, эта порода для терпеливых, азартных, опытных охотников, каким и является любимый мой муж.

Посылаю вам фотографию наших милых собак, я вот только вышла не очень удачно, не такая уж я толстая, как на этом фото...

Е. РОМАНОВА  
Московская обл.

Здравствуйте, уважаемая редакция! Первый журнал «Охота и охотничье хозяйство» я купил в киоске в 1958 году, после чего стал его искать, но мне сказали, что в киоски он не поступает, зато можно выписать. С тех пор я его выписываю ежегодно, без пропусков. Благодаря вашему журналу я научился делать ложки к ружьям и капканы. Из литературного раздела больше всего нравятся рассказы Юрия и Валерия Янковских — в них нет никакой лапши, считаешь, будто сам побывал на этих охотах. Сам я иногда пишу стихи, и мне хотелось бы немного вас позабавить, послав небольшое стихотворение, которое можно назвать «Ворчливая жена».

Каким ты был, таким остался,  
Охотник старый и дурной,  
Всегда пустым ты возвращался,  
Продрав штаны или хромой.  
На то всегда была причина:

Попа дорогой повстречал,  
С пустым ведром прошла дивчина,  
Дорогу кот перебежал...  
То ружье дает осечки,  
То потерял кобель свой нюх.  
Уж лучше б ты лежал на печке,  
Охотник-горе и пентюх!  
Г. А. ЗАХАРОВ  
Нижегородская обл.

Здравствуйте, Уважаемая редакция нашего любимого семейного журнала! Пишет вам жена и мама охотников-рыболовов. Хочу рассказать о своем сыне и муже.

Мой муж, Владимир Павленко, очень любит природу, с ранних лет увлекается охотой и рыбалкой, в нашей библиотеке ваши журналы хранятся с 1961 года. Любовь к природе он передал и нашему сыну Никите. Теперь они «не разлей вода» — везде вместе. Сыну в октябре исполнится 12 лет, а у мужа в ноябре будет юбилей. Напечатайте, пожалуйста, их фотографию, это будет для них дорогим подарком.

Т. ПАВЛЕНКО  
Тюменская обл.



## Охотники, заготовители, предприниматели!

Покупаем за наличный и безналичный расчёт шкурки и хвосты беличьих, колонковые. Оплату поставленного Вами сырья, расходов по пересылке гарантируем в кратчайшие сроки.

610004 г. Киров, ул. Р. Люксембург, 23  
тел. (8332) 62-94-27, факс 69-03-22.  
E-mail: chief@brush.kirov.ru

**КМ**  
\* ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ МАТЕРИАЛЫ \*

ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ



## ОДИН ШАГ ДО НЕСЧАСТЬЯ

Во второй половине августа мне позвонил приятель и сказал, что в ближайшую пятницу собирается с сыном на три дня в деревню, помочь старенькой маме по хозяйству. Они охотиться не будут и ружья не берут — дел много, а вот если у меня есть желание, он приглашает нас с братом, тоже охотником, и спаниелем Джоем в гости. Я хорошо знал богатые болотной дичью угодья под Владимиром, недалеко от поймы реки Клязьмы.

Горьковское шоссе оказалось довольно свободным, и уже к обеду мы были в деревне. Быстренько разгрузились, перекусили и решили с братом доехать до поймы, проверить знакомые угодья.

Прямо от деревеньки, где мы оставили машину, спустились в бескрайнюю пойму и сразу увидели большую мокрую выкошенную низину, вытопанную скотиной. Направились прямо к ней. Джой впереди заносился челноком, задирая нос вверх... Прямо с краю низины сорвались сразу с десяток бекасов. Два торопливых дуплета — и пара шустрых птиц упала. И тут от грохота наших выстрелов бекасы стали вырываться, что называется, пачками — по нашим прикидкам, их поднялось больше полсотни. Мы уже сталкивались с такими высыпками на кормных местах, но все равно малость ошалели от такого количества дичи. Джой носился по низине, тоже совершенно ошавший от обилия запахов, и даже не сразу нашел и подал нам сбитых птиц. Низина, конечно, уже была пустой, а стая носилась над просторами поймы, то уходя куда-то вдаль, то возвращаясь обратно... Количество бекасов в стае уменьшалось, птицы рассаживались по другим мокрым низинам. Это было то, что нам надо! Джой заработал спокойнее и начал «выковыривать» птиц поодиночке. Надо сказать, что перемещенные бекасы сидели довольно крепко и ушастик приходилось использовать все свое умение и чутье. За несколько часов охоты мы взяли десяток бекасов, трех коростелей, одну крякву и двух вальдшнепов. И набродились, и настрелялись досыта! Повесили ружья на плечи, вылезли на сухое и краем пошли к машине.

Михаил и Николай ахнули, увидев наши трофеи. На девятнадцатилетнего Николая, начинающего охотника, добытая дичь произвела особенно сильное впечатление; он внимательно разглядывал каждую птицу, расправлял крылья и только что не обнюхивал... Я его прекрасно понимал, сам в молодости был такой. Пока мы щипали дичь и готовили ее к жарке, Николай куда-то ушел. Вернулся он через полчаса с ружьем и стареньким патронташем — стало ясно, что парень собрался завтра утром с нами на охоту. Мы с братом охотились со спаниелем уже несколько лет, и у нас был свой слаженный коллектив из двух охотников и собаки. Я считаю, что больше двух человек с подружейной собакой охотиться не должны — это опасно, особенно при плохой видимости, ведь охотничий азарт зачастую бывает неуправляем и последствия могут быть печальными. Поэтому брать третьего, случайного, совсем неопытного охотника у меня желания не было. Но сразу огорчать отказом не хотелось, и мы решили посмотреть принесенное ружье. Оно оказалось фирмы Лебо, произведено на свет при царе Горохе, удивительно изящное по исполнению, с прекрасно сохранившейся ложей из ореха с необыкновенной по красоте фактурой. Но все остальное проржавело и было в совершенно плачевном состоянии. Особенно нас смущали замки: у них явно была склонность к самопроизвольному срабатыва-

нию без нажатия на спусковой крючок. Все это мы показали и объяснили отцу и сыну и предложили вернуть ружье хозяину. Николай сказал, что отдаст его обратно приятелю. Потом было дружеское застолье с обилием дичи, домашних солений и разных «медовух».

Утром проснулись рано и решили идти до поймы пешком вдоль небольшой сильно заросшей речки поискать уток. Получилось! Пока лезли по зарослям, с помощью Джоя взяли трех чирков и крякву. Затем с кормной низины опять согнали стаю бекасов — и началась наша любимая охота по болотной дичи... Джой работал отлично, и мы постреляли вдоволь. Становилось жарковато, комары озверели, и мы решили возвращаться домой, а по пути проверить другой берег речки. Снова вылезли на сухое и потопали, наслаждаясь чудесной погодой и твердой землей под ногами... Неожиданно прямо впереди нас и совсем недалеко грохнул выстрел. Мы не встречали охотников, и нас заинтересовало, кто бы это мог быть. Вышли на поляну и увидели сидящего на кочке к нам спиной Николая, который разглядывал какую-то небольшую птицу. Значит, душа начинающего охотника не выдержала, и он пошел на охоту один с этим расхлябанным и раздолбанным ружьем. Решили подойти, топая-то мимо. Парень был так увлечен созерцанием убитого дрозда, что сразу и не услышал, как мы подошли, ружье лежало у него на коленях. Брат шагнул рядом со мной справа, Джой немного отстал. Мы остановились метрах в двух почти напротив Николая, когда он вдруг встрепенулся и резко повернулся в нашу сторону. Я успел только увидеть, что концы стволов ружья «нацелились» прямо в ноги брату, и мгновенно рванул его за руку к себе... Грохот выстрела ударил в уши, полетели комья земли, и почти у самой ноги брата в дерне образовалась дыра с кулак величиной. Мы устали на Николая, который сидел совершенно неподвижно с белым, как бумага, лицом. Я думаю, что наши физиономии были такими же. Мы даже не отмятукали парня, он свое получил и думаю, что запомнил происшедшее на всю жизнь. Мы с братом тоже. Повернулись и пошли прочь от страшного места. Молча прошагали немного и сели покурить, ноги плохо слушались, и нас трясло. Брат показал мне сапог, на резине которого чуть выше лодыжки остались черточки, следы скользнувшей дробы. Еще чуть правее на несколько сантиметров, и заряд дробы на таком расстоянии просто бы отсек низ ноги. Только теперь мы поняли, какая страшная трагедия могла произойти, поднялись и медленно зашагали к деревне, искать уток уже не хотелось.

Ю. ШЕВЯКОВ

## С ПОЧИНОМ

Рюкзак так оттягивает плечи, что, кажется, все — терпению пришел конец. Кто-то упрямо нашептывает на ухо: «Брось, ну зачем тебе все это нужно? Сидел бы спокойно дома...» Так каждый раз, когда становится невыносимо тяжело. Тут главное не поддаться, перетерпеть.

Напарник идет немного впереди, он промысловик с приличным стажем, а меня в тайгу взял за компанию, знает, что я ему не конкурент. Вдвоем приятнее коротать длинный промысловый сезон. Мы практически одногодки, только, пока я постигал науку промысла в аудиториях, он ее на практике изучал.

Надо как-то отвлечься от непомерного груза за спиной, постараться забыть про тяжесть, которая давит, сгибая колени. Когда же перекур? Вроде идем целую вечность, даже разговаривать перестали, кажется, что с каждым сказанным словом уходят последние силы. Наконец напарник останавливается подле огромного поваленного дерева, приставляет к нему рюкзак и вылезает из лапмок — с земли потом не поднять. Я повторяю его дей-



ствия. Как только плечи освобождаются от груза, чувствуешь себя шестикрылым Серафимом.

Закурить невозможно — подташнивает. Как Костя курит? Привычка таежника. Пытаюсь казаться безразличным, спрашиваю:

— Далеко еще?

Костя смотрит вперед, по сторонам, зачем-то на небо.

— Да нет, чуток осталось, почти пришли. Что, притомился?

Наконец и я прикуриваю, дым почему-то кажется противно-сладковатым.

— Есть маленько, но пока терпимо...

Спустившись к ручью, встаю на колени и, зачерпывая ладошкой, жадно пью пахнущую осенней листвою воду. Кажется, что перекур пролетает мгновенно. Костя тушит папиросу, глубоко загоняя ее каблуком в землю.

— Ну что, поехали? До темноты успеть надо, а то по колоднику идти будет плохо.

Снова впрягаемся в рюкзаки. Костина спина маячит впереди, стараюсь глядеть под ноги, чтобы не споткнуться обо что-нибудь, с такой котомкой потом не поднимешься. Чувствую какое-то движение и поднимаю голову. Минуту назад равномерно, как робот, шагавший Костя торопливо сбрасывает на землю рюкзак и с лаем бежит вперед... От испуга и изумления не могу вымолвить ни слова. В голове молнией проносится мысли: «Все, крыша поехала — белая горячка. Зря мы вчера так много выпили, когда ребята нас в тайгу провожали. Так откуда я мог знать, что ему нельзя? Как же я один зимовье найду, если он в тайгу убежит?» Открываю рот, хочу крикнуть, но вырывается какой-то жалобный и молящий стон: «К-о-о-стя...»

Тем временем напарник, продолжая хрипло лаять, как сорвавший голос гончак, сворачивает с тропы и, пробежав немного по склону, останавливается около большой ели. Задрал голову, он смотрит куда-то в крону и, почти не целясь, стреляет. Обходит дерево, поднимает что-то с земли и, глупо улыбаясь, приближается ко мне. Мы закуриваем, смеемся и разглядываем еще теплого соболя. «Это меня старый охотник научил, — поясняет Костя. — Когда я увидел, что соболев тропу перескочил, вспомнил и решил испробовать, видишь, получилось... Шибко этот зверек собак боится».

Скоро мы уже сидим в зимовье, жарко горит печка, на столе стоит керосиновая лампа, освещающая дрожащим светом потемневшие от времени бревенчатые стены. Каким же уютным кажется это не мудреное строение среди тайги, ну прямо терем! Сезон начался — с почином!

И. ШПЕРОВ

## ИЗОБРЕТАТЕЛЬ ПОРОХА

Осенью 1942 г. начались сложности с охотничьими боеприпасами. Особенно трудно было достать дымный порох. Правда, он был у моего знакомого Валентина Кап-ралава, но тот заломил такую цену, что всех моих сбережений едва хватило бы на покупку одного заряда. Выручил мой сосед и одноклассник Михаил Добровольский; учась в восьмом классе, он подрабатывал лаборантом в сельскохозяйственном техникуме.

— Ты знаешь, что дымный порох изобрели китайцы? — спросил он как-то меня, когда я в очередной раз посетовал на отсутствие пороха. — А мы что, глупее их? Завтра же займусь этой проблемой. Состав пороха элементарен: калиевая селитра, древесный уголь и сера. Добра этого в моей лаборатории навалом...

Мне не довелось лицезреть, как Михаил священнодействовал с химикатами, но результат его трудов я увидел. Это была серо-черная масса, размазанная для просушки на листе газеты. Когда «порох» высох, мы его осторожно

раскрошили. А вот сколько этой «адской смеси» нужно засыпать в гильзу, ни я, ни Михаил не имели ни малейшего понятия. Для начала сделали полуторный заряд и бабахнули в воздух. Звук получился громким, да и отдача была приличной. А дыма было значительно больше, чем при стрельбе настоящим порохом. На этом «заводские» испытания закончились. Я снарядил дюжину патронов и отправился на охоту.

«Войсковые» испытания прошли неудачно. Уже первый выстрел по сидячей утке привел меня в уныние. Нужной резкости боя наш самодельный порох не обеспечивал. Дробовой заряд, вылетевший из ствола, рассыпался по воде в виде дорожки: дробь падала на воду, начиная от дульного среза ружья до сидящей утки включительно. Птица с громким криком сорвалась с воды и улетела без каких-либо видимых повреждений.

Увеличивать заряд мы не рискнули и от самодельного пороха пришлось отказаться. На этом можно было бы и закончить повествование, если бы не одно обстоятельство. В середине 1943 г. я уезжал в Сталинград. Все свои охотничьи боеприпасы, в том числе и патроны, снаряженные самодельным порохом, передал своему другу Михаилу Губину.

То ли я не сказал ему об «особенностях» этих патронов, то ли товарищ был невнимателен, когда мы прощались, но получилось так, что они заняли подобающее место в его патронташе. В тот год Михаил долго подкарауливал одного хитромудрого лисовина, который таскал кур самым наглым образом. Встреча состоялась только в конце зимы. Условия для стрельбы — лучше не придумаешь. Но судьбе было угодно, чтобы в патронташе губинского ружья оказались патроны, снаряженные самодельным порохом. О том, что испытал мой друг, когда после его дуплета лисовин, крутнув хвостом, как молния, исчез из виду, я могу только догадываться... С Михаилом я встретился через 5 лет. Мы долго вспоминали свое военное детство. Вспомнил Губин и про злосчастные патроны с самодельным порохом. Вспомнил незло, с улыбкой.

Б. АБРАМОВ

## ЧЕТВЕРТАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ ВЫСТАВКА

«РЫБоловный и охотничий  
рай-2001»

15-18 сентября

Всероссийский выставочный центр  
павильон 69

Организатор выставки

ООО «РВК «Эксподизайн»

Тел: (095) 181-44-74; 181-41-06;  
181-17-01; факс: 181-14-30

НА ПРИВАТЕ

СЛОБОДЕНЮК В. Вновь о долгосрочном лицензировании	1
КОЛОСОВ В., ДОРМИДОНТОВ Р. Разрушение охотничьего хозяйства (интервью)	2
ЗЫРЯНОВ А., СМЕРНОВ М. Бегу и возвращаюсь	4
ШТИЛЬМАРК Ф. Охота в моей жизни	5
БЛЮМ М. Комбинированные ружья ИЖМЕХА	7
СЕВАСТЬЯНОВ А. Шайтан	8
НИКОЛЕНКО А. Улунга	10
СМЕРНОВ М. Кабан в центре Азии	12
РУСАНОВ Я. Охоты по перу. На уток	16
КАЛИНИН М. Депплетная охота	18
КАЛИЕВ Р. Причуды природы	20
БЛЮМ А. Охота на гусей	22
ЛЕОНОВ П. Мои гончие	24
ХРАМЦОВ Г. Курцаар на охоте и дома	26
ТИХОМИРОВ В. Оптика, оптика	28
МАСЛОВ Ю. Знаменитые ружья. «Эспри»	30
ЧЕРНЫШЕВ В. Уход	32
СТРЕЛКОВ П. Райские сады Сарыхосора	38
МАРТЫНОВ Е. Дикие мои звери. Стихи	41
УЛИТИН А., СЫРОЕЧКОВСКИЙ Е., РОГАЧЕВА Э., СЫРОЕЧКОВСКИЙ Е. (младший). Международному совету по охоте — 70 лет	42
СЛЕСАРЕНКО И. Испытания гончих	43
Письма читателей	44
На привале	46
Реклама	31, 45, 47
ШИШКИН В. Гусеобразные	48

**На первой странице обложки:**  
Отлично выполненная работа приносит глубокое удовлетворение и чувство законной гордости

Фото В. Животченко

**На второй странице обложки:**  
Животный мир Камчатки:  
Лисица — один из объектов пушного промысла  
Заяц-беляк — живет на большей части территории России, включая Камчатку

Фото Э. Малиновского

**Главный редактор О. К. Гусев**

**Редакционная коллегия:**

М. М. Блюм, М. В. Булгаков, Г. В. Висяцев,  
Т. А. Волжина (ответственный секретарь),  
Л. А. Гибет, В. В. Дёжкин, Р. В. Дормидонтов,  
А. М. Лаврова, В. Г. Сафонов, К. П. Савельева,  
А. А. Севастьянов, А. А. Улитин, В. Е. Флинт,  
В. Б. Чернышев

Зав. отделом писем И. И. Полосухина

Художник Т. В. Баженов

Художественный редактор М. Л. Кнерцер

Корректор Э. С. Корчагина

Сдано в набор 01.06.2001 г. Подписано к печати 28.06.2001 г.  
Формат 84х108 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.  
Усл. печ. л. 5,04. Тираж 29040 экз. Заказ 4444. Цена 17 руб.

Адрес редакции: 107996, ГСП-6, Москва, Б-78,  
Садовая-Спасская ул., 18. Тел.: 207-24-05, 207-20-91.

Ордена Трудового Красного Знамени  
ГУП Чеховский полиграфический комбинат  
Министерства Российской Федерации по делам печати,  
телерадиовещания и средств массовых коммуникаций  
142300, г. Чехов Московской области  
Тел. (272) 71-336, факс (272) 62-536

В случае обнаружения полиграфического брака обращайтесь,  
пожалуйста, по адресу типографии

Зарегистрирован Государственным комитетом по печати  
12.10.90 № 452

# ГУСЕОБРАЗНЫЕ

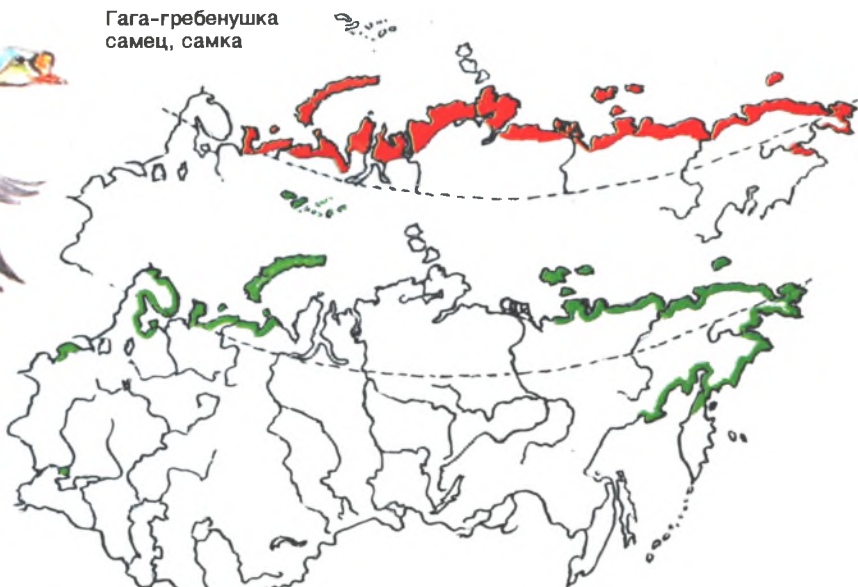
Когда речь заходит о гагах, то многие, не видевшие никогда этих морских уток, слышали тем не менее о ценном гагачьем пухе, лучшим природном, сберегающем тепло, материале. Люди сравнительно давно поняли, что именно пух, а не мясо, далеко не блестящего вкуса и запаха (сказывается питание гаг морскими беспозвоночными), представляет наибольший интерес при гагачьем промысле. Гаг стали охранять, приручать. Особенно удачно такая работа велась в Исландии, Норвегии, где гаги гнездятся колониями высокой плотности. В нашей стране запрет на добычу гаг был установлен в 1931 г. Изучением, воспроизводством и охраной гаг интенсивно занялись в госзаповедниках (например, в Кандалакшском), в заказниках. Из 4 видов наших гаг наиболее известна и местами многочисленна **обыкновенная гага**. Гнездится на островах и побережьях от Балтики и Мурмана до Чукотки и Камчатки (на участке от Ямала до устья Яны гнезд пока не находили). Обыкновенная гага — крупная птица, вес может превышать 2,5 кг, длина до 70 см. Брачный наряд самца — контраст черного (брюхо, поясница и хвост, большая часть маховых перьев, шапочка) и белого (большая часть спины, головы, шеи, кроющие маховые, пятна на бедрах). Зоб с розоватым оттенком, а область между щеками и затылком — с бледно-зеленоватым. Клюв оливково-серый. У тихоокеанских обыкновенных гаг клюв желтоватый; на горле самок черное пятно в виде острого угла, обращенного вершиной к подбородку, как у самцов гаги-гребенушки. Самка окрашена в буровато-охристые или серые тона, с мелким, темным, поперечным, как правило, рисунком. Линный самец теряет большую часть белого наряда, заменяя ее черной, белая окраска остается на плечах и в виде мелкого бурого крапа по основному темному фону. На местах гнездования гаги появляются в апреле — мае (на Крайнем Севере — позднее). Гнездо обычно на земле, иногда под растительным или каменным укрытием, часто совсем открыто. Могут образовывать колонии и гнездиться отдельными парами. Самка сидит очень плотно. Иногда при сборе пуха позволяет снимать себя с гнезда руками. Собранный пух восстанавливает. Насиживание кладки (обычно 4—6 яиц) продолжается до 4 недель. Пуховики серовато-бурые со светлой бровью. Слетки появляются поздно, на 65—76-й день. Кроме беспозвоночных могут поедать рыбу, растительные корма. Вне сезона размножения держатся в открытом море, откочевывая в более южные области. В 70-х гг. XX века гнездовая колония гаг возникла в Крыму. Численность обыкновенных гаг в России вряд ли превышает 100 тыс. особей.

Близкий родственник обыкновенной гаги — **гага-гребенушка** (известны межвидовые гибриды) также обитатель арктических островов и побережий Евразии и Сев. Америки. В России на гнездовании встречается sporadически от п-ова Камчатка до Чукотки (есть на Ямале, Таймыре и в других местах разрыва ареала обыкновенной гаги). Гребенушки мельче обыкновенных гаг (длина редко больше 60 см, вес — 2 кг). Брачный наряд самца великолепен. Красный клюв, оранжевый, окаймленный черным, большой вырост у основания надклювья, голубовато-сизая шапочка, зеленовато-оливковый тон на светлых щеках и розоватый — на зобе большая часть спины, брюхо, хвост, крыла черные. Белые пятна на бедрах, у переднего края крыла, на подкрыльях. При сложенном крыле внутренние удлинённые серповидно изогнутые маховые выдаются двумя стоячими черными треугольниками над поверхностью спины. Самка рыжеватая-бурая, на боках перистая чешуйчатой, а не поперечной (как у обыкновенной гаги) формы, оперенная зона по бокам надклювья не доходит до уровня ноздрей (в отличие от обыкновенной). Гнездится гребенушка отдельными парами. В кладке обычно 4—6 яиц. Насиживание 22—24 дн. Пуховики светлее, чем у обыкновенной. Время подъема на крыло неизвестно. В питании доминируют беспозвоночные. Запас российских гребенушек, возможно, превышает 1 млн. особей.

В. ШИШКИН

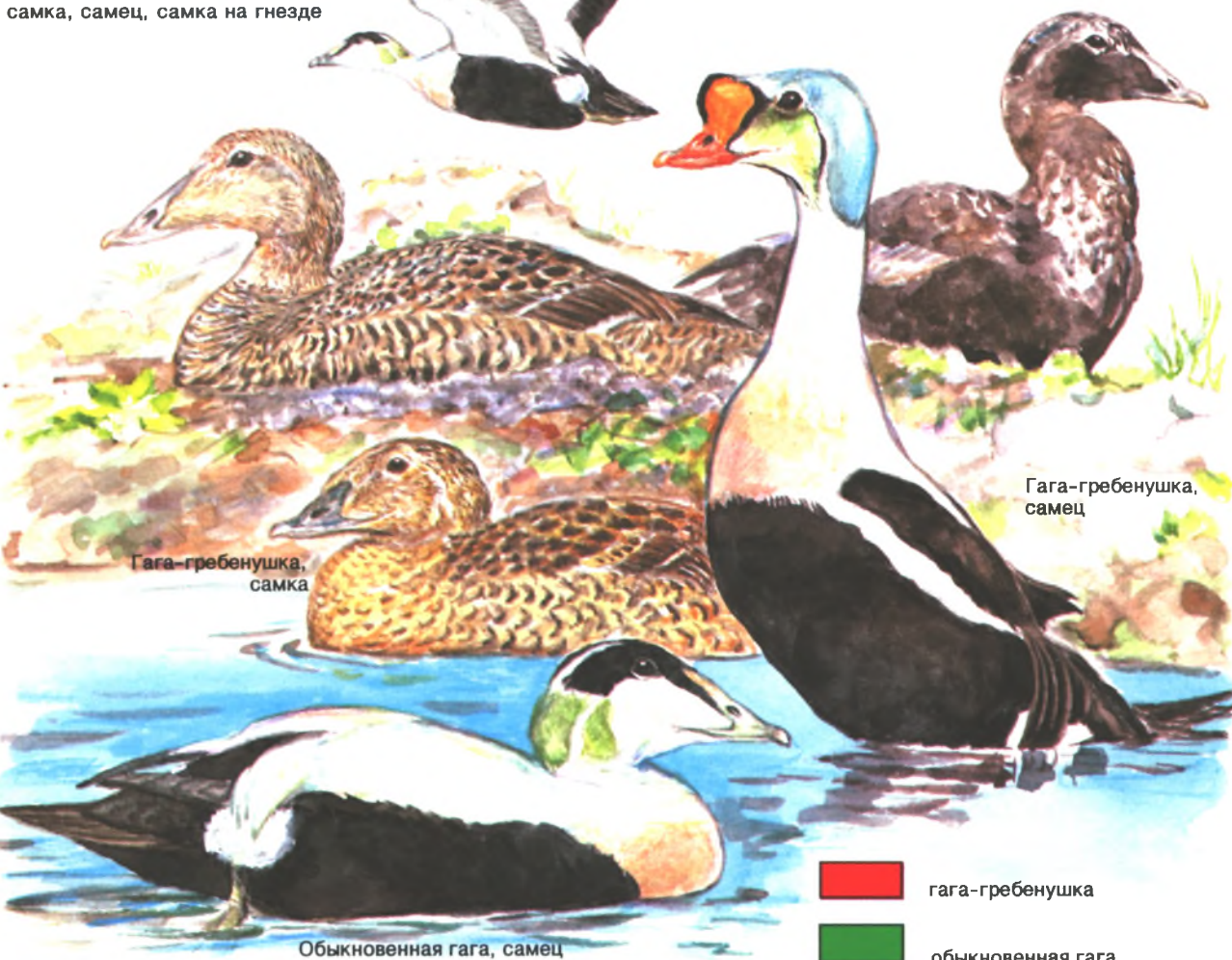


Гага-гребенушка  
самец, самка



Обыкновенная гага,  
самка, самец, самка на гнезде

Линный самец  
обыкновенной гаги



Гага-гребенушка,  
самка

Гага-гребенушка,  
самец

Обыкновенная гага, самец



гага-гребенушка

обыкновенная гага





**Животный мир Камчатки:**  
Мохноногий сыч, фифи,  
шилохвосты и белая куропатка  
**Фото Э.Малиновского**

